

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (3)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2009**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 1 (3)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2009**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Рябов В.В.</i> (Председатель)	доктор исторических наук, профессор, ректор ГОУ ВПО МГПУ
<i>Геворкян Е.Н.</i>	доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ
<i>Атанасян С.Л.</i>	кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ
<i>Русецкая М.Н.</i>	кандидат педагогических наук, доцент, проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> (Главный редактор)	доктор исторических наук, профессор
<i>Данилов А.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории
<i>Карпачев С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Леванов Б.В.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Митрофанов К.Г.</i>	кандидат исторических наук, зав. кафедрой методики преподавания истории
<i>Михайловский Ф.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории современности

- Пащенко Е.Н.* Коммуникационный аспект развития мирового экономического кризиса..... 8
- Пухович Л.И.* Особенности межэтнических отношений в многонациональных государствах на примере Казахстана и Канады 17
- Карпачев С.П.* Современное французское масонство: основные ордена 24

Экономическая история

- Стецюра Т.Д.* «Чтобы не терпела ущерба выгода многих...»
Фома Аквинский о проблеме ростовщического процента 35
- Ушаков А.В.* Особенности материального положения и труда интеллигенции России в конце XIX – начале XX веков 44
- Перечицкая С.Л.* К вопросу об организации и охране Волго-Донского волока казенных грузов в XVIII веке 52

История России советского периода

- Боева Л.А.* Сужение функций и полномочий ВЧК-ОГПУ в первый год НЭПа..... 56
- Смирнова Ю.В.* Истоки и сущность НЭПа в общественной мысли периода «перестройки» 1985–1991 гг..... 63
- Лобанова Е.В.* Советско-французские дипломатические отношения в 20-е гг. XX в. и проблемы нового кредитования России 78

Историография

- Михайловский Ф.А.* Магистратские компоненты власти Августа в зарубежной историографии XIX–XX вв..... 88
- Ртищева Г.А.* К проблеме определения своеобразия общества норманнской Сицилии..... 101

Историческая публицистика

Хаванов Е.И. Место встречи — Берлин..... 107

Научная жизнь

Ртищева Г.А. Человек «большого времени». Размышления
о судьбе и творчестве профессора И.Н. Осинковского 118

Библиография работ профессора И.Н. Осинковского..... 127

В студенческом политклубе «Открытая трибуна» 132

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

2009, № 1 (3)..... 134

CONTENTS

Contemporary History

- Pashentsev Ye.N.* Communicational Aspect of the World Economic Crisis Development8
- Pukhovich L.I.* Peculiarities of Inter-ethnic Relations in the Multinational States: Canada and Kazakhstan17
- Karpachev S.P.* Modern French Masonry: Main Orders24

Economic History

- Stetsiura T.D.* «...Lest the Advantage of Many Should be Hindered». Thomas Aquinas on Usury35
- Ushakov A.V.* Peculiarities of Living Standards and Work Conditions of Intelligentsia in Russia at the Turn of the XX th Century44
- Perechitskaya S.L.* Concerning the Organization and Defence of Volga-Don Portage of Fiscal Goods in the XVIII Century52

History of Russia of the Soviet Period

- Boeva L.A.* Limiting the Functions and Prerogatives of the VCHK-OGPU in the First Year of NEP56
- Smirnova Ju.V.* Origin and Essence of NEP in Public Mentality in the Period of Perestroika of 1985 to 199163
- Lobanova E.V.* Soviet-French Diplomatic Relations in the Twenties and the Problems of the New Crediting for Russia78

Historiography

- Mikhailovsky F.A.* Magisterial Components of Augustus' Power: the Western Historiography of the XIX–XX Centuries88
- Rtishcheva G.A.* On Defining Peculiarity of Norman Sicily Society101

Historical Publicism

Khavanov Ye. I. Meeting Point — Berlin107

Scientific Events

Rtishcheva G.A. Person of «the Long Time»: Reflections on Fate
and Creativeness of Professor I.N. Osinovsky 118

The List of the Scientific Works Written by Professor I.N. Osinovsky127

For the Student Political Club «The Open Tribune»132

**Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies»,
2009, № 1 (3).....**

134

Е.Н. Пашенцев

Коммуникационный аспект развития мирового экономического кризиса

Сегодня на уровне транснациональных корпораций, во внутренней и внешней политике ведущих стран мира идет постепенный процесс формирования нового самостоятельного вида специального управления – коммуникационного менеджмента (КМ). В статье рассматривается роль коммуникационного менеджмента в возникновении и развитии мирового экономического кризиса, а также конкретные технологии «стимулирования» кризисных явлений в финансово-экономической сфере, общественном сознании, которые были задействованы в США.

Ключевые слова: кризис; коммуникационный менеджмент; международные отношения; международная безопасность.

В последние годы в бизнесе и политике явно наметился сдвиг в сторону дальнейшей интеграции коммуникаций. Сегодня на уровне транснациональных корпораций, во внутренней и внешней политике ведущих стран мира идет постепенный, не всегда заметный, но от этого не менее очевидный процесс формирования нового самостоятельного вида специального управления — коммуникационного менеджмента (КМ). Ассимилируя опыт капитанов мирового бизнеса, государств-лидеров в системе международных отношений, более широкие слои национальных деловых и политических элит получают со временем ограниченный доступ к высокоэффективному использованию коммуникационных технологий в управленческом контексте.

На наш взгляд коммуникационный менеджмент — это прежде всего профессиональное управление людьми и капиталами посредством коммуникаций¹. Коммуникационный менеджмент может быть средством управления, как отдельных личностей, так и самых различных социальных групп и даже государственных образований. КМ может дополнять административный, финансовый и другие ресурсы управления, а может выступать в качестве ведущей силы управления. Коммуникационный менеджмент капитала возможен, поскольку капитал выступает как социальное отношение, как отношение между людьми.

Происходит быстрое формирование, дальнейшее развитие субдисциплин в рамках коммуникационного менеджмента: коммуникационный менеджмент

в кризисных ситуациях, репутационный менеджмент, бренд-менеджмент, новостной менеджмент, коммуникационная поддержка лоббистской деятельности, коммуникационная компетентность и коммуникационный аудит, коммуникационная безопасность и нейтрализация манипулятивных технологий, КМ и управление конфликтами, информационные войны в бизнесе и политике и др.

Проблемы международной и национальной безопасности усугубляет развивающийся ныне мировой экономический кризис, причины и последствия которого в полной мере еще только предстоит выяснить. Важное значение в его возникновении и, полагаю, в дальнейшем развитии сыграют технологии коммуникационного менеджмента. Почему? «По оценке многих экспертов доля стоимости репутации в общей стоимости западных компаний за последние 15 лет возросла с 18 до 82%, а доля нематериальных активов в стоимости некоторых ведущих компаний достигла и большего — 96% стоимости Coca-Cola и т.д. При этом повышение репутации на 1% дает рост рыночной стоимости акций фирмы на 3%!»².

«Эта оценка, однако, не радует, а скорее настораживает. Репутация тоже деньги. Но компанию, стоимость которой определяется, прежде всего, ее репутацией, вряд ли можно считать надежной. Более того, чрезмерный отрыв курса акций от их реальной стоимости чреват финансово-экономическими потрясениями. Может быть, стоит вспомнить уроки мирового экономического кризиса 1929–1931 гг. и не делать поспешных выводов?», — такой комментарий я дал оценкам экспертов в 2000 г.³ К сожалению, за последние восемь лет этот отрыв достиг столь значительной величины, что финансовая поддержка «мыльных» пузырей со стороны того или иного государства может лишь отдалить кризис, в конечном счете, сделав при этом его гораздо более разрушительным. Тем более, что производственные мощности в развитых странах в последние десятилетия не наращивались должным образом, и покрыть денежную эмиссию соответствующей товарной массой будет крайне затруднительно.

В середине 1990-х гг. доля финансовых услуг в ВВП Соединенных Штатов превысила долю промышленного производства. С 1970-х гг. по 2008 г. составляющая промышленного производства в ВВП упала с 25% до 12%. Доля финансовых услуг возросла с 12% до 20–21%. При этом 4–5% роста ВВП в финансовом секторе 1990–2000-х гг. связаны с ипотечным бумом. С 1987 по 2007 гг. общая задолженность в США выросла с 11 трлн. долларов до 48 трлн⁴. долларов, в которых наиболее велика доля частного финансового сектора. Разрыв потребительского «мыльного пузыря» неминуемо ведет к беспрецедентному числу банкротств, основная доля которых придется на финансовый сектор. Сталкиваясь в минувшем году с нарастающими проблемами, корпорации не находили решения. Они скрывали убытки, завышали полученную прибыль. Торговля дорожающими акциями компаний, маскирующих свои увеличивающиеся трудности, породила противоречие, которое рано или поздно должно было вырваться наружу. Проблемы на фондовом рынке программировались замаскированными проблемами всей мирэкономике, включая функционирование банковского сегмента.

Технологии коммуникационного менеджмента, используемые некоторыми частными корпорациями в лучшем случае опрометчиво, в худшем, с целью достижения прибыли любыми средствами, обернулись серьезным ущербом для миллионов людей, нанесли прямой ущерб национальной безопасности не только США, стран Западной Европы или России, но и мира в целом. Искусственно высокая доля нематериальных активов в стоимости предприятий как провоцирует разного рода информационные атаки против них со стороны конкурентов, так и подводит к мысли об организации таких атак против себя с целью резко сбить стоимость акций в результате их массовой распродажи, а затем, скупив через подставных лиц, укрепить свои же позиции в предприятии. Очевидно, чем выше доля нематериальных активов в бизнесе, тем легче и эффективнее провести подобную операцию. Банкротству целого ряда инвестиционных структур в США сопутствовали явно инспирированные слухи, сообщения в СМИ, которые помогли кому-то хорошо заработать на кризисе.

Вряд ли случайно, Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) привлекла двух профессионалов в сфере коммуникаций для помощи чиновникам во время текущей экономической суматохи. Так, прежде отвечавший за корпоративные коммуникации вице-президент американской медиа-компании AOL Эндрю Веинштейн выступил консультантом SEC, а бывший директор компании Clark & Weinstock, занимающейся политическим консалтингом, Эрик Хотмайр стал директором по коммуникациям. Представитель Комиссии по ценным бумагам и биржам Джон Хеин подтвердил, что Эндрю Веинштейн и Эрик Хотмайр начали работать с SEC в начале этого месяца, но характера работы новых сотрудников г-н Хеин уточнять не стал. Стоит напомнить, что СМИ и законодатели недавно критиковали Комиссию по ценным бумагам и биржам и ее председателя Кристофера Кокса за бездействия во время разрастающегося кризиса на Уолл Стрит.

В конце 1990-х гг. в США произошло одно событие, также сыгравшее немаловажную роль в развитии предпосылок для нынешнего кризиса. Был отменён принятый в 30-х гг. прошлого века закон Гласса-Стигала, запрещающий коммерческим банкам заниматься деятельностью инвестиционных банков, то есть размещать ценные бумаги и торговать ими. Соответственно инвестиционные банки не могли исполнять функции коммерческих банков, то есть принимать депозиты и предоставлять кредиты. Такое разделение считалось необходимым, чтобы ограничить спекуляцию банками и тем самым избежать повторения большого финансового кризиса 1929–1930 гг. Этого разделения придерживались почти 60 лет, но, в конце концов, финансовые магнаты Уолл-стрита настояли на его отмене во имя рыночной свободы. Стабильность принесли в жертву олигархической идеологии. И именно это решение сделало крайне выгодным проработку долгосрочной стратегии создания «мыльных пузырей», не в последнюю очередь с использованием всех средств коммуникационного воздействия на целевые аудитории. Сама по себе смена адми-

нистрации Д.Буша на администрацию Б. Обамы не стабилизирует фондовый рынок и не остановит развития кризиса, нужны гораздо более серьезные меры системного характера, как в США, так и на международной арене в целом.

Подобный сценарий социально-экономического развития стал возможным в гораздо более образованном, чем в 1929 г., обществе не в последнюю очередь за счет эффективного использования КМ-технологий на глобальном уровне в своекорыстных целях, что привело к снижению социальной и политической активности населения и, как следствие, к ослаблению контроля за действиями властей и корпораций. Резко снизилась численность профсоюзов в большинстве стран Запада и России, понизилась роль политических партий в принятии решений, а сами партии все больше персонифицировались в лице их публично «раскрученных» с помощью современных СМИ лидеров. Если раньше коммуникации служили средством связи партий со своим электоратом с целью мобилизации его поддержки, то сегодня партии на Западе в определенной мере и все больше в лице их лидеров встраиваются в систему опосредованного управления населением стоящими в тени олигархическими кланами, что препятствует принятию адекватных общественным интересам решений.

Террористические акции, локальные конфликты также весьма искусно вплетаются в ткань коммуникационного менеджмента. Более того, за счет «спина» (от английского spin — верчение, кружение, то есть нужного поворота освещения события в СМИ) и других коммуникационных технологий, удается проложить дорогу от события к радикальным политическим, военным решениям, которые без КМ были бы невозможны. Так после атаки террористов на Торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона администрации Дж. Буша удалось так повернуть общественное мнение в США и, во многом за их пределами, что сделало возможным оккупацию нефтедобывающего Ирака без сколько-нибудь убедительных оправданий своих действий. О высокой степени развития манипулятивных технологий в СМИ поведали несколько лет назад ведущие журналы США в книге вышедшей под редакцией К.Бориссон⁵.

Совсем недавно российско-грузинский конфликт был подан ведущими мировыми новостными каналами в столь одностороннем виде, что только явная неадекватность президента Грузии, закусывающего свои проблемы галстук и, пусть и с некоторым опозданием, активная коммуникационная политика России отчасти помогли преодолеть на Западе страх перед «воскресшей империей зла».

Гонка вооружений разворачивается с конца XX века темпами невиданными со времен «холодной» войны, что, однако, не в последнюю очередь из-за соответствующей информационной политики не находит в общественном сознании разных стран сколько-нибудь заметного отражения. Между тем и без войны гонка вооружений очевидным образом усугубляет многие проблемы давно «больной» мировой экономики и не способствует росту благосостояния и безопасности *всех стран мира*.

Информационные войны не сегодня вошли в практику международной жизни. Существует серьезный пласт фундаментальных научных исследований на эту тему⁶, но в период дальнейшего совершенствования информационных технологий на фоне нарастания кризисных явлений в мировой экономике, серьезных трений в международных отношениях, видимо, следует ожидать новых масштабных сражений за контроль над умами и поведением людей. К этому готовятся как гражданские, так и военные структуры.

В разгар финансового кризиса 22 октября 2008 г. Министерство обороны США сосредоточило все полномочия в области внутренних коммуникаций в новой структуре, которая носит название «Защита деятельности СМИ». Заместитель министра обороны в области связей с общественностью Роберт Хастинг, отметил, что объединение управления всеми коммуникациями будет способствовать эффективности и широкому распространению информации: «Мы станем организацией, которая поставит больше информации в короткие сроки». Минобороны выделило из бюджета \$ 63 миллиона на строительство штаб-квартиры новой структуры в Мэриленде, которое завершится в 2011 г. «Штаб сотрудников “Защиты деятельности СМИ” составляет 600 человек. Наиболее важной частью их деятельности станет создание “лаборатории СМИ”, в рамках которой будут апробированы инновационные методы всех видов коммуникаций», — добавил Хастинг. В задачу команды «Защиты деятельности СМИ» будет входить также отслеживание всех контактов с медиаагентствами, на работу с которыми предусмотрен ежегодный бюджет приблизительно в \$ 220 миллионов. Кроме того, новая структура будет сотрудничать со службой вещания армии США. Создание подобной централизованной структуры вполне отвечает серьезности момента и возможным тревожным сценариям развития событий.

Недавно подготовленный отчет Института стратегических исследований Военного колледжа Армии США (US Army War College's Strategic Studies Institute), «Известные неизвестные: нетрадиционные стратегические шоки в развитии оборонной стратегии»⁷ предостерегает, что США могут пережить массовые гражданские волнения в результате серии кризисов, которые обозначены в отчете как «стратегический шок». Отмечается, что армия может быть использована для подавления общественных беспорядков. Настоящая публикация является работой Правительства США, хотя позиция автора отчета полковника в отставке Натана Фрея не обязательно отражает политику или позицию Министерства обороны США, говорится в преамбуле к исследованию, тем не менее, сам факт его появления говорит о многом. «The Washington Post» в прошлом месяце отмечала, что военные власти США надеются иметь специальные подразделения внутри страны к 2011 г. на случай атаки террористов с использованием ядерного оружия или другой катастрофы в стране. 8 сентября Army Times объявила, что первые части будут размещены в Колорадо Спрингс с целью обучения противостоянию гражданским беспорядкам. Глава МВФ Доминик Страусс-Кан (Dominique Strauss-Kahn) также предостерегает,

что если не будет сохранен экономический рост, «социальный протест может иметь место в разных странах, включая и страны с развитой экономикой; люди реагируют (на кризис — *Е.П.*) с чувствами переходящими от удивления к гневу и от гнева к ярости». Однако управлять справедливо разгневанными массами людей опираясь только на армию сложно, финансовых рычагов воздействия в период кризиса явно не хватает, а коммуникационный ресурс использовался администрацией США с развитием кризиса весьма своеобразно.

Специалисты выделяют типичные ошибки в сфере КМ при столкновении с кризисом, которые подтвердил и настоящий кризис. Однако, нельзя исключить, что ошибки могут лишь выглядеть как цепь не связанных друг с другом пагубных решений, на самом же деле они могут быть точным расчетом «кризисных управляющих». Это:

Разглагольствования (неоднократные), которые подменяют действия разговорами. Неоднократные оптимистические заявления по экономическим вопросам администрации Буша в первой половине 2008 г., обещания, что она контролирует ситуацию, неоднократные обсуждения в конгрессе в 2007–2008 гг. ухудшающегося положения в экономике, без принятия должных решений законодателями.

Конфронтация «подкармливает» кризис, не давая ему угаснуть. На публике председатель Федеральной резервной системы США (ФРС) Бен Бернанке и министр финансов Генри Полсон действуют сообща, но за кулисами их команды нередко конфликтуют, это не раз становилось достоянием СМИ. Дебаты между кандидатами на пост президента США по кризисной тематике также, едва прикрытые противоречия на Форуме 21-й державы в Вашингтоне и другие примеры явной или скрытой конфронтации серьезно осложняют положение и поиск выхода из кризиса.

Нерешительность, что создает у публики ощущение некомпетентности и отсутствие подготовки. Председатель Федеральной резервной системы США (ФРС) Бен Бернанке изучал Великую депрессию, и еще в сентябре 2007 г. начал снижать процентную ставку, опустив ее за год с 5,25% до 1%. «В 1930-х гг. политики начали действовать, только когда многие банки обанкротились. На этот раз меры по спасению были приняты вовремя и очень решительно», — заявил он недавно. Снижение процентной ставки облегчило получение «легких» кредитов, росло потребление не по средствам, что также содействовало в дальнейшем более жесткому сценарию кризисного развития и позволило превратить в безнадежных должников миллионы. «Политика наименьшего вмешательства [в рынок] привела к тому, что мы всегда отставали на один шаг»⁸, — возражает курсу ФРС бывший главный экономист МВФ Рагхурам Раджан. И такая точка зрения доминировала по опросам общественного мнения среди американцев еще со второй половины 2007 г., но это не привело к своевременной коррекции правительственного курса в верном направлении.

Низкий уровень информационной безопасности в результате ведомственных противоречий, политической борьбы и других факторов. Еще в конце 2007 г. министр финансов Полсон поручил сотрудникам разработать экстренный план действий. Он предусматривал, в частности, выкуп плохих активов у финансовых компаний и покупку доли в банках. В администрации Буша план назвали «пожарным»: мало кто ждал, что он понадобится. Когда сведения о плане с большим опозданием стали достоянием прессы, это не могло не стимулировать панических настроений.

Отсутствие точной информации у ответственных лиц. Полсон занял твердую позицию, рассказывают высокопоставленные чиновники правительства: госсредства не могут использоваться для спасения Lehman Brothers, у него есть резервы для выживания. Многим в ФРС, включая председателя Федерального резервного банка (ФРБ) Нью-Йорка Тимоти Гейтнера, это казалось неправильным. Вечером в пятницу, 12 сентября, когда руководители крупнейших банков собрались в здании ФРБ Нью-Йорка, Гейтнер предупредил их, что власти не желают выручать участников рынка. Но Lehman находился в гораздо худшем состоянии, чем думали чиновники. Специалисты других банков, ознакомившись в выходные с его документами, выяснили, что активы переоценены более чем на \$ 30 млрд.⁹. Последовал крах Lehman.

Цепная реакция и паника. В среду, 17 сентября, после краха Lehman пришлось национализировать страховую компанию AIG, выдав ей кредит на \$ 85 млрд, а инвесторы в панике обрушили рынки всех активов по всему миру. Компания AIG начала свою деятельность в России в 1994 г., зарегистрировав компанию ЗАО «RUS AIG» (с 1997 г. компания «AIG Россия»). В 1997 г. Компания открыла операции по страхованию жизни под брендом AIG Life. В мае 2004 г. согласно Законодательству РФ, требующему разделения страхования жизни и иных видов страхования, была зарегистрирована новая компания ЗАО «АИГ страховая и перестраховочная компания», которая осуществляет деятельность по страхованию и перестрахованию в России. Операции по страхованию жизни осуществляет компания ЗАО «Страховая компания АИГ Лайф». Не допуская краха страховых компаний, правительство США временно избегает наиболее тяжелых социальных последствий кризиса, но надолго ли хватит резервов, и окажется ли по силам подобный курс странам с более отсталой экономической и социальной структурой?

Потеря времени. 20 сентября минфин США направил конгрессу письмо, прося выделить \$ 700 млрд. на покупку у финансовых организаций проблемных активов. Сам Полсон противился покупке долей в банках: он полагал, что тогда придется выбирать, кого спасать, а кого нет, боялся, что банки консервируют деньги, а не направят их на кредиты. Палата представителей отклонила предложение. Пока законодатели теряли время, инвесторы теряли деньги: с 18 сентября, когда Полсон впервые рассказал о плане в конгрессе, до его одобрения 3 октября с фондового рынка США испарилось \$ 1,5 трлн.

Ответные меры, которые увеличивают напряжение, а не уменьшают его. На встрече в Вашингтоне лидеров 21-й страны мира 15 ноября Дж. Буш заявил, что «он согласился на выделение 700 млрд. долл. на помощь финансовым институтам страны, только после того как был проинформирован о том, что нация может войти «в большую депрессию, чем была Великая депрессия». Это заявление не успокоило общественность, а наоборот, усилило социальное негодование и негативно сказалось на рынке.

Судебное разбирательство в еще большей степени привлекает внимание прессы (масса исков по случаю кризиса). Развитие коммуникационного менеджмента определяется не только текущей мировой экономической и политической конъюнктурой, но прежде всего характером социальных процессов, способных до основания потрясти существующий порядок вещей. Правда о кризисе и не может быть сказана до конца поскольку в США, да и в других странах, это может опасно усилить протестные настроения и действия. Кроме того, во власти находятся люди непосредственно ответственные за кризис, а они вряд ли способны его преодолеть.

Подобно скальпелю в руках преступника, КМ, как и все коммуникации в целом, могут обернуться орудием преступления, а последствия их использования — сродни геноциду.

Отказаться от КМ? Сделать это так же трудно как остановить научно-технический и социальный прогресс, тем более, если все члены общества пусть и в разной мере, но объективно заинтересованы в существовании и развитии коммуникационного менеджмента.

Мы научились (хотя далеко не все, не всегда и не полностью) отличать мирный атом от ядерного оружия, телевидение и возможности его неконтролируемого использования и так далее. Иногда же в том или ином «даре» современной цивилизации положительные и отрицательные стороны слиты воедино. Человеческое сознание здесь пасует, (временно) «уходит» от остроты противоречия. Так даже ревностные поборники окружающей среды предпочитают атаковать осязаемых врагов в виде атомных электростанций, а не устраивать массовые аутодафе автомобилям, в то время как они являются одним из главных факторов риска в любой развитой стране.

Видимо коммуникационный менеджмент ждет непростое будущее, его роль в обществе будет неоднозначна, однако, развитие КМ можно будет остановить разве что с развитием всей человеческой цивилизации. А раз так, то видимо имеет смысл считаться с новыми реалиями и готовиться к учету фактора растущего значения коммуникационного менеджмента в подходе к решению всех основных вопросов национальной и международной безопасности. Многое зависит здесь от практической подготовки управленческих кадров разных уровней управления к системному использованию технологий КМ. В условиях нарастающего кризиса это позволит значительно поднять эффективность принимаемых властью решений, снизить вероятность конфронтационных сценариев развития и, тем самым,

помочь создать предпосылки для преодоления кризиса. Разумеется, эффективность КМ в решающей мере будет определяться всем спектром антикризисных мер в социально-политической, экономической, культурно-образовательной сферах жизни. Кое-что сделано, с учетом мировых масштабов кризиса сделать предстоит гораздо больше. Какие социальные и политические силы окажутся способными переломить кризисный ход развития — покажет будущее.

Ye.N. Pashentsev

Communicational Aspect of the World Economic Crisis Development

Nowadays on the level of transnational corporations both in domestic and foreign affairs of the leading countries the genesis of a new special type of management, communication management (CM), is in progress. The article examines the role of CM in the genesis and further development of the world economic crisis and the specific technologies of creating incentives for crisis events in finance, economics as well as in public conscience being used in the USA.

Keywords: crisis; communication management; international relations; international security.

Примечания (Endnotes)

¹ См. подробнее о содержании, основных направлениях и технологиях КМ сборники вышедшие под ред. автора настоящей статьи: Паблик рилейшнз и коммуникационный менеджмент: зарубежный опыт. – М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, Центр коммуникационного менеджмента РНВШУ АНХ при Правительстве РФ, 2006; Коммуникационный менеджмент в мировой политике и бизнесе. – Т. 1–2. – М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, Центр коммуникационного менеджмента РНВШУ АНХ при Правительстве РФ, 2007; Коммуникационный менеджмент как новый фактор международных отношений. – М.: МГИМО, 2007.

² Известия. – 2000. – 11 января.

³ См. подробнее: *Пашенцев Е. Н.* Паблик рилейшнз: от бизнеса до политики. – 2-е изд. – М.: Финпресс, 2000.

⁴ Институт эволюционной экономики // <http://iee.org.ua/ua/detailed/prognoz/1184>

⁵ Into the Buzzsaw: Leading Journalists Expose the Myth of a Free Press / Ed. K. Borisson. – Prometheus books, 2004.

⁶ *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. – М.: «Рефл-Бук»-«Ваклер», 2000; *Мухин А. А.* Информационная война в России. – М.: «Гном и Д», 2000; *Лисичкин В. А., Шелепин В. Н.* Третья мировая информационно-психологическая война. – М.: «Алгоритм», 1999; *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: «Горячая Линия – Телеком», 2003; *Панарин И. Н.* Информационная война и дипломатия. – М.: «Городец», 2004; *Цыганов В., Бухарин С.* Информационные войны в бизнесе и политике. – М.: «Академический проект», 2007; *Вепринцев В. Б.* и др. Операции информационно-психологической войны: Краткий энциклопедический словарь-справочник. — М.: «Горячая Линия-Телеком», 2003; *Фролов Д. Б., Воронцова Л. В.* Информационное противоборство: история и современное состояние. – М.: «Горячая Линия-Телеком», 2004; *Libicki M. C.* What is Information Warfare? – Washington, D.C. National Defense University Press, 1995; *Snow Nancy.* Information War: American Propaganda, Free Speech, and Opinion Control Since 9/11. - New York: Publishers, 2007 etc.

⁷ *Freier Nathan P.* Known Unknowns: Unconventional «Strategic Shocks» in Defense Strategy Development. PKSOI Papers. 2008.

⁸ The Wall Street Journal. – 12.11.2008.

⁹ Ibid.

Л.И. Пухович

Особенности межэтнических отношений в многонациональных государствах на примере Казахстана и Канады

Автор утверждает, что две нефтедобывающие страны, Казахстан и Канада, имеют ряд общих черт: большая территория со сравнительно небольшим и полиэтничным населением, протяженные границы со сверхдержавами, а также проблема государственного языка. В статье говорится о роли религиозной веротерпимости в осуществлении демократии в Казахстане и Канаде и сравниваются некоторые особенности в определении национальной принадлежности гражданина в обеих странах. Обе страны имеют проблему использования государственных языков.

Ключевые слова: Казахстан; Канада; национальная и религиозная идентификация.

Казахстан, который стал независимым государством после развала СССР в 1992 г., сейчас все увереннее заявляет о себе на международной арене. Это связано не только с тем, что недра этой значительной по географическим размерам центрально-азиатской страны хранят большие запасы нефти и других минеральных ресурсов, и не только с впечатляющими достижениями в экономике, но также с темпами реформ политической системы, что ставит Казахстан в один ряд со странами Балтии и Восточной Европы. Не случайно в 2010 г. Казахстану предстоит председательство в Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Таким образом, Республика Казахстан станет первой страной на постсоветском пространстве, которой оказано такое высокое доверие. Однако, самоуспокаиваться рано. В условиях нынешнего экономического кризиса, который больно ударил по экономике многих стран, в том числе по Казахстану, есть опасения, что проблемы ухудшения уровня жизни, которые неизбежно сопутствуют рецессии, могут быть решены за счет свертывания демократии и возвращения тоталитаризма. В этих условиях для Республики Казахстан особенно важен опыт тех государств, которые имеют схожие характеристики, и которые добились успехов в строительстве демократического общества. Одной из таких стран выступает Канада, которая, несмотря на ряд отличий, имеет схожие с Казахстаном характеристики.

Говоря о Казахстане и Канаде, многие эксперты приводят данные, которые подчеркивают схожесть стран по ряду географических и политических параметров. Так, обе страны представляют собой крупнейшие государства по раз-

меру их территорий. Перед Казахстаном и Канадой остро стоит проблема увеличения населения. По данным последней переписи, количество казахстанцев составляет чуть более 15 миллионов 300 тысяч человек, что при территории 2317,3 тыс. кв. км крайне мало, особенно для такой динамично развивающейся страны, как Казахстан¹. Население Канады составляет 32,8 миллионов человек, что также недостаточно для страны с площадью 10 млн. кв. км². Правительство Канады ежегодно принимает на постоянное место жительства более ста тысяч иммигрантов со всего мира. Казахское правительство также проводит политику приема этнических казахов, проживающих в силу разных экономических причин за рубежом. Обе страны хранят в своих недрах значительные запасы нефти и других минеральных ресурсов, что в современных условиях фактор немаловажный.

Казахстан и Канада имеют протяженную границу с тремя ведущими державами — Россией, Китаем (Казахстан) и США (Канада). Говоря о взаимоотношениях Казахстана с Россией, можно привести высказывание Президента Н.А. Назарбаева, который, отвечая на вопрос об отношениях Казахстана и России, сказал: «Я хочу видеть их как отношения между Соединенными Штатами и Канадой — у них каждый день миллиард долларов торговли, 365 миллиардов в год»³.

На территории каждой из рассматриваемых стран находятся более 100 отчетливых этнических групп, которые живут в мире и гармонии. Однако в Казахстане и Канаде имеется проблема использования государственных языков, которыми в Канаде служат английский и французский, а в Казахстане только казахский. Так, в англоязычных провинциях Канады использование французского языка крайне ограничено, так же, как использование английского в Квебеке и Монреале, где в большей степени применяется французский язык. В Казахстане же до сих пор остро стоит проблема использования казахского языка, которым в достаточной степени владеет лишь приблизительно около сорока процентов населения⁴.

Наиболее специфичная черта канадского общества — его этнокультурная мозаичность, выраженная в том, что ни одна этническая группа канадцев не составляет большинства населения страны в целом. Как указывает А.Н. Черкасов, «Канада — это страна меньшинств, связанных общенациональной идеей, этнокультурных групп, большинство членов каждой из которых считает себя канадцами и одновременно с гордостью подчеркивает свою принадлежность к данной этнической группе, не высказывая сознательного стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой»⁵.

В Казахстане коренное население составляет хоть и незначительное, но большинство населения страны. Так по данным на 1 января 2007 г., казахи составляют 59,2% населения страны, и предстоящая перепись населения в 2009 г. может еще увеличить эту цифру⁶. Так же, как и в Канаде, многочисленные этнические группы считают себя казахстанцами и не подвержены ассимиляции. Особенно это было заметно в последнее время, когда в стране встал вопрос

о замене графы национальности в паспортах на гражданство. Как казахи, так и другие этнические группы выступили против такой меры, в результате новые паспорта сохранили отметку национальность. В Канаде периодические издания выходят более чем на 60 языках, в Казахстане на 13 языках, что также говорит о том, что основные этнические группы страны имеют возможность получать информацию на родном языке⁷.

Однако на этом можно поставить точку в перечислении общих характеристик и перейти к анализу различий. В Казахстане многочисленные представители этнических групп с гордостью сохраняют и культивируют этнокультурные корни своих предков. При этом русские (украинские, уйгурские, и т.д.) казахстанцы называют себя казахстанскими русскими (украинцами, уйгурами и т.д.). При этом графа национальности в удостоверении (паспорте) подчеркивает такое положение. В отличие от Казахстана, в Канаде используется другая формула, а именно «этническое происхождение — канадцы»⁸. Таким образом, в Канаде произносятся: «русские канадцы», «китайские канадцы», «украинские канадцы» и т.д., что акцентирует главную идею: это канадцы такого-то происхождения, но, прежде всего — канадцы. В Казахстане эта идея не находит поддержки в силу того, что для многочисленного русскоязычного населения независимый Казахстан психологически еще недостаточно ассоциируется со своей родиной. Более того, учитывая тот факт, что СМИ России, особенно телевидение и Интернет, пользуются большим спросом, чем казахстанские, переход к канадскому определению нации представляется преждевременным. Более того, в отличие от Канады, где определение гражданства как «канадец» принимается безоговорочно всеми гражданами страны, в Казахстане существуют определенные трения на эту тему. Так, определение гражданства как «казахстанец» не принимает значительный процент этнических казахов, которые хотели бы, чтобы это слово было заменено на «казах» независимо от этнического происхождения, что также вызывает недовольство так называемых русскоязычных⁹.

Здесь необходимо подчеркнуть, что ряд казахстанских политологов считает, что понятие «национальность», которое вписывается в удостоверение личности, а теперь и в паспорт каждого гражданина Казахстана, следует отличать от такого понятия как «этнос»¹⁰. Такой подход соответствует логике и подтверждается опытом многих полиэтнических государств. Термину «нация», «национальность», употребляемым в России, в большинстве стран Запада, включая Канаду, соответствует понятие «этническая группа», тогда как «нацией» там называется совокупность граждан какого-либо государства, а понятие «национальность» практически идентично понятию «гражданство». Так, термин «нация» в Канаде применяется помимо «общенационального» смысла исключительно по отношению к коренным народам страны, которые не имеют другой исторической родины.

Большую роль в межэтнических отношениях играет религия. И Казахстан, и Канада — светские государства, где население принадлежит к различным религиозным конфессиям. Однако, в масштабах всей Канады в целом

никакую религиозную группу в качестве общенациональной, объединяющей назвать нельзя. Католическая церковь, объединяет 45,2% всех канадцев, затем следует протестантская церковь, объединяющая 11,5% канадцев. Из нехристианских религий в Канаде представлены ислам, иудаизм, буддизм и др. Все эти конфессиональные общины располагают сетью храмов и других культовых сооружений, совмещающих с ролью религиозной также роль культурных центров преобладающих этнических групп своих прихожан¹¹.

В Казахстане функционирует свыше 1 600 религиозных объединений. Важное место в религиозном комплексе занимают две традиционные, с точки зрения исторического пути развития народов Казахстана, религии — ислам и православие, на которые приходится почти шестьдесят процентов учтенных религиозных объединений и подавляющее большинство верующих¹². Как указывает политолог Н.В. Романова, «на уровне обыденного сознания практически закрепилось отождествление национального и религиозного. Это зафиксировано и в названиях некоторых религиозных объединений¹³. В Канаде также существует связь вероисповедания с этническим происхождением (итальянцы — католики, шотландцы — пресвитериане и т.д.).

Рассматривая межэтнические отношения в Канаде и Казахстане, нетрудно заметить общую для двух стран тенденцию, которую можно охарактеризовать как поощрение «этнонационализма». Так, в обеих странах проводится государственная финансовая поддержка школ с преподаванием на языках различных этнических групп, деятельность многочисленных культурных обществ, фольклорных фестивалей и др. Но в отличие от Канады, где не существует государственно-образующей нации, в Казахстане такая деятельность этнических меньшинств проводится под патронажем коренной нации. Механизмом регулирования межнациональных отношений в Казахстане выступает Ассамблея народов Казахстана, в которую входят представители всех этнических групп, проживающих в Казахстане. Более того, с 2007 г. Ассамблея получила право избирать в состав мажилиса, нижней палаты парламента страны, девять своих представителей, что подняло на еще более высокий уровень значимость представителей национальных меньшинств в политической жизни страны¹⁴.

Одна из главных особенностей Канады — многокультурность. В Канаде уникальным образом сочетается этническое многообразие с многообразием региональных культур. Как указывает М.А. Владимирова, «...два типа мозаики — этническая и региональная — как бы накладываются один на другой, что затрудняет формирование единого образа Канады»¹⁵. При всем этом канадская национальная идея рассматривает мозаичность как важнейший компонент самобытности. В Казахстане этническая мозаика присутствует во всех регионах страны и не имеет четко выраженной региональной направленности. Более того, этническая мозаика в большинстве регионов Казахстана присутствует в форме фестивалей и концертов под эгидой Ассамблеи Народов Казахстана и не оказывает существенного влияния на формирование этнического само-

сознания. Незримое присутствие русской (советской) культуры на экранах телевизоров, в печатных СМИ Казахстана размывает попытки формирования казахстанской национальной идеи.

Необходимо также учитывать, что Канада — это страна переселенцев, то есть большинство жителей — иммигранты и потомки иммигрантов, прибывшие в страну из различных уголков мира. В Казахстане также большое количество этнических групп — иммигранты, прибывшие из многих республик бывшего СССР. Однако, в отличие от Канады, в Казахстане уже проживала коренная нация, которая имела собственный язык, культуру и даже в разный период истории, государственность. Кроме того, в Канаде существовало две нации-основательницы: франко-канадцы и англо-канадцы, что тормозило ассимиляцию иммигрантов и позволяло им сохранять свою самобытность. В Казахстане, процесс ассимиляции иммигрантов также тормозился, но это было связано с политикой самодержавной России и затем Советского Союза, которые пытались наоборот, хотя и безуспешно, но ассимилировать коренную нацию. С обретением независимости ряд политиков в Казахстане пытались проводить аналогичную политику по отношению к представителям этнических групп, однако такие попытки жестко пресекались действующей властью. Как указывает Президент Казахстана Н.А. Назарбаев: «Сохранение на протяжении полутора десятилетий этнического и религиозного консенсуса в столь хрупком регионе планеты определяет в значительной мере казахстанский путь. Он построен на тонких балансах, и серьезное нарушение быстро дестабилизирует ситуацию»¹⁶.

Исторические особенности заселения Канады и Казахстана иммигрантами имеют ряд общих особенностей. Колонизация обеих государств осуществлялась под жестким контролем центрального правительства, которое переносило туда неотъемлемые черты цивилизации с ее институтами — полицией, школами, больницами. Как в Канаде, так и в Казахстане различные регионы страны заселялись представителями различных этносов. В Канаде эти группы имели при иммиграции свои региональные предпочтения. Так, немцы, украинцы, скандинавы, русские предпочитали селиться в западных провинциях. Итальянцы, поляки, евреи, греки — в основном в городах провинции Онтарио¹⁷. В Казахстане заселение страны шло преимущественно в северных и западных районах, где к моменту обретения независимости русскоязычное население страны составляло большинство. Как считает ряд политологов, именно этот фактор повлиял на решение Президента страны Н.А. Назарбаева перенести столицу страны из южного района (из города Алма-Ата) в северный (в город Акмола, ныне Астана). Тем самым произошла внутренняя миграция, позволившая изменить этнический баланс северо-восточных районов страны в пользу этнических казахов. Необходимо отметить, что некоторые провокационные высказывания российских политиков (в частности В.В. Жириновского) о якобы спорности северных территорий Казахстана лишь добавили аргументов тем, кто выступает за сближение с Западом и даже за вступление Казахстана в НАТО.

Возвращаясь к вопросу о протяженных границах с супердержавами, которыми обладают Канада и Казахстан, можно сказать, что такое расположение имеет как положительные, так отрицательные черты. Говоря о положительных моментах, можно отметить, что в экономическом плане такое соседство крайне выгодно, что подтверждается цифрами взаимного товарооборота. Однако нельзя не отметить, что такая взаимозависимость несет и определенные угрозы. Так Канада, где расположены заводы американской автомобильной промышленности группы «Крайслер», «Форд» и «Дженерал Моторс» испытывает в настоящее время сильный рост безработицы. В первую очередь это связано с рецессией и последующим падением покупательного спроса на изделия американских автомобильных гигантов. Аналогичное сравнение можно сделать и о положении дел в Казахстане, который также зависит от ухудшающейся экономической ситуации в России и Китае. А, как известно, ухудшение экономического положения в стране может привести к различным трениям в межэтнических отношениях, что несет угрозу, как Канаде, так и Казахстану.

Подводя итоги сравнения межэтнических отношений в Казахстане и Канаде, необходимо помнить, что, несмотря на ряд кажущихся схожими черт, обе страны имеют различные ориентиры дальнейшего развития. Если Канада стремится к созданию общества, объединенного идеей единства в разнообразии, то Казахстан строит политику объединения разнообразия в единое. Это означает, что Казахстан может заимствовать ряд положительных моментов канадской модели этнокультурной мозаики, но при этом опираться на собственную стратегию межэтнических отношений.

L.I. Pukhovich

**Peculiarities of inter-ethnic relations in the multinational states:
Canada and Kazakhstan**

The author claims that the two oil extractive countries, Kazakhstan and Canada, have much in common: big territories with comparatively small and multiethnic population, extended borders with superpowers, and problems of official languages. The article also reveals the role of religious tolerance in maintaining democracy in Kazakhstan and Canada and compares some peculiarities in defining the nationality in both countries. The two countries have common problems with implementation of the official languages.

Keywords: Kazakhstan; Canada; religious tolerance; definition of nationality.

Примечания (Endnotes)

- ¹ О странах. Краткий справочник. Казахстан [сайт]: <http://www.ostranah.ru/kazakhstan/>
- ² О странах. Краткий справочник. Канада [сайт]: <http://www.ostranah.ru/canada/>
- ³ Назарбаев Н. А. [сайт]: www.titus.kz/type
- ⁴ Верховтуров Дмитрий. Казахский язык должен стать международным: <http://www.posit.su/site.php?lan=ru&id=102&pub=15421>.
- ⁵ Черкасов А. Н. Страна меньшинств // США и Канада. – 2007. – № 3.
- ⁶ <http://www.zonakz.net/blogs/user/kultegin/4325.html>

- ⁷ <http://mixzona.ru/referat/referat/46057/>
- ⁸ Черкасов А. Н. Ук. соч.
- ⁹ Гали А. Б. Контуры казахстанской национальной идеи. – Алматы: Киян, 2004. – С. 23.
- ¹⁰ Абсамтаров Р. Б. Этнополитическая общность и нации // Мысль. – 1995. – № 10. – С. 45.
- ¹¹ www.statcom.population
- ¹² http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/religious_kazakhstan.shtml
- ¹³ Романова Н. В. Этнический ренессанс: перспективы модернизации в Республике Казахстан // Саясат. – 1995. – № 4. – С. 46.
- ¹⁴ <http://www.arba.ru/news/4756>
- ¹⁵ Владимирова М. А. Многообразие Канады // США и Канада. – 2004. – № 6. – С. 46.
- ¹⁶ Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. – Караганда, 2006. – С. 37.
- ¹⁷ Владимирова М. А. Ук. соч. – С. 44.

С.П. Карпачев

Современное французское масонство: основные ордена

Статья посвящена истории современного французского масонства. Автор, основываясь на источниках и работах французских и русских ученых, рассмотрел происхождение, основные направления и традиции 15 основных французских масонских орденов, таких, как Великий Восток Франции, Великая Ложа Франции, Великая Национальная Ложа Франции и др.

Ключевые слова: масонство во Франции; Великие ложи.

Современное масонство в преддверии своего 300-летия продолжает привлекать внимание мировой и отечественной общественности. Для последней особый интерес представляет французское масонство, являющееся наиболее активным отрядом масонского мира и пользующееся в нем заслуженным авторитетом. Достаточно отметить, что российское масонство всегда было теснейшим образом связано с французским, а для всего современного отечественного «королевского искусства» французские ордена явились материнскими¹.

Французскому масонству посвящена обширная литература², его современное состояние можно проанализировать на основе периодических изданий орденов вольных каменщиков³, интервью их руководителей⁴ публикаций официальной документации, интернетовских материалов.

Первые масонские ложи во Франции появились в 20-х гг. XVIII века. Они основывались англичанами, но в них активно устремлялась французская знать, стремившаяся после тяжелого царствования Людовика XIV к большей свободе мысли и нравов и видевшая в то время свой идеал в общественном устройстве либеральной Англии. Вскоре стали образовываться и чисто французские ложи, состоящие из местной аристократии и буржуазии. В 1728 г. в стране возникла Великая Английская Ложа Франции, переименованная позже в Великую Ложу Франции. На французский язык были переведены устав и ритуал Братства. Мастерские работали по андерсоновской конституции⁵, приспособленной к французским порядкам.

Наряду с классическим английским масонством, появились и другие масонские системы. В 1756 г. возник капитул высших степеней Рыцарей Востока, куда входил большей частью ремесленный люд, называвший себя «верховными и природными принцами всего Ордена». Затем возник «Совет императоров Востока и Запада» — система из 25 степеней, члены которой, принадлежавшие к высшим слоям общества, приняли титул «верховных масонских

принцев». В 1770 г. образовалась Великая Шотландская Ложа. Создавалось и множество иных масонских объединений. Все они не выдержали испытания временем и выбыли из масонского поля.

В 1773 г. был основан Великий Восток Франции (ВВФ) — масонский орден, остающийся до настоящего времени ведущим масонским объединением страны. Одна из причин его жизнеспособности заключается в упорядочении своей деятельности. В частности, был принят новый регламент работ, предусматривающий регулярное избрание руководителей лож, введение возрастных ограничений при приеме, признание части высоких степеней. ВВФ разрешил своим адептам использовать различные ритуалы: Французский, Древнепринятый Шотландский, Шотландский Усовершенствованный и т.д.

Во время Великой Французской революции масонская деятельность, в том числе ВВФ почти полностью прекратилась. Она была возобновлена только в 1795 г. Во время I Империи произошло огосударствление масонства, сопровождавшееся приданием ему внешнего блеска. Наполеон, относившийся равнодушно к масонству, предпочел, тем не менее, поставить его под свой контроль. Великим Мастером Великого Востока был назначен Жозеф Наполеон, который не был вольным каменщиком и на заседаниях не появлялся. Заместителем Жозефа стал принц Луи Наполеон, позднее, в 1805 г., — Камбасерес; Великим Администратором — маршал Массена; Первым Великим Надзирателем — маршал Мюрат, который, будучи по своему роду деятельности в постоянных разъездах, не участвовал в масонских собраниях. Активно действовали в наполеоновской армии военные масонские ложи. Часть вольных каменщиков оказалась в рядах как роялистской, так и республиканской оппозиций. В период реставрации французское масонство возглавлял Людовик XVIII.

Братство вольных каменщиков объединяло в своих рядах людей различных взглядов, философских и политических пристрастий. В него входили деятели умеренной, радикальной, революционной партий. В 40-х гг. XIX века во французском обществе усилились республиканские настроения, что нашло свое отражение и в деятельности Ордена. Его члены с энтузиазмом приняли революцию 1848 г. и установление республики. В воззвании Великого Востока Франции по случаю установления республики говорилось: «Хотя французское франкмасонское Братство согласно своим статутам держится в стороне от всяких политических споров, однако оно не могло умолчать о своих симпатиях к великому национальному и социальному движению, только что свершившемуся. Во все времена на знаменах франкмасонов блистали слова: «свобода, равенство, братство», и, видя их в настоящее время на знаменах французской нации, франкмасоны радостно приветствуют торжество этих принципов и считают себя счастливыми, что могут сказать, что этим все отечество как бы получило масонское освещение»⁶.

После государственного переворота 2 декабря 1852 г. Великий Восток Франции своими постоянными ассамблеями, где принимались решения, живо

воскрешавшие в памяти республиканские времена, не мог не раздражать правительство II Империи. Однако вместо запрета оно смогло установить свой контроль над Орденом и придать ему официальный характер. На конвенте 1854 г., созванном по инициативе кузена императора Луциана Мюрата, конституция Великого Востока была переработана и приспособлена к условиям авторитарного государства и наполеоновскому законодательству. Из первой статьи конституции было убрано определение масонства как прогрессивной организации. Братство, по новой редакции, стало рассматриваться как союз людей, исповедующих различные религии, занимающихся благотворительностью и моральным совершенствованием. Ликвидировалась свобода масонской печати. Руководство Ордена стало назначаться правительством. Братья-республиканцы частью эмигрировали, частью ушли в подполье. Деятельность Ордена сокращалась. В 1852 г. Великий Восток насчитывал 330 лож, в 1857 г. — 214 и в 1863 — только 190 лож⁷.

В 60-х гг. масонство стало постепенно освобождаться от официальных цепей, чему способствовала и либерализация наполеоновского режима. Оно эволюционировало в сторону республиканских настроений и, в конце концов, стало идентифицироваться с республиканской партией. Провозглашенное революцией 4 сентября 1870 г. правительство Третьей республики состояло преимущественно из масонов. Ложки вольных каменщиков дали республике часть своих кадров. Они назначались префектами, супрефектами, мэрами, заменяя дискредитировавших себя бонапартистов.

После подавления Парижской коммуны масонство превратилось в центр связи между сторонниками демократической республики, боровшимися против клерикальной, монархической и бонапартистской коалиции. В него вступили видные республиканские политические деятели — Гамбетта, Ж. Ферри и др. В то же время в духовной жизни Франции господствующим фактором стал позитивизм и другие сциентические учения. На склоне лет в масонскую ложу Милосердная Дружба вступил «папа» позитивизма философ Э. Литтре. В Ордене произошло слияние либерально-политических деятелей и представителей рационалистических философских учений. В этих условиях Конвент Великого Востока 1877 г. провел важную реформу. Выражая преобладающие в обществе и на Конвенте мнения, не разделяемые, кстати, Советом Ордена, один из его участников говорил: «Предоставим теологам труд обсуждать догмы. Предоставим авторитарным церквам труд формулировать запреты. Масонство же пусть останется тем, чем оно должно быть, — организацией, открытой всякому прогрессу, всякой нравственности и возвышенной идее, всякому здравому и либеральному направлению мысли»⁸. Конвент исключил из Устава формулировку о Великом Архитекторе Вселенной, постулат о бессмертии души, принял первый параграф Устава в следующем виде: «Франкмасонство всецело является филантропическим и прогрессивным учреждением, ставящим целью поиск истины, изучение всемирной морали, наук, искусств и

путей совершенствования благотворительности. Его принципы — полная свобода совести и солидарности людей. Оно никого не исключает за убеждения и выдвигает девизом свободу, равенство, братство»⁹. В ответ на эту либеральную реформу англосаксонские и немецкие масоны, оставшиеся на позициях «Книги уставов» Андерсона, прервали связи с Великим Востоком Франции. Произошел «великий раскол» масонства, продолжающийся по сей день.

В последней четверти XIX века логи занимались обсуждением вопросов образования, проблем взаимоотношений между различными слоями населения, критикой клерикализма и обскурантизма. В них готовились проекты реформ отмены смертной казни, либерализации семейного законодательства. Братья активно участвовали в борьбе с туберкулезом, алкоголизмом, в строительстве дешевых жилищ для бедных. Под влиянием и при участии Ордена Франции удалось совершить прорыв к обязательному светскому образованию, провести ряд крупных преобразований в либерально-демократическом духе. В целом в конце XIX – начале XX веков. Великий Восток превратился в либеральное масонское Послушание, ориентированное на активное участие в интеллектуальной, социальной и политической жизни. В настоящее время ВВФ, насчитывает 1 050 лож и 47 000 братьев¹⁰.

Масонство не могло обойти стороной и широко распространившееся во второй половине XIX века феминистское движение. В 1893 г. Франция стала родиной международного масонского ордена *Droit Humain*¹¹ организовавшего свои мастерские в Англии, Италии, Бельгии, США и других странах. Главной особенностью Ордена было то, что он объединял в своих рядах мужчин и женщин в «совместной работе освобождения ради предоставления им равных прав». Большинство лож этого Послушания следовало в русле рационализма, однако были и ателье, практиковавшие занятия теософией. В Послушании был принят Шотландский ритуал, оно оставляло своим адептам свободу в признании Великого Архитектора Вселенной и бессмертия души, занималось проблемами социальной политики и детства. В настоящее время Французская федерация Международного смешанного масонского ордена *Droit Humain* в своих 420 ложах насчитывает 15 000 братьев и сестер. Соотношение между ними составляет соответственно 1/3 к 2/3¹².

В начале 1895 г. образовалась Великая Ложа Франции (ВЛФ). История этого Послушания восходит к созданному в 1804 г. Верховному Совету Древнепринятого Шотландского ритуала. Тогда же эта организация заключила с Великим Востоком соглашение, по которому она не вмешивалась в дела символических лож, а Великий Восток, в свою очередь, мог посвящать своих адептов не более чем в 18-ю степень Древнепринятого Шотландского ритуала. Однако вскоре он нарушил это соглашение и основал Великую Директорию (называемую ныне Верховная Коллегия Ритуалов), имевшую право возводить своих адептов во все градусы, включая высший — 33-й. В ответ на это Верховный Совет стал создавать свои символические ложи, которые и объедини-

лись в ВЛФ. Она использует в своих работах Древнепринятый Шотландский ритуал, фактически стоит на позициях регулярного масонства, однако не признается Объединенной Великой Ложей Англии вследствие своей самопровозглашенности. Орден объединяет 750 лож и 27000 братьев¹³

Ряд масонов, не признавших решения ВВФ 1877 г., стремились к воссозданию в стране регулярного масонства. В 1913 г. в Бордо, с помощью англичан была создана Великая Национальная Независимая и Регулярная Ложа для Франции и французских колоний, получившая признание наиболее авторитетного ордена в мировом регулярном масонстве Объединенной Великой Ложки Англии. В годы Второй мировой войны орден, как и другие масонские объединения был разрушен и восстановился в 1948 г. под названием Великая Национальная Ложа Франции (ВНЛФ). Он действует в русле консервативного англо-американского королевского искусства, придерживается принципов «регулярности», включающих признание Великого Архитектора Вселенной в качестве Бога или высшего существа, бессмертия души, широкое использование Библии в своих работах, запрет на прием женщин и обсуждение религиозных и политических вопросов, точное следование Шотландскому ритуалу. Послушание проводило и проводит политику непризнания иных направлений масонства. Объединение насчитывает в настоящее время 1 450 лож и 35 500 членов¹⁴.

Основополагающий масонский документ — Конституция Андерсона стройжайшим образом запрещает прием в масонские ложи женщин¹⁵. Однако с 70-х гг. XVIII века во Франции стали возникать так называемые адоптивные¹⁶ ложи, состоящие, прежде всего, из родственниц масонов. Активизация участия женщин в общественной жизни в конце XIX века привела к созданию, как уже было сказано, сначала смешанного масонского объединения *Grôit Humain*, а затем и чисто женского масонского ордена — Великой Женской Ложки Франции (ВЖЛФ). Создание первой чисто женской ложи во Франции «Свобода выбора» относится к 1901 г. 29 мая этого года она провела свое первое собрание с обсуждением темы «Роль женщины в социальной жизни». Вторая ложа «Новый Иерусалим» была создана в 1907 г. В 1936 г. состоялся конгресс женских и адоптивных лож, на котором был создан Великий секретариат из пяти членов. 17 сентября 1945 г. пять женских лож, в том числе «Свобода выбора», «Новый Иерусалим», «Минерва», общей численностью в 90 чел. образовали «Союз женского масонства во Франции». В 1952 г. он был переименован в ВЖЛФ. В настоящее время она насчитывает 12 000 членов и 363 ложи, действующих кроме Франции и ее заморских территорий в Люксембурге, Венгрии, Польше, Литве, Сербии, ряде африканских стран и готовится к открытию мастерских в Латвии, Чехии, Болгарии и Румынии. Увлекаясь обсуждением вопросов о роли женщин в современном мире (среди тем, проводимых объединением коллоквиумов и семинаров, «Женщины и женское масонство», «Женщины во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны», «Взгляд женского франкмасонства на Европу», «Что означает быть женщиной в XXI в.» и т.д.) ВЖЛФ не считает себя феминистской

организацией. Она позиционирует себя как интеллектуальный и философский орден, основанный на ответственности и действии, как школу жизни, основанную на свободе, терпимости, уважении друг к другу и самому себе. Слоган ордена — «Познай самого себя». Принципами объединения выступают толерантность и лаицизм. Орден объявляет своей целью стремление к «более солидарному и просвещенному человечеству». Он требует от своих адептов «работать внутри лож, чтобы нести за их пределы свои идеи и ценности, стремясь лучше обустроить этот мир». Орден объединяет 350 мастерских и 11000 сестер¹⁷.

В 1958 г. из Великой Национальной Ложи Франции выделилось семь лож и 30 Великих офицеров с целью создания независимого масонского объединения, свободного от английского влияния. Объединение получило название Великая Национальная Ложа Франции Оре́ра по имени улицы, где находился его офис. В 1982 г. Конвент ордена принял название Великая Традиционная и Символическая Ложа ОРЕ́РА, чтобы еще больше подчеркнуть свое отличие от ВНЛФ, расположенной на ул. Бино. Эмблема ордена — Феникс, встающий из пепла. Орден насчитывает 202 ложи, объединяющих более 3 650 братьев во Франции, Бельгии, Италии, Испании, Бразилии, Сенегале, Конго, Береге Слоновой Кости. Рекомендует своим адептам использовать Шотландский усовершенствованный ритуал, но использует также Эмулейшн, Йорк, Древнепринятый Шотландский и ритуал Королевской арки. Объединение практикует строгое следование ритуалам, сосредоточено на изучении символизма, интеллектуальном совершенствовании и внутреннем духовном развитии своих членов, считая, что именно это «есть настоящая цель жизни на земле, средство помощи человечеству в движении к Миру, Справедливости и Братству». Подчеркивает строгое соблюдение запрета на обсуждение политических вопросов и строгое отношение к экстремистским и сектантским движениям, члены которых не могут быть допущены в организацию, так как «принципы масонской толерантности и антидогматизма тотально противоречат указанным течениям. Объединение требует от своих адептов в «профанской» жизни «своими добродетелями являться нравственным примером для окружающих». Будучи мужским объединением, тем не менее, имеет конкордаты о взаимопризнании с женскими и смешанными орденами: Великой Женской Ложей Франции, Великой Женской Ложей Мемфис-Мизраим, Великой Смешанной Универсальной ложей и т.д.¹⁸.

Великая Французская Ложа Мемфис-Мизраим была создана в 1963 г. Робертом Амбеленом, Великим Мастером Международного масонского ордена Мемфис-Мизраим, как его мужская французская федерация. Она практикует египетский ритуал, основывающийся на традициях старинных мистерий. Объединяет братьев, интересующихся посвященческой традицией, оккультизмом и эзотерикой. На сегодняшний день насчитывает 25 лож и 300 братьев¹⁹.

Национальная Французская Ложа, представляющая собой федерацию лож и ритуалов, была основана 26 апреля 1968 г. тремя мастерскими: «Жан-Теофил Дезюгалье», работавшей по Шотландскому Усовершенствованному

и Французскому Традиционному ритуалам и как наиболее древняя, получившей № 1 в реестре нового ордена; «Андерсон», использовавшей Французский Традиционный ритуал, и «Верность», практиковавшей ритуал «Эмулейшн». Это мужское масонское объединение насчитывает сегодня 25 лож (из них 8 исследовательских) и 300 братьев. Оно имеет договоры о взаимопризнании с девятью французскими Великими ложами либерального направления. Орден практикует исключительно вышеуказанные ритуалы в их первоначальном виде, что с точки зрения его адептов «позволяет использовать посвященческую практику и возвратиться к традиционным истокам масонства». Отличительной чертой объединения является исключительное внимание к изучению масонства и символики, результаты которого публикуются в его печатном органе «Возрождение традиционализма», издающемся с 1970 г.²⁰

Великая Женская Ложа Мемфис-Мизраим. В 1965 г. Великий Мастер Мемфис-Мизраимского ритуала Роберт Амбелен разрешил использование ритуала для женщин. Тогда же была основана первая женская ложа Мемфис-Мизраимского ритуала. В 1971 г. было образовано соответствующее объединение. В настоящее время оно имеет 60 лож и 1000 сестер²¹.

Великая Независимая и Суверенная Ложа Объединенных Ритуалов образовалась в 1973 г. из части Национальной Французской Ложи. Она работает под традиционным для масонства лозунгом «Во славу Великого Архитектора вселенной», но одновременно заявляет о своей тотальной приверженности к свободе, ее основные девизы: «Абсолютная свобода совести», «Свободный масон в свободной ложе», «Развитие человека для развития человечества». Особенностью ордена выступает использование им в своей практике всех 10 основных масонских ритуалов, декларируя при этом борьбу с их псевдомодернизацией и приверженность классическим версиям. Исходя из этого, объединение имеет довольно оригинальное устройство. Оно объединяет две чисто женских ложи, работающих по Женскому ритуалу, одну чисто мужскую ложу, работающую по Шотландскому усовершенствованному ритуалу, допускающему исключительно мужское масонство, и 14 смешанных мастерских, работающих по ритуалам, допускающим наличие в ордене мужчин и женщин. В результате семь лож практикуют Древнепринятый Шотландский ритуал, шесть — Мемфис-Мизраимский, две Мизраимский, одна — французский и одна — женский ритуалы. Соотношение мужчин и женщин составляет в ордене 66% и 34% соответственно. Орден имеет достаточно демократическое устройство. Он, как и все масонство, исключает на своих собраниях политические дебаты, но принимает все политические идеи за исключением расистских, сектантских и тоталитарных в любых их формах и проявлениях. На политические группировки соответствующего толка масонская толерантность не распространяется. Орден, несмотря на свою малочисленность (300 членов), имеет достаточно широкое признание. У него заключены конкордаты о взаимопризнании с Великим Востоком Франции, Великой Традиционной

и Символической Ложей Орéга, Французской федерацией Droit Humain, Великой французской ложей Мемфис-Мизраим, Великим Востоком Каталонии, Великой Ложей Марокко, Великим Востоком Швейцарии, Масонским орденом «Delphi» Греции, Великой Символической ложей Испании, Великим Востоком Люксембурга, Великим Востоком Португалии и др. Однако главнейшая отличительная особенность ордена — его активное выступление за создание единого европейского масонства²².

История Великой Смешанной Универсальной Ложи началась в феврале 1973 г., когда из Droit Humain выделились три ложи, недовольные структурой ордена, который не соблюдает традиционно существующего в масонстве разделения символических и высших степеней. Ложа декларирует полную независимость от высших градусов, использует Французский и Древнепринятый шотландский ритуалы, по своей Конституции близка к ВВФ. Насчитывает 60 лож и 1 000 членов²³.

Посвященческий и Традиционный Орден Королевской Арки был создан в январе 1974 г. девятью братьями из Великого Востока. В своих работах использует исключительно Оперативный Ритуал Соломона. Он состоит из девяти степеней. Первые три соответствуют традиционному символическому масонству и полностью самостоятельны в своих действиях. 4–9-й градусы представляют систему высших степеней, образующих отдельный орден, управляемый Верховным советом во главе с Великим Командором. В объединении зачитываются зодческие работы на символические, посвященческие и философские сюжеты. Идеология ордена основывается на свободе совести: «каждый может признавать или не признавать существование бога или высшего разума, тем не менее, отвергает «рационалистическую болтовню», предлагая своим адептам следовать «посвященческой дорогой, размышляя над вечными вопросами жизни и смерти». Объединение имеет 60 лож, расположенных во Франции и ее заморских территориях, а также в Бельгии, Канаде, Мадагаскаре, Швейцарии. Общая численность членов — 1 000 чел.²⁴

Небольшая Великая Французская Ложа Мизраима²⁵ представляет собой смешанное масонское объединение, основанное в 1980 г., насчитывающее 10 лож и 300 братьев и сестер. Основа эзотеризма ордена — в древнеегипетских мифах. Именно в их глубинах вольные каменщики ордена ищут истину, «не забывая о настоящем и окружающем мире». Орден основывается на Традициях, Созидании и Новаторстве. Идеология ордена строится на легенде о связи современного масонства со строителями египетских пирамид: «Мы благодарим египетских богов, которые создали Пирамиды и дали нам свет». Всячески подчеркиваются связи между практиками инициации в Древнем Египте и в современном масонстве, что доказывается наличием в обоих случаях комнаты размышлений перед процедурой инициации, ее проведением мастерами-строителями, наличием ритуальных предметов — уровня, наугольника и ветки акации, символизирующей воскрешение Озириса. Проводится аналогия масонских ритуалов с Книгой Мертвых,

в которых инициации проходят три этапа: прощание с профанским миром — испытания или странствия, часто символизирующие смерть — и воскрешение к новой, более совершенной жизни. Одна из основ проекта ордена — строительство будущего на основе эзотерики древнеегипетских мифов²⁶.

Великая Смешанная Ложа Франции основана в 1982 г. рядом мастерских, вышедших из Великой Смешанной Универсальной Ложи и декларировавших, что «мужчины и женщины (этих мастерских — *С.К.*) решили вместе строить справедливое, братское общество». Использует в своей практике различные ритуалы. Девиз объединения — «Жить — это думать, говорить, слушать, меняться». Орден включает в себя 120 лож и 2 500 братьев и сестер.

Великая Объединенная Ложа Франции — самое молодое из французских масонских объединений. Создана 4 сентября 1994 г. мастерами различных масонских орденов. Работает во Франции и на заморских территориях. Позиционирует себя как смешанный, современный масонский орден, основывающийся на традициях XVIII века, придерживающийся посвященческой формы деятельности, с учетом современной социальной эволюции. Придерживается абсолютной свободы совести, принимая в свой состав «материалистов и спиритуалистов, теистов, атеистов и агностиков». Предоставляет своим членам полную свободу по отношению к другим масонским объединениям. Интегрирует в свой состав людей, исповедующих равенство всех перед законом, принципы братской солидарности, толерантность. Использует пять масонских ритуалов: Древний (очевидно имеется в виду первые три степени ритуала Йорк — *С.К.*) — для братьев и сестер, стремящихся к первоначальной чистоте масонских обрядов XVIII в. Древний и Принятый Шотландский — для избравших длительный путь масонского совершенствования в 33 ступени. Шотландский Усовершенствованный — для масонов, заинтересованных символическими и религиозными поисками. Французский — вобравший традиции и интеллектуальные богатства страны. Эмулейшн — для предпочитающих англо-саксонскую символику, присутствующую в нем. Зодческие работы ордена посвящены искусству, философии, наукам, истории цивилизаций. Насчитывает 10 лож и 150 братьев и сестер²⁷.

Таким образом, сегодня французское масонство насчитывает 15 объединений, 4 609 лож и 145 500 братьев и сестер. Оно крайне разнообразно. Здесь мужские, женские и смешанные ордена. Регулярное масонство, строго придерживающееся Конституции Андерсона (ВНЛФ). Оккультно-мистическое масонство, представленное Мемфис-Мизраимским ритуалом. Большая часть французских вольных каменщиков работает в русле либерального масонства, ориентированного на активное участие в социальной жизни. В чем едино французское «королевское искусство», так это в строгом следовании старинному запрету на обсуждение политических и религиозных сюжетов. Широкое развитие и разнообразие масонства во Франции свидетельствует о высоких моральных и интеллектуальных запросах французского общества, его мощном духовном потенциале, стремлении к поискам ответов на вечные вопросы человеческого общежития.

S.P. Karpachev

Modern French masonry: Main Orders

The article is dedicated to the history of modern French Masonry. Taking as a basis documents and works of French and Russian scholars, the author analyses the origin, main branches and traditions of 15 French mason orders, such as The Grand Orient de France, The Grande Loge de France, The Grande Loge Nationale de France etc.

Keywords: Freemasonry in France; Grand Loges.

Примечания (Endnotes)

¹ О генезисе современного российского масонства см.: *Карпачев С. П.* Зарождение и развитие масонства в современной России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». – 2009. – № 2.

² См., например: *Combes André.* Les trois siècles de la franc-maçonnerie française. – 2 ed. – Paris, 1989; *Dachez R.* Histoire de la Franc-maçonnerie française. – Paris: col. «Que sais-je?», 2003; *Petit J.* Abrégé de l'histoire du Grand Collège des Rites (1826–1995). – Paris, 1995; Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Daniel Ligou. – Paris, 2006. – P. 458–477; *Рубинский Ю. И.* Масоны во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. – 1976. – № 9. – С. 138–146; *Карпачев С. П.* Тайны масонских орденов. Ритуалы вольных каменщиков. – М.: Язуа-пресс, 2007. – С. 16–24; *Нечаев С. Ю.* Масоны и «Великий Восток». – М.: Вече, 2007; и др.

³ См., например: «Umanisme» — печатный периодический орган Великого Востока Франции; «Le Fil à plomb» — орган Великой Смешанной Универсальной Ложи; «Renaissance du traditionalisme» — орган Национальной Французской Ложи; «Les cahiers Villard de Honnescourt» — Великой Национальной Ложи Франции и т.д.

⁴ См., например, интервью Великого Мастера Великой Независимой и Суверенной Ложи Объединенных Ритуалов Кристиана Роберта // Initiations Magazine. – 2008. – Juin / juillet. – № 22. – P. 36–38.

⁵ Рамки статьи не дают возможности объяснять масонскую терминологию, поэтому отсылаю читателя к изданию: *Карпачев С. П.* Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков. – М.: АСТ, Олимп, 2008.

⁶ *Финдель И.* История франкмасонства от возникновения его до настоящего времени. – Т. 2. – СПб., 1874. – С. 185.

⁷ *Combes André.* Op. cit. – P. 102.

⁸ Цит. по: *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с итал. – М.: Прогресс, 1990. – С. 115.

⁹ Цит. по: *Соловьев О. Ф.* Масонство далекое и близкое // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 78.

¹⁰ Principales Obédiences françaises // Initiations Magazine. – 2008. – Juin / juillet. – № 22. – P. 68; www.godf.org // *Bauer A., Boeglin E.* Le Grand Orient de France. – Paris, 2002.

¹¹ Наиболее адекватный русский перевод — «Права Человека». Однако представители ордена, где сильны позиции феминизма, считают это проявлением мужского шовинизма, предпочитая хуже звучащий на русском языке — «Человеческое право».

¹² www.drothumain-france.org // *Boyau R.* La Fédération française du Droit Humain. – 2 éd. – Paris, 1976; Initiations Magazine. – P. 68; Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Daniel Ligou. – Paris, 2006. – P. 365–368.

¹³ Initiations Magazine... www.gldf.org.

¹⁴ Initiations Magazine... www.glnf.org.

¹⁵ Подробнее о вопросе приема женщин в масонстве см.: Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Daniel Ligou. – Paris, 2006. – P. 14–15, 441; *Brult E.* La Franc-Maçonnerie et

l'émancipation des femmes. – Paris, 1967; *Buisine A.* La Franc-Maçonnerie anglo-saxonne et les femmes. – Paris, 1995; *Loge Sub Rosa.* L'Initiation féminine. – Genève, 1985; *Williers B.* Les femmes et la Franc-Maçonnerie. – Paris, 1880; *Hivert-Messeca G et Y.* Comment la maçonnerie vint aux femmes: deux siècles de Franc-maçonnerie d'adoption, féminine et mixte en France. 1740–1940. – Paris, 1997; *Beaunier M.* La Grande Loge féminine de France. – Paris, 2001; La Grande Loge féminine de France, autoportrait / A. Buisine. – Paris, 1995; Le Forestier R. Maçonnerie féminine et loges académiques. – P.; Milan, 1979.

¹⁶ От фр. adoption — усыновление, удочерение, шефство, принятие.

¹⁷ *Beaunier M.* La Grande Loge féminine de France. – Paris, 2001 // www.gloff.org.

¹⁸ www.gltso.org. Initiations Magazine ...

¹⁹ Initiations Magazine... www.glfmm.org.

²⁰ www.logenationalefrancaise.org. Initiations Magazine...

²¹ Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Daniel Ligou. – Paris, 2006. – P. 477; Initiations Magazine... www.glfmm.free.fr.

²² www.glisru.fr; *Robert Christian.* Vers une Franc-maçonnerie européenne // Initiations Magazine. – 2008. – Juin / juillet. – № 22. – P. 36–38.

²³ Initiations Magazine... // www.grandelogemixteuniversselle.org.

²⁴ Initiations Magazine... // www.oitar.org.

²⁵ Мизраим — древнееврейское название Египта.

²⁶ Initiations Magazine. 2008... // www.glfm.org.

²⁷ Initiations Magazine. 2008... // www.gluf.org.

Т.Д. Стецюра

«Чтобы не терпела ущерба выгода многих...» Фома Аквинский о проблеме ростовщического процента

В статье анализируется учение о ростовщичестве, разработанное Фомой Аквинским. Показано как проблема ростовщичества рассматривалась в христианском богословии, церковном и гражданском праве. Точка зрения Фомы сочетала в себе аргументацию против ростовщичества, заимствованную из церковного учения, из канонического и римского права, а также из трактатов Аристотеля. Фома Аквинский проводил различие между ростовщичеством и процентом по кредиту, оправдывал существование некоторых видов кредита и подтверждал необходимость компенсации ущерба понесенного кредитором.

Ключевые слова: Фома Аквинский; ростовщичество; средневековая схоластика.

В средневековой истории Европы конец XII–XIII веков стал периодом значительных изменений в экономике и духовной жизни общества. Увеличивалось число городов, совершенствовались ремесла, торговля и банковское дело. Но, несмотря на оживление товарно-денежных и кредитных отношений (которому в немалой степени способствовала и католическая церковь), на пути их дальнейшего развития стоял запрет на взимание процентов.

Это способствовало активной разработке религиозными мыслителями того времени вопросов, касающихся ростовщичества и кредитных операций. Их различные стороны рассматривались Вильгельмом Овернским, Винцентом из Бове, Александром Гэльским, Альбертом Великим и другими учеными-схоластами как составная часть их этических или государственно-правовых учений.

Наиболее законченное выражение хозяйственно-этические взгляды схоластов XIII века получили в произведениях монаха-доминиканца Фомы Аквинского (1225 / 1226–1274), создавшего всеобъемлющий свод знаний об окружающем мире и деятельности человека, давшего оценку многим явлениям экономической жизни того времени, в том числе получению прибыли от кредита.

Оценка ростовщичества в сочинениях церковных авторов до начала XIII века была резко негативной. Ссылаясь на ветхозаветные установления

о запрете «отдавать в рост брату своему», повеление Христа давать займы, «не ожидая ничего», а также на апостольские послания, раннехристианские авторы и отцы Церкви IV–V веков клеймили ростовщичество позором¹. Церковное законодательство, начиная с IV века, также угрожало лишением сана и отлучением клирикам-ростовщикам (Эльвирский собор 306 г., Арльский 314 г., Никейский вселенский собор 325 г., Орлеанский 538 г., Трулльский 642 г., Толедский 694 г.), причем нельзя было ссужать не только деньги, но и вещи. Однако ростовщичеством не брезговали и высшие церковные иерархи. На мирян большая часть соборных постановлений не распространялась.

Полный запрет на проценты был установлен в Западной Европе при Карле Великом (Ахенский собор и королевский капитулярый 789 г.: «*omnino omnibus interdictum est ad usuram aliquid dare*»). Соборы в Ахене (816 и 836 гг.), Павии (850 г.), Реймсе (1049 г.), II Латеранский собор (1139 г.) подтверждали его².

Нетерпимость к ростовщичество со стороны церкви и государства стала одной из причин частичного перепоручения этой хозяйственной функции иноверцам, прежде всего евреям, так как на них не распространялись профессиональные запреты, которые следовало соблюдать христианам³.

С изменением экономической ситуации в конце XI – начале XII веков (возникновением новых городов, оживлением торговли) учение о ростовщичестве стало более обстоятельно разрабатываться канонистами — знатоками церковного (канонического) права и богословами. Ансельм Кентерберийский именовал его грехом против справедливости⁴. Вслед за отцами Церкви, приравнивавшими лихоимство к грабежу, Ансельм Луккский в «Собрании канон» отнес его к грехам против седьмой заповеди: «не укради».

В «Декрете» Иво Шартрского и «Декрете Грациана» понятие ростовщичества истолковывалось предельно широко — как предоставление денег или продуктов займа ради прибыли. Все то, что кредитор требует от должника сверх первоначальной суммы (*sors*) — «постыдная прибыль» (*turpe lucrum*), которую лихоимец обязан вернуть⁵.

В «Декрете Грациана» говорилось, что ростовщичество равнозначно грабежу и недопустимо ни для клириков, ни для мирян. От ростовщиков запрещалось принимать пожертвования в пользу церкви, однако раздача ими неправедно накопленных денег, напротив, поощрялась (к концу XIII века она станет обязательным условием для того, чтобы их завещания признавались действительными). В 1179 г. папа Александр III повелел не допускать тех, кто в открытую занимается ростовщичеством, до причастия, отказывать им в христианском погребении и не принимать от них приношений⁶.

В «Декрете Грациана» был приведен еще один веский аргумент против лихоимства. Оно трактовалось как незаконная сделка, продажа того, что даровано Богом всем людям — времени⁷. Кроме того, большое значение для дальнейшего развития церковного учения о ростовщичестве приобрело заимствованное из римского права разграничение между потребляемыми и непотребляемыми вещами.

По мнению римских юристов, к потребляемым относились вещи, которые, согласно их прямому назначению, при первом же использовании материально уничтожались (например, продовольствие). Деньги также причислялись к потребляемым вещам на том основании, что при каждом расчете они как бы терялись для владельца. Непотребляемыми вещами считались такие, которые не изнашивались от употребления или теряли ценность постепенно.

От того, к какой разновидности вещей относится предмет, зависел характер совершаемых над ним сделок. Так, потребляемые материальные блага, определяемые весом, числом и мерой (вино, зерно, оливковое масло, деньги) (иногда по отношению к ним применялся термин «заменяемые вещи» (*res fungibiles*)), в отличие от непотребляемых благ (дом, земельный участок, скот, одежда, оружие) не могут быть отданы в ссуду или в аренду (*commodatum*, *locatio*) и переходят к другим лицам лишь на условиях займа (*mutuum*), когда владельцем вещей становится получатель займа⁸.

В «Декрете Грациана» содержится перефразированное выражение из «Дигест»: «Займ (*mutuum*) назван так потому, что мое (*meum*) становится твоим (*tuum*)»⁹. Следовательно, требовать возвращения денежного долга с процентами незаконно. Напротив, сдача поля в аренду не будет лихоимством, так как пользование в этом случае отделено от самого имущества. Более того, арендная плата выступает в качестве необходимой компенсации за истощение земли¹⁰.

Впрочем, в «Декрете Грациана» данное положение было сформулировано нечетко. Большую ясность и логичность учению о ростовщичестве придали последующие канонисты (Угуччо, Иоанн Тевтонский) и теологи (Петр Ломбардский, Вильгельм Оксерский). Опираясь на римское право, они развивали тезис о том, что владельческие права на потребляемые блага (или «заменяемые вещи» (*res fungibiles*)) переходят к получателю займа, тогда как договор ссуды (*locatio-conductio*) предусматривает обязательное вознаграждение за пользование предметом¹¹. В то же время, под влиянием потребностей хозяйственной жизни той эпохи смягчилось отношение ко многим финансовым операциям, связанным с хранением денег или драгоценностей (зalog, депозит).

Следует отметить, что нормы римского права использовались мыслителями конца XII – первой половины XIII веков лишь частично. Из них выбирались только те, которые могли послужить для подтверждения запрета на проценты, прочие же не принимались во внимание.

Наряду с традиционной аргументацией, в «Сентенциях» Петра Ломбардского встречается новый довод против лихоимства — присваивая себе время — то, что даровано Создателем всем, ростовщик преступает естественный закон и поэтому заслуживает суровой кары, если не раздаст нажитое нечестным путем¹².

В начале XIII века к уже сложившемуся в общих чертах схоластическому учению о ростовщичестве добавился высказанный Вильгельмом Оксерским — богословом, преподававшим в Парижском университете, автором обширного свода знаний — так называемой «Золотой суммы», тезис о том, что согласие должника

платить проценты не является добровольным и не может расцениваться в качестве его абсолютного волеизъявления (*voluntas absoluta*)¹³. Это послужило основой для выводов, сделанных в «Сумме всего богословия» францисканца Алескандра Гэльского — сочинения, оказавшего значительное влияние на богословскую мысль Западной Европы в XIII–XIV веках¹⁴. В ней подробно разъяснялось, что «поскольку при займе денег передается право владения (*dominium*), то, что некто получает выгоду от использования вещи, ему не принадлежащей, противоречит естественному праву». Особое внимание обращалось и на то, что риск убытков или случайной гибели переданной вещи при займе лежит на получателе как на ее хозяине, а при ссуде остается на том, кто ее дал¹⁵.

Оправданием для лихоимства не может быть общественная польза. Какими бы формулировками не прикрывалась суть ростовщической сделки, ни о какой ее добровольности не заходит и речи, ибо человек принужден (*coactus*) к ее заключению, выражая лишь «относительную волю» (*voluntas respectiva vel comparata*).

Даже если светские законы разрешают взимание процентов в ограниченных пределах (как это было в Византии при Юстиниане), то с позиции божественного закона оно недопустимо. Поэтому служители церкви, осуществляющие судебные разбирательства по делам о ростовщичестве, должны внимательнее, чем светские судьи, отыскивать виновных в лихоимстве и налагать на них наказания.

В то же время, в «Сумме» Александра Гэльского прослеживалась тенденция к признанию ростовщичества неким «неизбежным злом», с наличием которого приходится мириться. Так, ветхозаветные установления и «Юстинианов закон» разрешали займ под проценты на известных условиях, но лишь из-за того, что иначе люди по своему жестокосердию и склонности к стяжательству впали бы в еще более тяжкие прегрешения¹⁶. Кроме того, ничего предосудительного нет в получении кредитором выплаты, причитающейся ему в случае невыполнения должником обязательств по возвращению долга в назначенный срок. Не возбранялось требовать и небольшую прибавку к сумме долга за услуги посредника, помогавшего должнику рассчитаться с кредитором¹⁷.

На принципиальное отличие светского законодательства, позволяющего давать в рост, от христианского вероучения, согласно которому лихоимство — тяжелейший грех, указывал и доминиканец Альберт Великий — учитель Фомы Аквинского. Одним из первых он обосновал положение о противоестественности ростовщичества, исходя из аристотелевского постулата о бесплодности денег¹⁸. Поэтому компенсацию должником разницы между изначальной суммой долга и курсом монеты на момент расчета с кредитором (*interesse*) Альберт расценивал как ростовщичество.

Таким образом, к середине XIII века в сочинениях схоластов и канонистов были намечены основные черты учения о ростовщичестве, развитого Фомой Аквинским.

Сочетая аргументацию, заимствованную из римской юриспруденции (деление вещей на потребляемые и непотребляемые), сочинений Аристотеля (те-

зис о бесплодности денег) и из церковной традиции (продажа времени), Фома обстоятельно рассмотрел многие вопросы, касающиеся ростовщичества и кредитно-финансовой деятельности — займов, ссуд, залога и депозита.

Данные проблемы затрагивались им, как и другими церковными авторами того периода, в контексте важнейших религиозно-этических проблем: учения о порядке мироустройства, о справедливости, о грехах и добродетелях. Указывая на недостижимость в современном ему обществе (то есть в условиях развивающегося мелкотоварного производства) такого хозяйственного уклада, из которого денежный обмен и торговля были бы полностью исключены, Аквинат (хотя и с рядом оговорок) признавал социальную значимость купеческой деятельности и допускал получение умеренной прибыли в качестве вознаграждения за труд¹⁹. Однако стремление к безграничному увеличению прибыли путем ростовщических операций он резко осуждал.

В основу учения Фомы Аквинского о ростовщическом проценте было положено, в первую очередь, деление объектов имущественных отношений на потребляемые и непотребляемые. Свою точку зрения Фома выразил более четко и развернуто, чем его предшественники. В этой связи особый интерес представляет один из «Вопросов для диспута», «О зле», созданный примерно в 1269–1272 гг., в тот период, когда Аквинат преподавал в Парижском университете.

Затронув в нем тему ростовщичества, Аквинат в соответствии с принятыми правилами университетских дискуссий (необходимо было вначале привести доводы в пользу обсуждаемого положения, а затем опровергнуть их) перечислил 20 аргументов в пользу взимания процентов. Наибольшее значение имеют три из них. Их содержание сводится к следующему: во-первых, слова Христа: «И займы давайте, не ожидая ничего» (Лук. VI, 35) являются всего лишь «советом», а не «повелением», следовательно, процент не греховен; во-вторых, согласно естественному праву, человек может требовать вознаграждение за некое благодеяние (в том числе, за дачу денег займы); наконец, ростовщичество разрешено гражданским правом, и поскольку гражданское законодательство восходит к естественному праву, то взимать проценты вполне позволительно²⁰.

Подобные умозаключения Фома считал ложными. «Давать деньги под проценты — смертный грех», — ибо это не что иное, как «двойная продажа» вещи — самих денег и права пользования ими. «Ростовщичество (*usura*) названо так от слова “использование” (*usus*)... Ведь нужно принять во внимание, что у разных вещей разное употребление. Есть такие, предназначение которых в уничтожении вещества (*consumptio substantiae*) их самих», — писал Аквинат. Приведя известный еще римским юристам перечень потребляемых благ (вино, пшеница, выпеченный хлеб), Фома заключал: «Так и для денег использование в собственном смысле слова — это их расходование для обмена на другие вещи. Ибо монета изобретена ради обмена...». Следовательно, человек, дающий деньги, либо продукты питания под проценты, или продает «то, чего нет», или «продает одно и то же дважды», а значит, явно идет против справедливости, тогда как сда-

ча в аренду земельных участков, жилья, предоставление на определенный срок одежды или лошадей являются дозволенными сделками²¹.

Фома настаивал на том, что ростовщик (независимо от того, иудей он или нет) обязан полностью возместить ущерб, причиненный ближним²². Если средства, накопленные нечестным путем, были вложены в покупку недвижимости, то возвращению подлежит не только само имущество, но и производные от него материальные блага (плоды, арендная плата за жилье и т.п.), писал он в «Богословской сумме», ссылаясь на «Liber Extra» — сборник канонов, составленный по указанию папы Григория IX²³. Чем бы ни оправдывался лихоимец (он-де, давая деньги взаймы, совершает благодеяние по отношению к тем, кто в них нуждается, а они сами не прочь получить их под проценты), ничто не освобождает его от ответственности перед Богом и людьми. Что касается согласия должника, то оно вынужденно, повторял схоласт вслед за своими предшественниками²⁴.

Кроме того, основываясь на нормах церковного права, Аквинат указывал, что если кто-либо, получив займ, отдаст кредитору под залог какую-либо вещь, использование которой приносит ему прибыль, то этот доход должен пойти в счет погашения долга, в противном случае залоговая сделка будет расценена как ростовщическая²⁵.

Осуждая «торговлю временем», Фома именовал ростовщичеством не только повышение купцами цены на товар при продаже с отсрочкой платежа на некоторое время (*ad tempus*), но и ее понижение по требованию клиентов при условии предоплаты²⁶. Хотя Фома, подобно Альберту Великому, был хорошо осведомлен о колебаниях в стоимости монеты, решающую роль при определении денежного курса он отводил законодателям и указывал на недопустимость взимания процентов под предлогом изменения стоимости денег (*valor pecuniae*).

Осуждая «торговлю временем», Фома именовал ростовщичеством не только повышение купцами цены на товар при продаже с отсрочкой платежа, но и ее понижение по требованию клиентов при условии предоплаты²⁷. По его мнению, отсрочка платежа, если она не влечет за собой вздорожания товаров и служит для общего блага купцов, вполне позволительна. Но если по этой причине цена на товар превышает «справедливую цену», отождествлявшуюся им с теми ценами, которые устанавливались по обычаю или по распоряжению властей²⁸, то такая сделка носит ростовщический характер. Тем более, запрещено включать в цену товара расходы по денежному обмену, как и вообще все издержки, проистекающие от неосторожности и неблагоразумия, а также от честолюбия и желания торговать с большим размахом. Единственным основанием для небольшого увеличения цены выступают лишь «расходы на достойные цели», например, возмещение затрат на перевозку груза²⁹.

Разумеется, на практике эти ограничения не всегда соблюдались. Ученник Фомы Аквинского Эгидий из Лессине попытался обосновать возмож-

ность повышения цены продуктов при продаже в рассрочку, а в XIV веке был поставлен под сомнение тезис о противозаконности торговли временем³⁰. К концу жизни и Фома смягчил свои воззрения на торговлю и кредит. В «Богословской сумме» он проводил четкое различие между ростовщическим процентом и прибылью, получаемой по вкладам в торговые предприятия, а также от участия в товариществах. Одним из первых в схоластике Аквинат указал на пользу, приносимую ростовщичеством. По его мнению, мирские законы разрешают брать проценты не из-за того, что лихоимство справедливо, а потому, что запрет роста повредил бы общественной пользе (*ne impedirentur utilitates multorum*). Значительной уступкой потребностям времени стало включение в «Сумму теологии» Фомы Аквинского положения о том, что кредитор может получить что-либо сверх первоначальной суммы займа в качестве добровольного дара³¹. Развитию кредита содействовало и то, что банковские операции, связанные с хранением денег или драгоценностей (залог, депозит), Фома причислял к дозволенным сделкам. По его мнению, принимая на себя заботы о принятом от должника имуществе и неся за него материальную ответственность, кредитор получает право на вознаграждение. Тем не менее, Фома не одобрял взимания процентов на том основании, что кредитор терял возможность извлекать выгоду из отданных займы денег (*lucrum cessans*)³². «Упущенная выгода» не могла служить для него веским аргументом в пользу ростовщичества. Не деньги, являющиеся лишь условной мерой при обмене, а человеческий труд (*industria*) создает материальные блага, подчеркивал Аквинат³³. Следовательно, нельзя быть уверенным в том, что если бы должник вовремя вернул предоставленную ему сумму, займодавец получил бы прибыль³⁴.

Компромиссную позицию Фомы Аквинского и его ближайших последователей ни в коей мере не следует расценивать как попытку полностью оправдать взимание процента. Никаких выводов в пользу ростовщичества не было сделано и ближайшими современниками Фомы. Лихоимство осуждали многие богословы и народные проповедники начала XIV–XV веков (Бертольд Регенсбургский, Бернардино Сиенский и Антонин Флорентийский и др.)³⁵. Однако именно в сочинениях Аквината, в целом не выходящего за рамки традиционных воззрений на ростовщичество, наметились те изменения, которые позволили приспособить церковную доктрину к потребностям времени.

Взгляды Фомы Аквинского на ростовщичество стали основой для дальнейшей разработки этой темы в схоластике, а в XVI веке в трудах Фомы де Вио (кардинала Каэтана), испанских богословов и правоведов, преподававших в Саламанкском университете (Франсиско де Витория, Доминго де Сото, Луиса де Молины и др.) сдержанная оценка торговли и кредита, высказанная в учениях богословов конца XIII–XV веков, сменилась признанием несомненной общественной пользы ссуды под проценты³⁶.

T.D. Stetsiura

«...Lest the Advantage of Many Should be Hindered». Thomas Aquinas on Usury

The article analyses the teaching on usury, worked out by Thomas Aquinas. It is shown, how the problem of usury was considered in Christian theology, Church and Civil law. Aquinas's point of view combines church rhetoric against usury, norms of Canon and Roman Law and also meaning of Aristotle. Aquinas separated usury from interest, justified existence of some categories of credit and confirmed necessity to compensate for damages which bears the merchant.

Keywords: Thomas Aquinas; usury; medieval scholasticism.

Примечания (Endnotes)

¹ *Funk F.-X.* Geschichte des kirchlichen Zinsverbotes. – Tübingen: Heinrich Laupp, 1876. – S. 2–14; *Schilling O.* Reichtum und Eigentum in der altkirchlichen Literatur. Ein Beitrag zur Socialen Frage. – Freiburg-im-Breisgau: Herder, 1908. – S. 14–208; *Bernard A.* Usure. I. La formation de la doctrine ecclésiastique sur l'usure. IV. L'antiquité chrétienne // Dictionnaire de théologie catholique / Ed. A. Vacant, E. Mangenot. – T. XV. – Paris: Letouzey et Ané, 1950. – Col. 2223–2333.

² *Funk F.-X.* Op. cit. – S. 7–9; *Schaub F.* Der Kampf gegen der Zinswucher, ungerechten Preis und unlautern Handel im Mittelalter. Von Karl dem Großen bis Papst Alexander III. – Freiburg-im-Breisgau: Herder, 1905. – S. 26–47, 120–143.

³ *Гуревич А. Я.* Ростовщик // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. – М.: Росспэн, 2003. – С. 413.

⁴ *Anselmus Cantuariensis.* Homiliae et exhortationes. XII // Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.P. Migne. – Parisiis: Excudebat Migne, 1844–1864 (далее — PL). 1853. – T. 158. – Col. 659.

⁵ *Anselmus Lucensis.* Collectio canonum. Lib. XI. Cap. 114 // PL. 1853. – T. 149. – Col. 528; *Ivo Carnotensis.* Decretum. P. VI. Cap. 200 // PL. 1855. – T. 161. – Col. 489; *Ibid.* P. XIII. Cap. 7–28. Col. 803–808; *Gratianus.* Decretum (PL. 1855. T. 187. Col. 29–1870. Далее ссылки даются по этой публикации). P. II. Causa XIV. Q. III. C. III. Col. 957.

⁶ Decretal. Gregor. IX. Lib. V. Tit. XIX. Cap. III. Col. 812. Ссылки здесь и далее приводятся по изданию: Corpus juris canonici. P. II. Decretalium collectiones: Decretales Gregorii p. IX / Ed. E. Friedberg, A.E. Richter. – Lipsiae (Leipzig): Tauchnitz, 1881.

⁷ *Gratianus.* Decretum. P. I. Dist. LXXXVIII. C. XI. § 3. Col. 419; *Schaub F.* Op. cit. S. 176; *Noonan J. T.* The Scholastic Analysis of Usury. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1957. P. 39.

⁸ *Noonan J. T.* Op. cit. P. 54–56; Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юристъ, 2001. – С. 313.

⁹ *Gratianus.* Decretum. P. I. Dist. LXXXVIII. C. XI. § 4. Col. 419–420.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ См.: *McLaughlin T. P.* Teaching of the Canonists on Usury // Medieval Studies. – 1939. – Vol. 1. – P. 88, 101; *Noonan J. T.* Op. cit. – P. 39–51, 137–138.

¹² *Petrus Lombardus.* Sententiarum libri quatuor. Lib. III. Dist. XXXVII. 3 // PL. 1855. – T. 192. – Col. 832.

¹³ *Noonan J. T.* Op. cit. – P. 43–44.

¹⁴ *Alexander Halensis.* Summa universae theologiae. Ps. I–IV. – Nürnberg: Anton Koberger, 1481–1482. Экземпляр без пагинации хранится в Музее книги РГБ.

¹⁵ *Ibid.* P. III. Q. 36. Membr. IV. Art. II.

¹⁶ *Ibid.* P. III. Q. 36. Membr. IV. Art. II, Q. 66. Membr. II, III.

¹⁷ *Ibid.* P. III. Q. 36. Membr. IV. Art. II; Подробнее см.: *McLaughlin T. P.* Op. cit. – P. 125–144; *Noonan J. T.* Op. cit. – P. 44–45.

¹⁸ *Albertus Magnus*. Commentarii in octo libros Politicorum Aristotelis // *Albertus Magnus. Opera omnia / Cura et labore A. Borgnet.* – Vol. 8. – P.: Vivès, 1891. Lib. I. Cap. VIII c. P. 66; Lib. I. Cap. VII k. P. 66; см.: *Кудрявцев О. Ф.* Жажда наживы и религиозное благочестие (о принципах хозяйственного мышления в средние века) // *Экономическая история: Проблемы, исследования, дискуссии.* – М.: Наука, 1993. – С. 46–51.

¹⁹ *Кудрявцев О. Ф.* Указ. соч. – С. 44.

²⁰ *Thomas Aquinas*. Quaestiones disputatae. De malo. Q. 13. Art. IV. Videtur. (Здесь и далее ссылки на сочинения Фомы Аквинского приводятся по электронной публикации: <http://www.corpusthomaticum.org/iopera.html>)

²¹ *Thomas Aquinas*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. I. Resp.; *Idem*. Quaestiones disputatae. De malo. Q. 13. Art. IV. Resp.; *Idem*. Quaestiones quodlibetales. III. Q. 7. Art. II. Resp.

²² *Thomas Aquinas*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. III. Resp.; *Idem*. Quaestiones quodlibetales. III. Q. VII. Art. II. Resp.

²³ *Idem*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. III. Arg. 3.

²⁴ *Idem*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. II ad 7.

²⁵ *Thomas Aquinas*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. II ad 6.

²⁶ *Idem*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. II ad 7.

²⁷ *Thomas Aquinas*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. II ad 7.

²⁸ *Hagenauer S.* Das «justum pretium» bei Thomas von Aquino. Ein Beitrag zur Geschichte der objektiven Werttheorie // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Hrsg. von H. Aubun. Beiheft 24. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1931. S. 16, 36–38, 55–56; *Петрушевский Д.М.* Средневековый город и его городское хозяйство // *Очерки из экономической истории Средневековой Европы.* – М.; Л.: ГИЗ, 1928. – С. 312–315.

²⁹ *Thomas Aquinas*. De emptione et venditione ad tempus. Cap. 3.

³⁰ *Aegidius de Lessinia*. De usuris in communi. Cap. 8 (<http://www.corpusthomaticum.org/xtu.html>); *Кудрявцев О. Ф.* Указ. соч. – С. 55.

³¹ *Thomas Aquinas*. Summa theologica. II-a – II-ae. Q. 78. Art. II. Respondeo.

³² *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 64. Arg. 2.

³³ *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 78. Art. III. Resp.

³⁴ *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 64 ad 2; Q. 78. Art. II ad 1.

Подробнее см.: *Funk F.-X.* Zins und Wucher. Eine moraltheologische Abhandlung. – Tübingen: Heinrich Laupp, 1868. – S. 41; *Эшли У. Дж.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией: Пер. с англ. / Н. Муравьева; под ред. Д.М. Петрушевского. – М.: Издание М.И. Водозовой; Типография А.Г. Кольчугина, 1897. – С. 694–699; *Noonan J. T.* Op. cit. P. 118–121.

Ошибочными следует считать взгляды на данную проблему Э. Ниса и Л. Литтла, полагавших, что Фома позволял брать проценты со ссылкой на «lucrum cessans». См.: *Nys E.* Recherches sur l'histoire de l'Économie Politique. – Bruxelles: A. Castaigne; Paris: A. Fontemoing, 1898. – P. 103, 117; *Little L. K.* Religious Poverty and Profit Economy in Medieval Europe. – Ithaca; N. Y.: Cornell Univ. Press, 1969. – P. 181.

³⁵ *Noonan J. T.* Op. cit. – P. 79; *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // *Избранные труды*. Т. 2. Средневековый мир. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 420–422.

³⁶ О вкладе представителей поздней схоластики в пересмотр проблемы ростовщичества см.: *Афанасьев А. А.* Экономическая мысль в Испании XVI века — саламанкская школа // *Экономика и математические методы.* – 2004. – Вып. 4. – С. 26–58; *Gómez Camacho Fr.* Later Scholastics: Spanish Economic Thought in the XVI th and XVII th Centuries // *Ancient and Medieval Ideas and Concepts of Social Justice / Ed by S. Todd Lowry and B. Gordon.* – Leiden: Brill, 1997. – P. 503–562; *Huerta de Soto J.* Money, Bank Credit and Economic Cycles. Transl. by M.A. Stroup. – Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2006 (1-е изд. на исп. яз. – 1998). – P. 84–97.

А.В. Ушаков

Особенности материального положения и труда интеллигенции России в конце XIX – начале XX веков

Статья посвящена двум группам интеллигенции: учителям и медицинским работникам. По социальному происхождению большинство из них были из непривилегированных слоев населения — крестьян, мещан, разночинцев и др. Их положение (материальное, бытовое, правовое и пр.) было тяжелое. По условиям труда они были тесно связаны с широкими массами населения, и в силу этого активно участвовали в общественно-политическом движении.

Ключевые слова: интеллигенция; уровень жизни; условия труда.

Самой крупной профессиональной группой интеллигенции в конце XIX – начале XX веков были учителя. В России имелись различные виды начальных и средних учебных заведений: начальные народные училища, мужские и женские гимназии и прогимназии, частные школы, реальные училища, средние и начальные специальные учебные заведения.

Согласно Положению о начальных народных училищах 1864 г. к ним относились: 1) училища ведомства Министерства народного просвещения (приходские училища в городах, посадах и селах, народные училища, учредителями которых были частные лица); 2) училища ведомств министерств государственных имуществ, внутренних дел, удельного и горного, а также земские сельские училища; 3) училища ведомства духовного: церковно-приходские в городах, посадах и селах; 4) воскресные школы. Преподавателей всех этих школ было принято называть народными учителями¹.

В 1898 г. в 78 699 начальных школах страны обучались 4 203 246 учащихся и там преподавали 17 812 учителей. А в 1906 году имелось уже 95 716 начальных учебных заведений и в них работали 204 736 учителей². В 1902 году в Москве насчитывалось 1402 народных учителя³.

В соответствии с уставом гимназий и прогимназий 1871 года основным типом средней школы были гимназии с двумя древними языками. Они имели один подготовительный и семь основных классов, а в VII классе устанавливался двухгодичный срок обучения. Кроме гимназий устав предусматривал создание прогимназий, равных по учебному курсу четырем младшим классам гимназий. Им тоже разрешалось иметь подготовительные классы⁴.

Число гимназий и прогимназий (мужских и женских) быстро росло. В России их было в 1895 году 578, в 1900 году — 614, в 1904 году — 721, в 1913 году — 1359⁵. В Москве в начале 1900-х годов действовали 10 гимна-

зий⁶. В 1906 году в стране было 10 147 преподавателей мужских и женских гимназий и прогимназий⁷.

Имелись также частные учебные заведения. До середины XIX века развитие системы частных школ определялось специальным «Положением» от 12 января 1835 г. «Высочайше» утвержденное 17 января 1857 года постановление отменяло прежнее установление об ограничении числа частных пансионов и школ в Москве и Петербурге и предоставляло право открытия частных учебных заведений, которое прежде давал только сам министр, попечителям учебных округов. Это вызвало рост числа частных школ, как в обеих столицах, так и в других городах страны. С 1857 по 1865 гг. их количество в Москве выросло с 35 до 52⁸. В том числе в 1858 г. была открыта частная гимназия им. Р.Ф. Клейменова, в 1868 г. — Л.И. Поливанова, в 1901 г. — им. Шеллапутина, в том же году им. Медведниковых⁹.

Некоторые частные учебные заведения, имевшие не менее шести классов, могли именоваться частными классическими гимназиями.

Нередко в таких школах объединялись талантливые педагоги. Примером может служить частная мужская гимназия в Москве Л.И. Поливанова. Она давала основательную подготовку в области математики и древних языков и уделяла большое внимание изучению русской и зарубежной литературы. В частном учебном заведении С.А. Арсеньевой, открытом в Москве в 1873 г., в числе ее основателей и преподавателей были Л.И. Поливанов и группа известных педагогов Поливановской гимназии — И.Ф. Гаярин, Е.Н. Кедрин, Н.И. Шишкин, И.В. Янчин¹⁰.

В 1872 г. был утвержден устав реальных училищ. Они, как правило, имели шестилетний курс обучения. В их учебном плане отсутствовали древние языки и мало уделялось внимания таким важным общеобразовательным предметам, как естественная история, физика, география, история. Не во всех училищах имелись седьмые дополнительные классы, дававшие право поступления в высшую специальную школу. Университеты же вообще были для реалистов закрыты¹¹.

Происходило увеличение количества реальных училищ. В 1895 г. их в стране было 107, в 1900 г. — 114, в 1904 г. — 147, в 1913 г. — 276¹². Естественно, росло в них и число учителей: в 1900 г. их было 1028, в 1906 г. — 1 500, в 1914 г. — 3 215¹³.

В России существовали различные специальные учебные заведения. Среди них сельскохозяйственных было в 1895 г. 9, а в 1913 г. — 21; педагогических в 1895 г. — 62, в 1913 г. — 143; духовных в 1893 г. — 58, в 1913 г. — 97; военных в 1895 г. — 26, в 1913 г. — 44¹⁴. Технические училища были в Иркутске, Омске, Кунгуре и в Москве. Наиболее основательные знания давало Московское Комиссаровское техническое училище. В 1860 г. в Москве появилось Строгановское центральное училище технического рисования. Сельскохозяйственными учебными заведениями были Уманское, Горькое, Харьков-

ское, Казанское, Мариинское (в Саратовской губ.), земледельческие училища, Московская земледельческая школа, Пензенское училище садоводства и ряд других¹⁵.

Социальный состав учителей был неодинаков. Народные учителя в основном были выходцами из среды крестьян, рабочих, мещан, низшего духовенства. Процент представителей непривилегированных сословий в среде учителей начальной школы постоянно увеличивался. В 1880 г. народные учителя, происходившие из крестьянской и мещанской среды, составляли 40,25%, а в 1911 г. — 57,92%¹⁶.

Педагогическую подготовку учителям низших школ давали главным образом учительские семинарии и некоторые другие подобного типа заведения, куда принимались лица окончившие высшие начальные училища. В 1906 г. было 70 учительских семинарий и школ, а в 1916 г. — 186. За 1900–1913 гг. они подготовили 20,3 тысячи народных учителей¹⁷. Звание народного учителя могли получить также лица, сдавшие особый экзамен.

Педагогическая подготовка народных учителей вызывала резкую критику общественности. Справедливо указывалось, что в учительские семинарии идут преимущественно дети крестьян без всякого призвания к своей будущей деятельности, просто потому что им негде было продолжить свое образование, а главное, должность учителя начальной школы освобождала от воинской повинности¹⁸.

Преподаватели гимназий, реальных училищ и подобных им средних учебных заведений были в основном дворяне, разночинцы, дети интеллигенции и духовенства. Их готовили, главным образом, университеты. Они также могли окончить историко-филологические институты в Петербурге и в Нежине.

Положение учителей было неодинаково. Хуже всех были обеспечены народные учителя. А.П. Чехов называл такого учителя одним из несчастнейших людей в России¹⁹. О бедственном положении учителей рассказал А.С. Серафимович в рассказе «Народный учитель»²⁰. В.И. Ленин писал: «Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирах и преследованиях со стороны начальства»²¹.

Очень низким было жалованье народных учителей. В 1890 г. в Московской губернии 54% педагогов получали 300–400 рублей в год, 16% — 200–300 рублей, 27,5% — от 150 до 200 рублей, 2,5% — менее 150 рублей²². Выступая на Первом Всероссийском учительском съезде, состоявшемся в Москве в 1902–1903 гг., один из делегатов говорил: «Материальная обеспеченность нашего учительского сословия представляет одну из самых слабых сторон его быта. Бедность, то и дело, близкая к нищете, омрачает жизнь сельского и городского учителя»²³.

Как видно из цитаты В.И. Ленина, приведенной выше, народные учителя были бесправны. Учитель В.В. Василевич вспоминал: «Слово “право” всегда звучало насмешкой по отношению к народному учителю. Можно было уверенно говорить только об обязанностях народного учителя». И далее: «...у нас директор народных училищ издал инструкцию для народных учителей, как жениться, как молиться Богу, как одеваться, как причесываться... А учительницам и совсем запретил замуж выходить»²⁴.

Ненормальными были и жилищные условия учителей. Они ютились не только в избах вместе со скотом, но и в других не приспособленных для жизни помещениях. Большинство учителей Московского уезда жили в углах классных комнат, отгороженных досками²⁵.

Тяжелыми были условия труда народных учителей. Многие школьные помещения были непригодны для занятий. В 1892 / 1893 учебном году в Московском уезде из 68 училищ только 32 были удовлетворительными, в 27 имелись недостатки, а 9 находились в неудовлетворительном состоянии. В 480 школах были отсыревшие стены со щелями, а в 33% протекали потолки. Большинство школ уезда плохо освещалось²⁶.

Учителя, работая с 8 час. 30 мин. до 15 час., должны были затем заниматься с учениками старших отделений, с детьми, поступавшими в школу, размещать их, в ряде случаев, в своей жилой комнате и т.д.²⁷ Один 24-летний учитель из села Верхняя Катуховка Воронежского уезда писал А.Н. Пыпину: «Не пройдет 10 лет, как здоровье мое погибнет безвозвратно от ужасающей обстановки нашего труда: в классной комнате, имеющей в длину 12 аршин, а в ширину 8, помещается не менее 100 человек: кругом грязь и пыль, так как полы моются только 2 раза в год: в классной комнате не воздух, а какая-то промозглая вонь, — в течение трех с половиной лет моей учительской службы я не проводил в школе ни одного дня без сильной головной боли. На сколько же станет человека и с богатырской организацией?! Здоровье погибает — это неизбежно, хорошо будет, если я скоро умру, и страшно подумать, если я развалина в 35 лет ни на какой труд не способный, ни гроша не имеющий за душой, буду ещё влачить свое несчастное тело»²⁸.

Иным было положение преподавателей средних учебных заведений. Преподаватели средней школы по условиям своей жизни приближались к среднему чиновничеству. Оплата их труда была достаточно высокая и повышалась по мере выслуги лет. Так, в мужских средних школах Министерства просвещения учитель с высшим образованием, получая первоначально оклад 900 рублей в год, после четырех пятилетних прибавок по 400 рублей в год через 20 лет получал 2 500 рублей. Учитель без высшего образования начиная с жалованья в 750 рублей мог довести его через 20 лет до 1 550 рублей. Дополнительные уроки также оплачивались по 60–75 рублей. Пенсия исчислялась, исходя из полного пенсионного оклада, который заслуживался 20-ю годами службы. Для имевших высшее образование она составляла 1 800 рублей, для неимевших его — 1 100 рублей²⁹.

Учителям дополнительно оплачивалось классное руководство, учителям языков — проверка письменных работ, учителям физики — организация и проведение опытов.

При выслуге десятилетнего стажа дети учителей освобождались от оплаты за обучение в средних учебных заведениях. Директора и инспектора гимназий дополнительно получали или казенную квартиру или «квартирные деньги». Полагались им и «столовые» деньги.

В 1901 г. в Москве годовой средний заработок директора гимназии составлял 3 338 руб., инспекторов — 2 435 руб. Доходы директора I-й московской гимназии И.О. Гобзы распределялись следующим образом: 1 200 руб. годовое жалованье + 800 руб. столовых + 300 руб. за уроки + 900 руб. за пансион + 1 000 руб. пенсия. У учителя русского языка той же гимназии А.В. Тверского, имевшего 37-летний педагогический стаж, заработная плата составляла в год 2 700 руб. и распределялась так: 1 250 руб. оклад + 240 руб. за дополнительные уроки + + 160 руб. за классное руководство + 1 050 руб. пенсия. Преподаватель С.М. Бородин вместе с добавками имел 248 руб. Учитель древних языков — 3 000 руб.

Учителям разрешалось совместительство. Оно было как внутри- так и внешкольное. Так, учитель 5-й московской гимназии С.Г. Смирнов дополнительно работал в частной гимназии С.П. Фишер. Учитель математики этой же гимназии совмещал основную работу с преподаванием ещё в четырех учебных заведениях. У учителя древних языков 3-й гимназии И.И. Шокурова совместительство увеличивало доходы на 162%. Занимались московские педагоги и частными уроками. Это было разрешено циркуляром Министерства народного просвещения в 1902 году.

Жалованье учителей средних учебных заведений обеспечивало им достаточно высокий жизненный уровень. Так, например, московские учителя И.О. Гобза имел 5 человек прислуги, Ф.С. Коробкин — 3 чел., С.М. Бородин и И.Г. Семенович — по 2 чел.³⁰

Крупной профессиональной группой интеллигенции были и медицинские работники. Согласно переписи населения Российской империи 1897 года численность их составляла более 68 тыс. человек, в том числе было начальников лечебных заведений и врачей — 13 770, зубных врачей — 1 846, военных врачей — 3 186, акушеров и из низшего медицинского персонала — 9 778, аптекарей, провизоров и фармацевтов — 8 723, фельдшеров и аптекарских учеников — 30 959³¹. В 1912 г. в стране имелось 8100 больниц на 220 тыс. коек и 4100 врачебных участков³².

Согласно переписи населения Москвы 1902 года в ней насчитывалось 5 720 медицинских работников (женщин — 2 704, мужчин — 3 016), а вместе с обслуживающим медицинским персоналом (санитары, бухгалтеры, счетоводы, конторщики, надзиратели, прислуга, рабочие больниц) — 10 583³³.

По социальному происхождению врачи принадлежали преимущественно к разночинцам, а лица среднего медицинского персонала вышли главным образом из мещанской и крестьянской среды. Среди фельдшеров, фельдшерниц и акушеров

(по данным 1907 г.) выходцев из крестьян было 41,5%, из мещан — 32,4, из дворян — 9,9, духовного звания — 7,3, прочих — 2,7, не давших сведения — 6%³⁴.

Условия труда, жизни и материальная обеспеченность большинства врачей (фабричных, земских, уездных, городских военных, ветеринарных) были неудовлетворительные.

Годовое жалование городских врачей колебалось между 300 и 1 200 руб. и в редких случаях достигало 1 500 руб³⁵. Многие врачи могли длительное время работать, совсем не получая заработной платы. В.В. Вересаев в книге «Записки врача» писал: «В каждой больнице работают даром десятки врачей; те из них, которые хотят получать нищенское содержание штатного ординатора, должны дожидаться этого по пяти, десяти лет... Учреждения, особенно город, широко пользуются таким положением вещей и эксплуатируют врачей в невероятных размерах»³⁶. Московская городская дума писала в 1907 г., что медики имеют «скудное вознаграждение» за свой труд в «кошмарных условиях»³⁷.

Годовое жалование фельдшерско-акушерского персонала больниц колебалось между 182 и 447 руб., а у медицинских сестер составляло — 313 руб. Условия труда у них были очень тяжелые. Бессменная работа доходила до 30–34 часов. Выходных не полагалось³⁸.

Аптекарские служащие имели 14-часовой рабочий день и по 10–15 раз в месяц должны были работать в ночь. Среднемесячное жалование аптекарских учеников равнялось 22,5 руб., аптекарских помощников — 47,5 руб., провизоров — 52,5 руб³⁹.

Фабрично-заводские врачи должны были ежедневно принимать по 200 больных. Так было, например, на Обуховском заводе в Петербурге. Военный врач должен был за свой счет обмундировываться, ездить в командировки, платить за квартиру и т.д. Низким был заработок у ветеринарного врача⁴⁰.

Особое место в отечественной медицине занимали земские врачи. Они получали в год 1 200–1 500 руб. и должны были совмещать все медицинские специальности⁴¹. В середине 1890-х гг. насчитывалось около 2 тыс. земских врачебных участков и до 2,5 тыс. фельдшерских пунктов⁴². Их сотрудники отличались особенно гуманным отношением к больным. А.С. Шаповалов вспоминал: «На земских врачах был ещё заметен довольно сильный отпечаток народолюбия. Честное отношение к больному, человеческий подход к темному крестьянину — все это выгодно отличало русского земского врача от многих его собратьев — западноевропейских врачей»⁴³. Врачи проявляли исключительную самоотверженность и мужество. Когда в начале 1890-х гг. вслед за голодом разразилась эпидемия холеры и тифа, они в невероятно трудных и опасных условиях оказывали помощь больным. 37% русских врачей вообще и около 60% земских врачей, в частности, погибли, заразившись от больных. В 1892 г. половина всех умерших земских врачей стали жертвой сыпного тифа⁴⁴.

Однако земские врачи были бесправны. В журнале «Русский врач» в 1902 г. о них говорилось: «Врач-наемник, с которым в некоторых земствах

совсем не церемонятся. Поводы для увольнения врача бывают самые ничтожные, а иногда и прямо возмутительные»⁴⁵.

Тяжелые материальные, бытовые и правовые условия, а также близость к широким народным массам в силу особенностей своего труда способствовали тому, что учителя и медицинские работники активно участвовали в общественно-политическом движении: вели пропаганду и агитацию среди местного населения, руководили его борьбой, принимали антиправительственные резолюции на собраниях и съездах, участвовали в стачках и политических демонстрациях, а во время первой российской революции кроме того — в вооруженных восстаниях.

A.V. Ushakov

Peculiarities of Living Standards and Work Conditions of Intelligentsia in Russia at the Turn of the XX th century

The article deals with two groups of intelligentsia: teachers and medical employees. Most of them were descended from unprivileged stratas of society, such as peasantry, lower middle classes, *raznochintsi* etc. Their living conditions were hard, their conditions of work were like those of the broad masses. That is why they took an active part in the social and political movement.

Keywords: intelligentsia; living standards; work conditions.

Примечания (Endnotes)

¹ Сучков И. В. Учительство России в конце XIX – начале XX вв. / И.В. Сучков. – М.: МГОПУ, «Альфа», 1994. – С. 12.

² Там же. – С. 18.

³ Сучков И. В. Рабочий класс и народные учителя Московской губернии перед первой русской революцией (1895–1904 гг.) / И.В. Сучков // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма: Сб. науч. тр. – Вып. 52. – М.: МГОПУ, «Альфа», 1978. – С. 83.

⁴ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – М.: Педагогика, 1976. – С. 127.

⁵ Ушаков А. В. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. / А.В. Ушаков, О.А. Образцова. – М.: ИД «С днем рождения», 1999. – С. 12.

⁶ Черняев А. А. Гимназии Москвы в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук / А.А. Черняев. – М., 1998. – С. 77.

⁷ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – С. 60.

⁸ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР... – С. 146.

⁹ Черняев А. А. Указ. соч. – С. 78.

¹⁰ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР... – С. 149.

¹¹ Там же. – С. 129.

¹² Ушаков А. В. Указ. соч. – С. 12.

¹³ Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. – С. 60.

¹⁴ Ушаков А. В., Образцова О. А. Указ. соч. – С. 12.

- ¹⁵ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР... – С. 161.
- ¹⁶ *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции / Л.К. Ерман. – М.: Наука, 1966. – С. 15; он же: Состав интеллигенции в России в конце XIX – начале XX в. / Л.К. Ерман // История СССР. – 1963. – Т. 1. – С. 175.
- ¹⁷ *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. – С. 62.
- ¹⁸ Там же. – С. 63.
- ¹⁹ *Гитович Н. И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Н.И. Гитович. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 646.
- ²⁰ *Серафимович А. С.* Собр. соч. / А.С. Серафимович. – Т. VIII. – М., 1948. – С. 8.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 23. – С. 129.
- ²² *Сучков И. В.* Учительство России... – С. 25.
- ²³ Труды I-го Всероссийского съезда представителей общества вспомоществования лицам учительского звания. – Т. I. – М., 1907. – С. 227.
- ²⁴ *Василевич В. В.* Шаг за шагом. (К истории объединения народных учителей). Из личных воспоминаний и переживаний / В.В. Василевич. – М.: Книжный склад «Для народного учителя», 1914. – С. 227, 256.
- ²⁵ Русское слово. – 1895. – 15 июня.
- ²⁶ *Сучков И. В.* Учительство России... – С. 28.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РО РНБ. Ф. 621. Д. 48. Л. 2. (курсив и орфография подлинника).
- ²⁹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. – С. 62.
- ³⁰ *Шаркова Г. Е.* Динамика материального положения учителей московских гимназий в начале XX века / Г.Е. Шаркова // Гуманитарные науки: Сб. ст. – Вып. 23. – М.: Изд-во МАДИ, 2005. – С. 45–49.
- ³¹ *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции... – С. 11.
- ³² *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. – С. 50.
- ³³ *Повадин С. П.* Гегемония пролетариата в движении медицинских работников Москвы накануне первой российской революции / С.П. Повадин // Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГОПУ, «Альфа», 1985. – С. 94.
- ³⁴ *Калинин П.* Профессиональное движение среднего медицинского персонала в России. Исторический очерк / П. Калинин. – М.: Изд-во ЦК Медсантруд, 1927. – С. 8.
- ³⁵ *Повадин С. П.* Указ. соч. – С. 94.
- ³⁶ *Вересаев В.* Записки врача / В. Вересаев. – СПб.: Изд-во и склад изданий в магазине О.Н. Поповой, 1901. – С. 79.
- ³⁷ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 13. Д. 315. Л. 5.
- ³⁸ *Повадин С. П.* Указ. соч. – С. 94.
- ³⁹ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 13. Д. 315. Л. 5.
- ⁴⁰ ПД. Ф. 266. Оп. 2. Д. 596. Л. 6, 7; РО РНБ. Ф. 808. Д. 10; Русский врач. – 1902. – № 2.
- ⁴¹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. – С. 51.
- ⁴² *Мицкевич С. И.* На грани двух эпох. (От народничества к марксизму): Мемуарная записка / С.И. Мицкевич. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 107.
- ⁴³ *Шаповалов А. С.* В борьбе за социализм. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 42.
- ⁴⁴ *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. – М.: Наука, 1986. – С. 121.
- ⁴⁵ Русский врач. – 1902. – № 4. – С. 142–143.

С.Л. Перечицкая

Организация и охрана Волго-Донского волока казённых грузов в XVIII веке

Статья посвящена истории Волго-Донского волока, который был важным торговым путем в России в XVIII веке. Автор доказывает, что волок и казенные грузы охранялись казаками на протяжении всего XVIII века, а организация поставок казенных грузов осуществлялась через систему подрядов.

Ключевые слова: Волго-Донской волок; казенные грузы; казаки.

В начале XVIII века для России были актуальны не только борьба за выход к Черному и Балтийскому морям, но и создание единой транспортной системы, соединяющей их побережья и внутренние районы страны. В связи с этим в сжатые сроки — с 1698 по 1708 гг. — решалась судьба двух каналов: Волго-Донского и Вышневолоцкого. Первый должен был соединить Центральные районы и Поволжье с Черным морем, второй — с Балтикой. Однако если строительство Вышневолоцкого канала было успешно завершено в 1708 г., то работы по устройству Волго-Дона, начатые в 1689 г., прекратились с началом Северной войны (1700–1721). На наш взгляд, существовали объективные причины нереализованности данного проекта: во-первых, малая заселенность края в начале XVIII века, во-вторых, плохая охрана строительства канала от набегов беспокойных южных соседей — ногайцев и калмыков, в-третьих, нехватка рабочих рук, в-четвертых, техническая слабость проекта — соединение несудоходных рек-притоков Волги и Дона (на протяжении последующих веков к этому проекту больше не возвращались, что только подтверждает его несостоятельность).

Фактически до середины XIX века комбинированный сухопутно-речной Волго-Донской-Черноморский путь был очень востребован. Увеличение грузопотока по нему в начале XVIII века потребовало решения двух проблем: организации самой доставки казенных грузов и организации охраны волока. Сухопутный путь переброски грузов был очень уязвим из-за нападений и грабежей¹. 60 верст Волго-Донского волока, самого узкого места междуречья, преодолевались тогда в течение 4–5 дней. Для примера, 5 суток понадобилось в 1695 г. Петру I с войском дойти от Царицына до Панышина (с Волги на Дон) в его Азовском походе².

Для предотвращения угрозы нападений южных соседей в междуречье Волги и Дона в районе волока в 1718–1722 гг. велось строительство Царицынской линии, своеобразного заградительного щита. Линия соединяла Царицын и Панышин и находилась в подчинении Царицынского коменданта. В конце

20-х гг. XVIII века пришла в некоторое запустение и упадок. С начала правления Анны Иоанновны была подвергнута тщательному обследованию, восстановительным работам и вновь запущена по назначению.

Немаловажно было организовать караульную службу на Царицынской линии и на прикрываемом ею Волго-Донском волоке. С августа 1731 г. по май 1732 г. издаются семь правительственных указов о поселении на Царицынской линии донских казаков, об укреплении линии, об отводе казакам земель и о выдаче им жалования. В указах оговаривались следующие условия: свободное волеизъявление казаков — запись на поселение по желанию, «охотою», «без принуждения». Впервые казакам было разрешено селиться на Волге: «в тех местах, где донских казаков городков нет», в районе Паньшина городка, Качалина, на Грачах, близ Царицына на Мечетной и на Волге, «где прежде бывала Дубовка», и вверх по Волге до «Балыклей». Указы освобождали от несения караульной службы казаков войска Донского, от чего последнему «не без тягости бывает»: «последние тех казаков назначено быть для такой пользы, чтоб впредь Донских казаков на линию по 500 человек... не наряжать». Определялось число поселенцев — «до тысячи семей». К концу 1731 г. «к той линии охотою записалось 570 человек». Допускалось причисление к казакам всех пожелавших к записи малороссиян. Указами ограничивалось место службы казаков: «от той линии кроме содержания одной караулами и разъездами в другие места посылки не будет». Поселенцам разрешалось сохранять свой казачий суд; позволялась на всех отведенных им землях ловля «в реках, речках и озерах рыбы безоброчно». В начале 1732 г. правительство ввело ограничение: «Больше 1 060 семей тех казаков к поселению до указа не набирать». Главным у переселенцев был назначен Донской старшина атаман Макар Никитин Персидский, получивший эту фамилию за участие в Персидском походе Петра I. Переселившихся на Волгу донских казаков называли Волжским войском, столицей войска в 1734 г. была определена Дубовка 3.

Более 30 лет Волжское войско несло исправно караульную службу на Царицынской линии, а также на охране и сопровождении казенных грузов с Волги на Дон. Основной поток грузов шел на нужды армии: провиант, фураж, оружие, военная техника. С обустройством Царицынской линии и с налаживанием караульной службы казаков начинает активно развиваться волок частных грузов, удовлетворявший потребности жителей в низовьях Дона. Но, в крестьянской войне под предводительством Е.Пугачева в 1773–1778 гг. волжские казаки оказались на стороне восставших и всячески их поддерживали. После подавления бунта они были переселены на Моздокскую линию, на Терек. Лишь небольшая часть бывшего Волжского войска осталась на прежнем месте.

Некоторые исследователи считают, что заградительный рубеж между Волгой и Доном потерял свое значение в 1776–1778 гг. в связи с перенесением его к южным границам государства на Кавказскую линию и с переселением туда волжских казаков⁴. На наш взгляд, оставшееся казачество вплоть до конца XVIII века продолжало выполнять свои караульно-охранительные функции

на Волго-Донском волоке. Так, в материалах Царицынской Нижней Расправы встречаем объяснительные записки донских и волжских казаков о причинах их неотъезда на Кавказскую линию, об отсутствии письменного вида на жительство и записей их личных сведений по IV ревизии⁵. Даже не приписанные нигде казаки «справляют казачью службу», «отправляют с прочими казаками станичные тягости и караулы». Волго-Донской волок притягивал к себе массу беглого, шатающегося люда. Одни искали возможности сезонной работы на волоке или постоянной в работниках у казаков, другие — вероятности легкого заработка в виде грабежа, воровства, разбоя. По материалам Дубовской посадской ратуши за 1797 г. наиболее распространенными были кражи паспортов, денег, лошадей, грабежи перевозимых грузов⁶. По сравнению с первой половиной XVIII века характер социальной угрозы на волоке изменился. Организованные конницы ногайцев и калмыков уступили место воровским шайкам асоциальных элементов — беглым крестьянам и рекрутам.

Рассмотрим вопрос об организации доставки грузов, при этом выделим две стороны — техническую и экономическую. Груз с пришедших судов по Волге перегружался на подводы и перевозился на Дон. Волон (именно их впрягали в подводы) держали на Волго-Донском волоке многие: казаки, переселенные правительством в эти места в конце 1770-х гг. экономические крестьяне, приезжавшие в сезон на своих подводах чумаки (малороссы, занимавшиеся извозом).

Во времена Петра I существовала принудительная подводная повинность казаков, когда казачьи поселения были обязаны предоставлять определенное их число для перевозки грузов. По замечанию А.П. Пронштейна, этой повинности казаки «бегали»⁷. Позже принуждение сменилось экономической заинтересованностью при подрядной системе. Каким образом раздавались подряды? Проследить их географию на Волго-Донском транзите сложно, так как фиксация подрядов шла либо в пункте отправления грузов, либо в пунктах назначения. Можно предположить, что первоначально подряды к Черноморскому побережью через Волго-Донской транзит брались купцами в регионах экономически развитых, со сложившимися купеческими традициями, с доверием казны, то есть в Москве, Н.Новгороде, в городах Верхневолжья (лес), на Урале (железо). Позже, с освоением южной окраины, волна подрядов покатила к пунктам назначения — Азову, Ростову и другим городам Екатеринославской губернии. Изучение таможенных книг данного региона и данного периода помогло бы раскрыть основные хозяйственные связи Юга и Центра страны.

В последней четверти XVIII века подряды на перевозку грузов через Волго-Дон фиксируются непосредственно на самом транзите. Так, в Саратове проживал «московский к. Ив.Никитин (1774 г.) занятый и самостоятельными торговыми операциями по отправке овса в Дубровку, подрядных леса и рогожн. кулей на Царицынскую линию и в Рост. Крепость»⁸. В материалах Царицынского городского магистрата за 1788 г. находим объявления из Саратовского наместнического правления для всех желающих купцов и посадских на подряды по доставке железа «для Херсонского Адмиралтейства... из губерний Пермской, Вятской и

Уфимской двести тысяч пуд с Дубовской пристани до Качалинской станицы и до самого места, куда следует»⁹. А также доношение о задержке выплат по поставке ржаной муки царицынскому купцу Алексею Бабаеву на сумму 6 000 рублей от Главной провиантской канцелярии Екатеринославской армии¹⁰.

Отметим, что характер казенного грузооборота с Волги на Дон с 20-х до 90-х гг. XVIII века заметно изменился. Военные грузы остались в структуре грузоперевозок, но начали уступать место строительным материалам (особенно лесу), сырью для перерабатывающих отраслей (железу для открытого в 90-е гг. Луганского литейного завода), и рабочей силе по указу правительства (колодников Саратовский губернии предписывалось отправлять в Азов)¹¹.

Таким образом, на всем протяжении XVIII века сохранность казенных грузов на Волго-Донском волоке поддерживалась казачьими караулами и разъездами. Организация поставок казенных грузов осуществлялась через систему подрядов. Привлечение к подрядным операциям купцов и посадских непосредственно на самом транзите отмечено нами лишь в последней четверти XVIII века.

S.L. Perechitskaya

Organization and defence of the Volga-Don Portage of fiscal goods in the XVIII th century

The article deals with the history of the Volga-Don Portage, being the important trade route in Russia in the XVIII th century. The author proves that the Portage and fiscal goods were guarded by the Cossack forces during the whole XVIII th century and delivery of goods was effected through the system of contractors.

Keywords: The Volga-Don Portage; fiscal goods; Cossacks.

Примечания (Endnotes)

¹ *Рябов С. И.* Петр I в Царицыно и на Среднем Дону / С.И. Рябов, Г.П. Самойлов, В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена. 1994. – С. 25.

² Там же. – С. 1.

³ ПСЗ РИ, т. VIII, №№ 5824, 5868, 5293, 5982, 5993, 6007, 6064.

⁴ См. например: *Туровский К. Г.* Очерки по истории и географии Царицынского уезда / К.Г. Туровский. – Царицын, 1912. – С. 68.

⁵ ГАВО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 45.

⁶ ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 8.

⁷ *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке / А.П. Пронштейн // Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения. – Вып. 35. – Ч. 2. – Саратов, 1928. – С. 12.

⁸ Саратов в третьей четверти XVIII века // Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения. – Вып. 35. – Ч. 2. – Саратов, 1928. – С. 12.

⁹ ГАВО. Ф. 233. Оп. Д. 62, 63.

¹⁰ ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 65.

¹¹ ПСЗ РИ I. Т. XXV. №18452.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Сужение функций и полномочий ВЧК-ГПУ в первый год НЭПа

Разгром основных антисоветских сил, сокращение количества вооруженных выступлений внутри страны, упрочение внешнеполитических позиций советского государства, начало преодоления на основе НЭПа экономического кризиса диктовали необходимость реорганизации спецслужбы. Чрезвычайные формы и методы, определённая бесконтрольность чекистских органов времен гражданской войны не отвечали новому этапу в развитии страны. Всё это приводило большевистских лидеров к осознанию необходимости коренной перестройки ВЧК. Намечившиеся перемены в 1921 г. в деятельности спецслужб стали подготовительным этапом для серьёзной реформы ВЧК.

Ключевые слова: ВЧК-ОГПУ; НЭП.

Из гражданской войны советское общество вышло с тяжелым наследием. Ожесточение, накопленное за годы, не могло сразу уйти в прошлое. Чтобы как-то ослабить напряженность, в январе 1920 года. Постановлением ВЦИК и СНК было отменено применение высшей меры наказания (расстрела). При этом важно отметить, что такой акт был принят по предложению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского¹.

Однако, уже в мае 1920 г. ВЦИК и Совет Труда и Оборона (СТО) приняли Постановление об образовании при СТО коллегии в составе ее председателя В.А. Аванесова (секретарь ВЦИК) и членов В.А. Антонова-Овсенко (член РВС Республики) и С.А. Мессинга (член коллегии Московской ЧК). В Постановлении указывалось, что ВЧК и тем ее органам, которые будут на это специально уполномочены означенной коллегией, предоставляются права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и других военных мероприятий)².

Данное Постановление расширяло сферу осуществления красного террора, полномочия органов ВЧК внутри страны и в тылу Красной Армии. Выс-

шая мера наказания — расстрел, отмененная ВЦИК и СНК 17 января 1920 г., вводилась вновь.

В конце 1920 г. руководство ВЧК ограничило смертные приговоры. 24 декабря 1920 г. ВЧК запретила всем губЧК приведение в исполнение приговоров о высшей мере наказания без санкции ВЧК за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. Было рекомендовано отменить высшую меру наказаний по всем политическим преступлениям за исключением террористических актов и открытых восстаний, но в области уголовных преступлений ВЧК считало необходимым применять высшую меру наказания к бандитам и шпионам³.

Но, несмотря на рекомендации ВЧК, массовые расстрелы продолжались и в 1921 г. Так, в Ораниенбауме часть красноармейцев отказалась идти в наступление на мятежный Кронштадт, и тройка в составе М. Разина, С. Медведева и И. Сотникова вынесла решение о расстреле каждого пятого⁴. В начале 1920-х гг. Советская власть не отказалась от расстрелов. Чаще всего они применялись неоправданно, служили мерой устрашения по отношению к противникам большевистской власти. Наряду с расстрелами продолжал действовать варварский институт заложников. Несмотря на то, что система заложничества была отменена в 1922 г., она продолжала действовать и в середине 1920-х гг.

Значительная часть заложников содержалась в концлагерях, большинство из которых было создано в местностях, охваченных повстанческим движением. Только в Тамбовской губернии такие лагеря были в Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре, Тамбове и др. на 15 тысяч человек⁵.

Нередко террор трактуется как временная беда, которой отмечены пройденные этапы истории страны. Но как показала дальнейшая история, это не просто явление, а тяжелая болезнь общества, которая присуща ему при переломном развитии. Как видим, в начале 1920-х гг., даже после окончания гражданской войны, террор против собственного народа не прекратился.

Что касается статистики террора и репрессий в России в 1920-х гг., эта проблема остается довольно сложной, в связи с тем, что точных данных о терроре нет. Так, например, сохранились определенные цифры и данные по лицам, осужденным по 58-й статье УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик. Возможно эти данные вызывают определенные сомнения, но, на наш взгляд, в целом они отражают общие тенденции того времени. Главный учет по лицам, осужденным за «контрреволюционные преступления», велся теми органами ВЧК-ГПУ, ОГПУ, НКВД, которые непосредственно осуществляли репрессии⁶. Согласно опубликованным данным, только органами ВЧК за 1921 г. были арестованы около 200,3 тыс. человек из них 76,8 тыс. — за «контрреволюционные преступления». Более 35,8 тыс. человек были осуждены, из них 9 701 человек приговорены к высшей мере наказания. В 1922 г. были арестованы 119,3 тыс. человек (за контрреволюционные выступления — 45,4 тыс.), осуждены 6 тыс. человек, расстреляны 1 962. Общее число расстрелянных только за 1921 и 1922 гг.

составило 11 663 человека. И это далеко не все данные. Были и суды, и военные трибуналы, которые также осуждали людей.

Время настоятельно требовало прекращения террора. Закончившаяся гражданская война позволяла это сделать. Рекомендации центральных органов ВЧК о прекращении применения чрезвычайных мер и высшей меры наказания не везде воспринимались как серьезные указания. Только законодательно можно было изменить порядок вещей. А реализовать это было возможно в ходе реформы ВЧК, которая могла бы отменить «чрезвычайщину». Это и стало одной из важнейших причин проведения реформы ВЧК.

Однако военная победа Красной Армии в Гражданской войне не привела к воцарению гражданского мира в России. Социальное, экономическое и политическое положение в стране оставалось крайне напряженным. Противостояние в обществе, выражавшееся в массовых крестьянских восстаниях, бунтах, вооруженных выступлениях в армии и даже антибольшевистских выступлениях «победившего пролетариата», продолжалось.

Большевикам требовалось любой ценой стабилизировать социально-политическую ситуацию в стране. Причем это был вопрос жизни или смерти не только Советской власти, но и большевистской партии.

Именно здесь кроется причина и главное объяснение теоретической проработки и практической реализации нэпа, ликвидации продрозверстки и введения продналога, отмены хлебной монополии и допущения экономической многоукладности и частнопредпринимательской деятельности в Советской России. Но непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной и осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских выступлений в Центральном районе, на Северном Кавказе и в Сибири⁷, что в свою очередь, представляло угрозу утраты власти. Несмотря на то, что противоборство различных политических сил продолжалось, а развитие страны в 1920-х гг. шло от одного кризиса к другому, нэп все-таки позволил несколько сгладить противоречия.

Новая экономическая политика оказала благотворное влияние на политическую ситуацию в стране. Постепенно пошли на убыль крестьянские восстания. В 1921 г. были подавлены последние вооруженные выступления в ряде районов на Украине. В августе этого же года перешел Днестр и сдался румынским властям Махно. В 1922 г. потерпели поражение белогвардейцы на Дальнем Востоке. Большевики по всей стране укрепляли свою власть. Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности ВЧК. Это обстоятельство учитывало руководство РКП (б). Отсюда высказанная после окончания гражданской войны рекомендация В.И. Ленина — провести «ряд перемен в нашем политическом строе»⁸.

На позицию большевиков по реформированию ВЧК влияло и то, что чрезвычайные комиссии практически во многих местах страны стали бесконтрольны. Так, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин жаловался В.И. Ленину,

что действия чекистов на Черноморско-кубанском побережье приводят к ряду конфликтов с Америкой, Германией, Персией, Турцией. «3 августа в Армави-ре агенты ВЧК арестовали дипломатического курьера турецкого посольства Феридуна-Бея и вскрыли печати его дипломатических вализ, причем обращались с ним самым недопустимым образом. Еще худшему обращению подвергся ранее там же сотрудник турецкого посольства Иззет-Измет... Черноморские чекисты ссорят нас по очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий. «Политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами», — пишет Г.В. Чичерин. В.И. Ленин отвечает: «Арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных, и их расстрелять»⁹.

Характерен еще один эпизод с арестом германского кинематографиста Бартельса по инициативе ЧК. На этот арест последовала незамедлительная реакция Политбюро ЦК РКП (б). Обсудив этот вопрос на заседании, Политбюро постановило «строжайше наказать тех ответственных чекистов, которые помимо главы соответствующего ведомства — т. Чичерина произвели обыск и арест Бартельса»¹⁰. Бартельс был отпущен, и немецкой стороне были принесены официальные извинения. Кроме того, по предложению Л.Д. Троцкого, Политбюро приняло Постановление об инструктировании органов ВЧК в отношении иностранцев и предписало привлечь к суровой ответственности тех чекистов, которые их нарушают и «руководствуются методами 18 года».

Столь бурная реакция объяснялась не только стремлением большевистской верхушки к развитию отношений с Германией, но и взятым курсом на установление экономических и дипломатических отношений с капиталистическими державами. Это был своего рода «сигнал» Западу о готовности России к налаживанию взаимоотношений. Таким образом, и внешний фактор стал основанием для проведения реформы ВЧК.

Чтобы понять все причины реорганизации, напомним и об отношении к ВЧК со стороны советской общественности и особенно партийно-государственной элиты. Это отношение было далеко не однозначным. У значительной части большевиков, а уж тем более у беспартийной общественности, сохранялась определенная настороженность к ВЧК, поэтому в периоды смягчения обстановки выдвигались опасения по поводу ее бесконтрольной и самоуправной деятельности.

И у В.И. Ленина во взглядах на деятельность ЧК появились новые акценты. Уже с марта и, особенно с мая, 1921 г. он все чаще стал интересоваться судьбой арестованных (особенно «буржуазных специалистов»). Пытался выяснить мотивы арестов, а порой и прямо требовал их освобождения, или же возвращения имущества, пропуска за границу и т.п. Все чаще сталкивался с тем, что осмелевшие и твердо верившие в свою правоту чекисты, далеко не всегда беспрекословно выполняли его указания. Разумеется, превышение служебных полномочий, самоуправство, бесконтрольность в деятельности

ВЧК не могли устраивать руководство ЦК РКП (б). И это также подталкивало лидеров большевиков к проведению реформы ВЧК.

Но еще до реорганизации спецслужбы, в начале 1920-х гг. была сделана попытка сузить права всемогущей ВЧК, ликвидировать «чрезвычайщину».

В соответствии с новыми условиями и задачами в первый год нэпа перестраивается работа государственного аппарата, содержание и методы его деятельности. Новые экономические отношения, повторимся, требовали изменения карательной политики Советской власти, форм подавления контрреволюции. Определенная стабилизация оперативного положения и спад угрозы возобновления гражданской войны диктовали необходимость отказа от режима «чрезвычайщины», требовали изменения методов работы чекистских органов применительно к новому этапу развития республики. «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского общества, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»¹¹, — вот, что заявлял лидер большевиков в 1921 г. Поэтому с переходом к нэпу активизировались поиски в области права, укрепления законности, наметилась тенденция к сокращению и смягчению насильственных мер.

Необходимость ограничения полномочий ВЧК и сужения рамок ее деятельности признавалась и руководством ВЧК и самим председателем этого ведомства. В январе 1921 г., сразу после окончания гражданской войны, Ф.Э. Дзержинский писал в ЦК РКП (б), что применение высшей меры наказания — расстрела можно сейчас отменить по всем политическим преступлениям, за исключением «террористических актов и открытых восстаний, а также наиболее опасным должностным преступлениям»¹². В письме к Г.Г. Ягоде он в частности пишет: «не подчеркивать прав и власти ЧК... Я считаю вообще опасным если Губчека или особые отделы будут думать, что они только соль земли»¹³. А в приказе своим местным органам Ф.Э. Дзержинский доказывал, что в новых условиях нельзя действовать прежними методами: «Грубые признаки различения на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу... Нужно иметь в руках явные улики, конкретные данные», но «само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна»¹⁴. Считая, таким образом, оправданными беззакония на основе «классового признака», расправы предшествующего периода, председатель ВЧК предлагает отказаться от такого подхода в 1921 г. И в последующем 1922 г. Ф.Э. Дзержинский предлагает «ограничить судебные функции до максимума. Обязать ВЧК просматривать все приговоры местного ЧК. Сохранить контроль Ревтрибунала над следственным производством МЧК (и соответственно Военного Трибунала над ВЧК)»¹⁵.

Также была предпринята попытка отказаться от внесудебных репрессий ВЧК и передать все дела в народный суд, обратить особое внимание на вопросы по-

литического характера, прежде всего на обеспечение безопасности государства и общества. Этому способствовало принятие ВЦИК декрета «Об объединении всех революционных трибуналов республики» (23 июня 1921 г.)¹⁶. В качестве единого органа надзора за действовавшими на территории РСФСР трибуналами, а также судебными учреждениями при ВЦИК был создан Верховный трибунал.

В 1921 г. ЦК РКП (б) создал комиссию по пересмотру карательной политики Советского государства, в которую вошли представители ВЧК, НКЮ, Ревтрибунала республики, ВЦСПС (Ф.Э. Дзержинский, Н.В. Крыленко, В.В. Куйбышев, П.Б. Саврасов и др.) Эта комиссия предложила пересмотреть дела всех попавших в места заключения в годы гражданской войны¹⁷.

21 марта 1921 г. был принят Декрет СНК «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных». Такое освобождение распространялось на всех заключенных, невзирая на их принадлежность к тому или иному классу.

9 и 11 ноября 1921 г. СТО, а затем Политбюро поставили вопрос о сокращении штатов ВЧК. 10 и 15 ноября 1921 г. Совнарком¹⁸, обсудив вопрос о надзоре «за следствием», поручил разработать нормы, регулирующие взаимоотношения ВЧК и Наркомюста и устанавливающие надзор НКЮ за следственным аппаратом ВЧК, для чего была создана комиссия в составе Ф.Э. Дзержинского, Л.Б. Каменева и Д.И. Курского. Среди ее членов начались разногласия. Ф.Э. Дзержинский выступил против сколько-нибудь серьезных сокращений ВЧК. При существовавшем штате в 105 тысяч человек он предлагал определить новый штат ВЧК в 100 тысяч и 25 тысяч резерва. На заседании Политбюро 25 ноября 1921 г. было принято предложение Л.Б. Каменева и Д.И. Курского — 90 тысяч человек и 15 тысяч резерва¹⁹.

Происходившие в 1921 г. перемены в главных направлениях и методах работы органов ВЧК, их структуре и кадровом составе стали подготовительным этапом для серьезной перестройки. Работа по разработке реформы ВЧК началась по инициативе В.И. Ленина в ноябре 1921 г.

L.A. Bueva

Limiting the Functions and Prerogatives of the VCHK-OGPU in the First Year of the NEP

Defeat of anti-Soviet forces, decrease of the number armed attacks within the country, strengthening of foreign policy positions of the Soviet state, starting to overcome the general crisis on the basis of new economic policy dictated the necessity to reorganize specialized service. Extreme forms and methods, certain lack of control over corresponding bodies during the Civil war did not correspond to a new stage of country development. All these facts led the bolshevist leaders to realize that radical reorganization of VCHK was badly needed. Emerged changes in the activities of specialized service turned out to be a preparatory stage for serious VCHK reform.

Keywords: VCHK-OGPU; NEP.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Декреты Советской власти. – Т. VII. – М.: Политиздат, 1957. – С. 104–105.
- ² *Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности / В.В. Коровин. – М.: Норма-Инфра, 1998. – С. 118.
- ³ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. – М.: Политиздат, 1987. – С. 380.
- ⁴ *Плеханов А. Н.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. – М., 1995. – С. 13.
- ⁵ Литературная Россия. – 1990. – 30 ноября. – С. 19.
- ⁶ *Попов В. П.* Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (источники и интерпретация) / В.П. Попов // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 26.
- ⁷ См.: Россия 20-х годов уходящего столетия: Тезисы Первой Всероссийской заочной научной конференции / Научн. ред. С.Н. Полторака. – СПб.: Изд-во «Нестор», 1995. – С. 25–28.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 343.
- ⁹ *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922 / В.И. Ленин. – М.: Росспэн, 1999. – С. 476–479.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 219. Л. 3–4.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 44. – М.: Политиздат, 1970. – С. 329.
- ¹² В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1975. – С. 380–381.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 3. Д. 134. Л. 5.
- ¹⁴ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. док. – М.: Изд-во ВШ КГБ, 1958. – С. 418–420.
- ¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. №177. Л. 67.
- ¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – М.: НКЮ, 1921. – № 51. – С. 294.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 12.
- ¹⁸ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1987. – С. 498.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.

Ю.В. Смирнова

Истоки и сущность НЭПа в общественной мысли периода «перестройки» 1985–1991 гг.

Автор анализирует взгляды представителей интеллигенции по проблемам истоков и сущности новой экономической политики периода «перестройки» (1985–1991 гг.). Основное внимание уделяется тем публицистам, чьи взгляды получили наиболее полное отражение в многотиражных изданиях, и имели большой общественный резонанс. Выводы автора отражают характерные особенности и результаты воздействия общественной мысли периода «перестройки» на процесс изменения общественного сознания и подготовку либерально-демократических реформ социалистической системы конца 80-х – начала 90-х гг. XX века.

Ключевые слова: новая экономическая политика (НЭП); «перестройка».

Нетрудно предположить, что анализ событий 1985–1991 гг., главным итогом которых стал распад СССР, остается актуальным как для научного осмысления, так и для дальнейшего общественно-политического развития России. Участники современных научных и общественно-политических дискуссий пытаются ответить на вопросы, что же тогда произошло, почему «перестройка» неожиданно закончилась разрушением самого крупного в мире государства, что случилось в те годы с общественным сознанием, какие объективные и субъективные факторы привели к дезинтеграции страны. Осмысление этих проблем до сих пор носит идеологический характер, научные интерпретации пробируются робко и слабо влияют на оценки, выставляемые современному историческому процессу. Но если социально-экономическим и политическим аспектам периода перестройки посвящено уже немало работ, то вопросу о месте, роли и степени влияния общественной мысли на события тех лет не уделяется столь пристального внимания. Однако известно, что общественная мысль не только отражает самые злободневные проблемы общественного развития, но оказывает непосредственное влияние на развитие исторических событий.

История знает немало примеров, когда представители общественной мысли, оказывая на общество и правительство воздействие, добивались крупных политических целей, и, наоборот, когда через воздействие на общественную мысль правительство осуществляло решение своих задач. Эта взаимосвязь выступает одним из источников понимания закономерности исторического процесса, влияния субъективного фактора на развитие общества. Следовательно, приблизиться к исторической истине, не поняв состояния общественного сознания, характера духовной деятельности людей, не выявив воздействия идей

представителей общественной мысли на массовое сознание и идеологию, на материальную жизнь общества, невозможно.

Общественная мысль, будучи отражением конкретных проблем общественной жизни на том или ином этапе развития той или иной страны, представляет собой активный компонент общественного движения. Ее содержание составляют идеи, касающиеся жизни общества, его злободневных проблем и выражающие интересы и притязания определенных общественных групп, а носителями этих идей выступают представители передовой интеллигенции. Говоря об интеллигенции периода перестройки, нельзя не отметить, что она была многопланова и неоднородна. Это и творческая интеллигенция, и участники общественно-политических движений, и деятели науки. Все они имели возможность не только находиться в гуще событий середины 80-х – начала 90-х гг., но и оказывать непосредственное влияние на ход истории в этот многосложный период.

Вопрос о роли интеллигенции в общественно-политическом развитии никогда не утрачивал своей актуальности, поскольку российская интеллигенция всегда занимала особое место в общественной жизни страны, а с 1985 г. была вовлечена и в политическую борьбу. Автор согласна с мнением В.А. Мансурова, что: «Перестройка дала шанс многим представителям интеллигенции. В этих условиях, при огромном дефиците профессиональных политиков, именно профессионалы интеллектуального труда, возможно, взяли на себя излишний груз нового духовного и политического лидерства»¹. Этот груз стал поиском своего места в перестройке, предложением программ социально-политического обновления общества, формированием общественного сознания, организацией оппозиции, созданием политических партий и объединений, проведением активного поиска альтернатив общественного развития. Этот поиск, в значительной степени, был обращен к историческому прошлому России, к советской истории 20–30-х гг. и особенно к периоду новой экономической политики. Этот факт объяснялся тем, что перестройка середины 80-х гг. — это попытка реформирования и демократизации командно-административной системы, а НЭП — единственный период в советской истории, когда наряду с административными широко использовались экономические методы управления и существовала более демократичная политическая система.

Исследование показывает, что в первые годы перестройки, приблизительно до середины 1989 г., исследование истории НЭПа шло в основном в одном направлении. Автор согласна с мнением М.М. Горинова, что «перестроечный плюрализм был поставлен в жесткие рамки: требовалось противопоставить «хороший» нэп (историю 20-х гг.) «плохому» сталинизму (истории 30-х гг.)»².

И если раньше, традиционная схема рассуждений выглядела так: партия в 1921–1936 гг., вооруженная ленинским планом построения социализма в СССР, поэтапно осуществила этот план — восстановила разрушенное в империалистическую и гражданскую войны хозяйство, затем взяла курс на индустриализацию, потом, предварительно кооперируя значительную часть крестьянских хозяйств,

дополнила его курсом на коллективизацию, благополучно, несмотря на некоторые перегибы, осуществила и ту, и другую, и в результате к концу 30-х гг. мы построили в основном социализм. Осуществление ленинского плана осложнялось «атаками на партию» со стороны оппозиционеров, не понявших ленинских идей, но партия, сплотившись вокруг ЦК, отстояла ленинскую линию. Выдающуюся роль в борьбе с оппозиционерами сыграл И.В. Сталин, который, правда, потом переоценил свои заслуги, сделал ряд ошибок, в том числе выдвинул тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, что привело к необоснованным репрессиям³.

То теперь, нэповская экономика, с характерными для нее разнообразием форм собственности, хозрасчетной госпромышленностью, «сосуществованием» планового рынка, представлялась многим публицистам и исследователям-профессионалам идеальной моделью «социалистической рыночной экономики»; а нэп в целом — с его относительным идеологическим плюрализмом в рамках коммунистической доктрины — прообразом искомого «рыночного социализма», якобы волюнтаристски отброшенным И.В. Сталиным, стремившимся к установлению режима личной власти, а потому не нуждавшимся в «плюралистическом» нэпе.

В докладе М.С. Горбачева XXVII съезду КПСС говорилось: «Основной замысел сводится к тому, чтобы открыть простор экономическим методам хозяйствования. Значительно расширить самостоятельность колхозов и совхозов, поднять их заинтересованность, ответственность за конечные результаты. По сути, речь идет о творческом использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям»⁴. Поэтому со второй половины 80-х гг. на страницах известных журналов и газет появляются работы публицистов, ученых, в которых ставится задача не только изучения этого периода более подробно, но прямо или косвенно авторы поднимают вопрос о переосмыслении периода НЭПа для использования его экономических реформ в современных экономических преобразованиях.

Так, например, Ф. Бурлацкий в статье «Ленин и стратегия крутого перелома» писал о том, что на данный момент существуют более благоприятные условия, чем в 20-е гг., для проведения экономических преобразований. Он был глубоко убежден в том, что творческое использование политики продналога, кооперации, хозрасчета, изменение товарно-денежных отношений приведет современное общество к желаемому результату ускорения социально-экономического развития и достижению намеченных партией целей⁵. В развернувшейся в 1988 г. дискуссии в редакции журнала «Вопросы истории», так же отмечалось, что «мы сейчас обращаемся к опыту нэпа, ищем и находим в нем практические ответы на вопросы современной жизни, что само по себе свидетельствует и об историческом значении нэпа, и о его незавершенности, поскольку, задачи, которые должен был решить нэп, остались нерешенными, что породило серьезнейшие трудности в дальнейшем развитии советского общества»⁶.

Таким образом, на передний план в средствах массовой информации и общественно-политических журналах первоначального периода перестройки выдвигались вопросы, связанные с истоками нэпа, его экономической сущностью и основными результатами.

По вопросам истоков нэпа и времени его введения существовало две точки зрения. Большинство публицистов на рубеже 1985–1986 гг. придерживались ранее существовавшего мнения («Краткий курс ВКП (б)») о том, что «переход к нэпу был почти мгновенный»⁷, имея ввиду, X съезд РКП(б) в марте 1921 г. В доказательство приводились высказывания В.И.Ленина о том, что у партии не было никакого плана действий. Однако, такие суждения, будучи очень популярными тогда в обществе, были ненаучны и неверны. Так как, еще ранее в работах советских и западных ученых И.Б. Берхина, И. Дойчера, а затем — В.П. Данилова, С. Павлюченко, В.П. Наумова, В.П. Дмитренко⁸, на основе изученных документов, отмечалось, что еще в декабре 1920 г. на VIII Съезде Советов, и в феврале 1921 г. на конференции металлистов, в «Предварительном черновом наброске тезисов насчет крестьян», то есть до X съезда, В.И. Ленин указывал на то, что в партии идет поиск новых подходов по отношению к крестьянину. Кроме того, еще в январе-феврале 1920 г. Ю. Ларин и Л.Д. Троцкий предлагали заменить разверстку продналогом. Автор статьи считает, что в первые годы перестройки преобладание первой точки зрения в средствах массовой информации было связано с тем, что необходимость современного резкого поворота экономической политики 1985–1988 гг. нужно было оправдать исторической закономерностью и связать успехи нэпа с современными реформами.

Дискуссии по проблеме истоков нэпа привели к утверждению в обществе идеи о том, что В.И. Ленин в последние годы жизни пересмотрел свои взгляды на социализм, свидетельством чего и стало введение нэпа «всерьез и надолго»⁹. И вместе с этим к закономерно возникающему вопросу: «Если мы перестраиваемся по пути истинного ленинского социализма и нэпа и при этом сохраняем преемственность Великой Октябрьской Социалистической революции, то каким образом политика нэпа сохраняла преемственность политики большевиков в первые годы после революции 1917 г.?» — Ответ был найден. По утверждению О.Р. Лациса еще в работе «Очередные задачи Советской власти» 1918 г. В.И. Ленин писал: «Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию... учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности»¹⁰. Отсюда следовало, что в первые годы Советской власти применялись все экономические меры: банковская и внешнеторговая политика, регулирование денежного обращения, налоги и сохранялась лишь одна административная мера, направленная против эксплуататорских классов: трудовая повинность¹¹. Таким образом, О.Р. Лацис пришел

к выводу о том, что в теоретических положениях по строительству социалистической системы, разработанных В.И. Лениным в первые годы Советской власти, уже были видны ростки новой экономической политики 1921 г. Постановка этой проблемы привела в дальнейшем не только к более тщательному исследованию истоков нэпа, но и к мысли о том, что новая экономическая политика явила собой попытку ликвидации командно-административной системы, порожденной в годы гражданской войны и политики «военного коммунизма».

Обращаясь к истории НЭПа, общество пыталось переосмыслить и сущность этих экономических реформ, оценивая, в первую очередь, их прогрессивность. В связи с этим, исследовались такие проблемы, как роль торговли в системе нэпа, финансово-кредитная политика государства, развитие частного сектора, кооперация, то есть успешные достижения в восстановлении народного хозяйства (рыночные элементы системы нэпа, их взаимодействие с государственным сектором экономики и их результаты). В духе времени тогда были написаны работы, Ф. Бурлацкого, Л. Воскресенского, В.Я. Филимонова, В. Маневича, В.П. Дмитренко, В. Беловой, А. Черниченко, В.Сироткина¹² и др., в которых проводился анализ взглядов В.И. Ленина на кредитно-финансовую политику государства, прослеживалась связь между развертыванием торговли, восстановлением денежного обращения, устойчивостью рубля и оздоровлением государственных финансов, а также показывалась взаимозависимость процесса демонтажа нэпа и эволюции кредитно-финансовой системы, которая в результате ее реорганизации в 1927–1929 гг. и реформы 1930 г., утратила коммерческие основы и превратилась в разновидность централизованного планового финансирования. Так, например, исследование М.А. Свищева посвящалось развитию частного сектора экономики в период нэпа, в котором он опроверг ранее существовавший тезис 20-х гг. о том, что частный сектор в условиях товарно-денежных отношений представлял опасность для строительства социализма, поскольку мелкое производство с неизбежностью порождало капиталистические элементы. Автор, показав значительную роль частного сектора в сфере обмена, доказал, что их доля составляла всего лишь 0,2% населения с национальным доходом в 1%, к тому же государство использовало методы регулирования частного сектора и легальных возможностей для обогащения не существовало¹³. В. Селюнин отмечал: «Всего за четыре-пять лет достигнут довоенный уровень в промышленности и сельском хозяйстве. В 1928-м г. он превзойден в индустрии на 32 процента, на селе — на 24»¹⁴. О. Лацис полагал, что «послевоенное восстановление промышленности было в основном закончено к 1925 г.»¹⁵. А Г.А. Лисичкин утверждал, что «национальный доход достиг довоенного уровня через четыре года»¹⁶. В интервью В.С. Лельчука, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Ю.С. Борисова, В.П. Наумова на основе фактов и цифр показывались достижения нэпа в восстановлении народного хозяйства в целом, и, в частности, в промышленности за счет внутренних ресурсов страны в начальный период нэпа, когда была преодолена разруха, и валовая продукция за период 1921–1924 гг. возросла более чем в 2 раза, а в сельском хозяйстве был достигнут

довоенный уровень, и страна была накормлена и одета¹⁷. Среди экономистов развернулась дискуссия по проблемам основ истории политической экономии социализма, истории экономической мысли 20-х гг, живое участие в которой приняли и публицисты¹⁸. Основным итогом стал вывод о том, что ленинская методология движения к социализму, на основе рыночных отношений и многоукладности, была насильственно свернута, что цель нэпа заключалась в строительстве социализма не путем формального и насильственного обобществления, а путем максимального использования различных укладов, в том числе частнохозяйственного, при их экономическом соревновании. Вследствие этого, в обществе конца 80-х гг. вновь возродились идеи товарников 20–30-х гг., утверждавших, что рынок, в связи с хозрасчетом и в отличие от централизованной организации производства и распределения, дает автоматическую оценку результатов деятельности каждой отдельной отрасли производства, каждого отдельного предприятия и, таким образом, создает тот механический счетчик, который необходим для постановки контроля и самоконтроля в государственной промышленности¹⁹.

Таким образом, публицисты и ученые пытались представить экономику 20-х гг. безболезненной. Оптимистические статистические выкладки сопровождались идеализацией социальных и экономических условий нэпа. Так, драматург Виктор Розов, описывая, как нэп изменил жизнь в провинциальном городе его детства, вспоминал, что «все начало сверкать и смеяться»²⁰. А Владимир Дудинцев ассоциировал нэп с полными амбарами и общим достатком крестьян-единоличников²¹. Авторы не уделяли внимания отрицательным сторонам новой экономической политики и ее противоречиям (кризисы, безработица, аграрное перенаселение, рост буржуазных элементов, стремящихся к политической власти и т.д.). Так, например, В. Сироткин в статье «Уроки НЭПа. Мысли вслух перед пленумом ЦК КПСС» писал, что безработица в период нэпа не такой уж и недостаток. Ведь «на пособие безработного при НЭПе можно было купить два демисезонных пальто, а в 1930–1935 гг. на втрое большую зарплату уже ничего купить было нельзя – все выдавалось по карточкам или через распределители»²². А Ф. Бурлацкий прямо советовал использовать «противоречия социализма в качестве источника ускорения его развития»²³.

Пример прагматического отношения к истории представляла статья Л. Воскресенского «На пути к социалистическому рынку», призванная объяснить читателю сущность и значение нэпа, в которой однозначно в розовых красках оценивалась практика новой экономической политики. А для доказательства своей точки зрения (наряду с абсолютно верными размышлениями о той спасительной роли, которую сыграл нэп в восстановлении разрушенной экономики страны) автор прибег к прозаическому пересказу поэмы В. Маяковского «Хорошо!», в которой рисовалось поэтически радужное нэповское благосостояние²⁴. На фоне такой непротиворечивой картины, в которой не нашлось места ни для классовой борьбы, ни для анализа серьезных диспропорций народного хозяйства, ни для изучения административных «подпорок» экономических рычагов, однозначно

негативным выглядело изменение методов экономической политики в начале первой пятилетки: оно представляло как результат бюрократического произвола, и никаких объективных причин этому, Л. Воскресенский не видел. Следует отметить, что в статьях многих публицистов допускалась масса фактических ошибок, на что не раз указывали историки-профессионалы²⁵, более того, такие скоропалительные заявления оказывали серьезное воздействие на общество. И если раньше нэп, с его «буржуазными пережитками» и в литературе, и в сознании большинства советских людей представлял нечто несовместимое с истинным социализмом, то теперь оказывалось, что именно это социализм.

Правомерным было удивление многих ученых-профессионалов такому резкому изменению оценок нэпа. Так, например, В.П. Дмитренко отмечал, что без исследований эволюции нэпа, и не только его достижений, а и его собственных противоречий нельзя понять сущности реформ 20-х гг. Что нельзя игнорировать такие факты, как кризис 1926 г., связанный с расхождением цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, с недовольством крестьян складывавшимися экономическими отношениями с промышленностью. 1927 г. и очередной кризис, уже на торговом фронте. Еще через год — обнаружившаяся диспропорция в развитии города и деревни, которая проявилась в обострении товарного голода на продукцию промышленности и в естественной реакции единоличного крестьянского хозяйства — уменьшить предложение своей продукции.

Все эти факты свидетельствовали, что, несмотря на быстрое увеличение промышленного производства, потребительский и производственный спрос обгонял предложение. Усиливались элементы товарного голода, что вело к росту цен, колебаниям курса рубля. По-прежнему остро стояла проблема безработицы и аграрного перенаселения. В условиях усиливающегося расстройтва рынка, начавшейся инфляции снижалась роль экономических методов руководства. Чем дальше раздвигались рамки нэпа, тем острее становилась борьба за ограничение стихии, рождаемой самим нэпом²⁶. А М.Я. Гефтер в 1988 г. справедливо заметил, что «нэп рассматривается односторонне: из него вырываются какие-то фрагменты, которые используются как политические аналогии: рынок, продналог...»²⁷. Таким образом, общество нуждалось в комплексном и по-настоящему научном осмыслении истории нэпа, однако, до конца 80-х гг. исследования нэпа проводились лишь в соответствии с общественно-политическими процессами, в угоду конъюнктуре.

Так как ядром новой экономической политики выступала кооперация, большое внимание в общественной мысли уделялось этой проблеме (Ф. Бурлацкий, Ю. Черниченко, Г.И. Шмелев, В.П. Данилов, Л.Е. Файн, А. Ципко, И.Е. Зеленин, Г. Бордюгов, В. Козлов, В. Липицкий, Ю.А. Мошков, В.А. Тихонов, Р.Х. Аминова и др.)²⁸. Авторы, рассматривая ленинскую концепцию кооперации, указывали на то, что кооперация по мнению вождя, являла собой не просто составную часть, а «сердцевину нэпа, как сердцевину экономической политики строительства и функционирования социализма»²⁹ и призывали к более тщательному ее рассмо-

трению, в связи с тем, что «существует общность подходов к кооперации в начале 20-х гг. и в наше время»³⁰, имея ввиду подготовку и принятие Закона о кооперации и наличие в обществе антикооперативных тенденций.

Однако в конце 1988 г. появились высказывания ряда авторов о том, что у Ленина не было никакого плана кооперации, существовал лишь ряд идей, высказанных им в последних работах (В. Липицкий, Тихонов³¹), поэтому дискуссии в редакции журнала «История СССР» в 1988–1989 гг., а также в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР в начале 1989 г., участниками которой стали видные ученые и публицисты, должна была разрешить сомнения, появившиеся в обществе, по этому вопросу³². В ходе обсуждения ленинских идей о кооперации, были сделаны следующие выводы. «Кооперативная теория Ленина — это детище самого нэпа, она воплотилась в его работе «О кооперации». Подходя с ленинских позиций, мы обязаны рассматривать кооперацию не как некий временный придаток для будущей коллективизации, но как самостоятельную хозяйственную систему, способную на широкое развитие и в главном совпадающую с социализмом»³³. Большинство авторов придерживались мнения, что и торговые формы кооперации, и производственные продемонстрировали в период нэпа большие возможности при восстановлении сельского хозяйства. Посредством кооперации государство регулировало деятельность частного хозяйственного сектора, что способствовало росту товарооборота в сельской местности и развитию государственного кредита, организовывало и объединяло массу мелких производителей и обеспечивало их техникой, повышало общий культурный уровень крестьян.

К концу 20-х гг. кооперация далеко не исчерпала своих возможностей, но с началом массовой коллективизации деятельность кооперативов стала свертываться, произошло огосударствление кооперации, нарушились основные принципы — добровольность, самоуправление, хозрасчет. «Применение чуждых социализму методов не только приходило в противоречие с его целями, но и вело к искажению самих целей. ...Трактовка кооперирования крестьянских хозяйств не как самостоятельной задачи социалистического переустройства общества, ...а как средства для разрешения других задач была принципиальным нарушением ленинского кооперативного плана, повлекшим за собой все другие нарушения и искажения»³⁴. Отсюда следовал основной вывод: «Сталинский вариант коллективизации не был запрограммирован ни социалистической теорией, ни объективными обстоятельствами...»

Необходимо отделить идею коллективного землепользования с его подлинно социалистическим содержанием от коллективизации по-сталински»³⁵. Таким образом, взаимосвязанная исторически и теоретически ленинская кооперация в период нэпа стала рассматриваться в обществе конца 80-х гг. с позиций истинного социализма, а сталинская коллективизация — с позиций его деформации. Кооперация по-ленински стала означать «не только сельскохозяйственную кооперацию во всех ее формах, ...а поголовное кооперирование»,

создание «строая цивилизованных кооператоров», «участие в этом движении всех слоев населения»³⁶. Результатом исследований и дискуссий представителей общественной мысли по проблеме сущности и значения кооперации стала готовность и восприятие обществом экономических преобразований середины 80-х гг., и как итог принятие Закона о кооперации, который соответствовал, по мнению многих, ленинскому плану кооперации начала 20-х гг.

В целом, в первые годы перестройки была проведена значительная работа в изучении сущности и достижений нэпа, главным итогом которой стал идейный раскол среди представителей общественной мысли по вопросу план и (или) рынок. Одни считали, что в период нэпа рыночные отношения в экономике превалировали над государственным регулированием и именно поэтому так показательны успехи нэпа (Л. Воскресенский, Л. Абалкин, Ю. Афанасьев, Л. Пияшева, О. Лацис, В. Лельчук, А. Черниченко, Е. Амбарцумов, Г. Шмелев, Ю. Мошков, Р. Аминова, Ю. Черниченко и др.), другие — что нэп характерен именно сосуществованием и административных, и рыночных методов управления промышленностью и сельским хозяйством (Ф. Бурлацкий, П. Волобуев, П. Кузнецов, В. Сироткин, Ю. Голанд, Л. Файн, Г. Бордюгов, В. Козлов, В. Данилов, В. Тихонов и др.). Но мнения участников дискуссий 1986–1988 гг. совпадали в одном, нэп был насильственно свернут, рыночная система управления позволила в короткие сроки восстановить разрушенное гражданской войной хозяйство, но государственное регулирование командно-административными методами, сохранявшееся в годы новой экономической политики (как считали одни) или, складывающееся (как считали другие), не позволило раскрыть полностью потенциал нэпа.

Дальнейшие исследования ученых, а также отрицательные результаты экономических преобразований конца 80-х – начала 90-х гг. по проведению рыночной реформы позволили шире взглянуть на объективные и закономерные процессы 20–30-х гг., не связанные только лишь с существованием или сосуществованием командно-административных методов управления и рыночных, переосмыслить сущность и достижения новой экономической политики, дать конкретно-исторический анализ этого периода.

В середине 1989 – начале 90-х гг. появился ряд работ, в которых авторы более профессионально подошли к изучению истории 20–30-х гг.³⁷. А в 1994 г. коллективный труд «НЭП: приобретения и потери», вобравший в себя исследования второй половины 89-го – начала 90-х гг. наиболее видных ученых, стал своеобразной сводной историей новой экономической политики. В нем, в частности, в отличие от предыдущего периода (середина 80-х гг.), ряд ученых пришли к выводу о слабой затронутости экономики нэпа рыночными отношениями. Наиболее общие положения были таковы. «Рынок, сложившийся в стране в 20-е гг., был и неразвитым, и деформированным. В его структуре наибольшую роль играл потребительский рынок, хотя и он был крайне узок; отечественные товары, прежде всего промышленные, уступали по качеству даже дореволюционным стандартам, не говоря уже о мировых... Рынок в стране складывался как автаркический, ото-

рванный от мирового хозяйства, со своеобразной системой цен: плановых, твердых, предельных, свободных (договорных) и т.п.», — выяснили С.Н. Лапина, Н.Д. Лелюхина, Е.С. Федоровская³⁸. Масштабность государственного вмешательства была выявлена и в промышленности (Л.А. Неретина, И.А. Исаев)³⁹, и в области финансовой политики (Ю.П. Бокарев)⁴⁰, и в аграрном секторе (Н.Л. Рогалина, В.А. Ильиных, Н.П. Носова, В.В. Кабанов)⁴¹. Многие авторы, ранее оптимистически оценивающие рыночные механизмы управления в период нэпа, теперь пришли к пессимистическим выводам (Л.Е. Файн⁴² и др.). Анализ показал, что, «нэп представлял собой лишь одну из тенденций, один из элементов, причем, периферийных, политики и экономики 20-х гг.»⁴³, «в экономике — это дуалистическая административно-рыночная система: так она осмысливалась партийными лидерами, так обстояли дела на практике»⁴⁴. «Анализ конкретной практики хозяйствования и управления сельским хозяйством (и промышленностью — Ю.С.) в условиях новой экономической политики показывает, что складывание хозяйственного механизма нэпа проходило в борьбе двух тенденций хозяйственного строительства, на основе социально-экономической действительности нэпа или на основе возврата к старой экономической политике. Абсолютизация государственных форм и методов регулирования экономических отношений привела в конце 20-х гг. к созданию чисто административной системы регулирования»⁴⁵. И хотя сами исследователи не делают такого вывода, из всего хода их анализа следует, что «поворот 1929 г.» был закономерным шагом на пути постепенной трансформации дуалистической нэповской модели в преимущественно административную экономическую модель 30-х гг.

Кроме того, работы авторов начала 90-х гг. не свидетельствовали о выдающихся успехах и достижениях в период нэпа по абсолютным показателям промышленного и аграрного производства СССР уровня 1913 г. По данным Р.У. Дэвиса, в последний год нэпа 1926–1927, разница в выпуске продукции на душу населения в Советском Союзе и развитых индустриальных странах была такой же большой, как и в 1913 г. Подобно советской промышленности, французская и немецкая промышленность восстановили довоенный уровень к 1926–1927 гг., а продукция США намного превысила этот уровень⁴⁶. Неоднократно также приводились в литературе данные об увеличении в 1928 г., по сравнению с 1913 г., степени отсталости советской промышленности⁴⁷. Иными словами, к концу 20-х гг. потенциальные возможности нэпа были исчерпаны, хотя перспективы экономического роста на его основе оставались. Но, думается, этот рост был бы крайне недостаточным для уменьшения степени отставания советской экономики от передовых западных стран, что в условиях нарастания на протяжении 30-х гг. угрозы новой мировой войны делало крайне проблематичным сохранение Советского Союза в качестве субъекта мировой политики.

Таким образом, анализ эволюции общественной мысли по проблемам нэпа показывает, что с 1985 по 1991 гг. поиск ответов на вопросы: что представляла собой новая экономическая политика 20-х гг., каковы были ее реальные ре-

зультаты и перспективы — проходил по пути от вненаучного, субъективного, эмоционально-поверхностного восприятия, идеализации экономической дее-способности и реальных результатов новой экономической политики, к научному анализу профессионалов-историков и объективной оценке результатов и перспектив, свидетельствующей о далеко не идеальной модели 20-х гг., имеющей свои противоречия и тупики.

Обращение к истории нэпа, поиск альтернатив 20-х гг. был следствием поиска альтернативы развития в годы перестройки. Анализ исследований, проводимых дискуссий показал, что этот поиск был актуален и своевременен, так как проведение в жизнь экономических реформ в области управления «сверху» требовал теоретической основы и восприятия их обществом «снизу», а для этого необходимо было обосновать правильность проводимых преобразований, их историческую закономерность и обусловленность. Деятельность представителей общественной мысли составляла один из элементов идеологической обработки, необходимой для этого.

В результате обществом «практически без сопротивления» были приняты хозрасчет, денежная реформа, введение индивидуальной трудовой деятельности, принятие Закона о кооперации и другие экономические преобразования; была подготовлена мощная платформа для выбора обществом конца 80-х – начала 90-х гг. либерально-демократического вектора движения, с одной стороны, и идейного внутриобщественного раскола, с другой. Этот выбор (основа — модель рыночной экономики) во многом соответствующий нэпу, и дальнейшие научные поиски показали ошибочность представлений об этом периоде, как «экономически процветающем рыночном рае». Множество разногласий и неточностей в определении сущности нэпа, его истоков и противоречий, отсутствие обобщающих конкретно-исторических исследований, субъективно-эмоциональная трактовка исторических событий 20-х гг. привели к однобокому пониманию обществом конца 80-х – начала 90-х гг. этого периода, по многим вопросам ввели в заблуждение, заставляя сомневаться в истинности новых концепций. А попытка проведения экономической реформы с элементами нэпа имела отрицательные результаты: обращение к принципам продналога во взаимоотношениях города с деревней при господстве колхозно-совхозной системы, а не мелких собственников; кооперирование при отсутствии необходимой социально-экономической среды; самофинансирование и хозрасчет без учета современной инфраструктуры.

Несмотря на то, что положительным результатом стал огромный общественный интерес к периоду нэпа, и историческая наука с этого времени получила новый импульс развития и новые возможности, стала как никогда востребованной обществом, были разрушены ложные догматические постулаты, исследованы новые, ранее не известные исторические источники, — все-таки, воздействие общественного мнения на профессиональную историю середины 80-х гг. было во многом негативным. Как отмечали участники совместного «круглого стола» советских и американских историков 1989 г. «Прежде всего это давление в направ-

лении упрощения истории, простого переписывания того, что было раньше. Черное становится белым, и наоборот. ... Другая опасность общественного давления в том, что оно заставляет историков больше исходить из позиций морали, иногда в ущерб профессионализму»⁴⁸. Вместе с тем, именно так — в недрах дискуссий и противоречий, путем отрицания, искажения, совершения ошибок и происходил тогда научный поиск правды о столь сложном историческом периоде.

Ju.V. Smirnova

Origin and Essence of NEP in Public Mentality in the Period of Perestroika of 1985 to 1991

The author analyses views and concepts of scientists and intellectuals regarding the origin and essence of New Economic Policy (or *NEP*) in the period of Perestroika (1985 to 1991). The emphasis is made on essays of those publicists whose views enjoyed wide media exposure and invoked more public protest. The author's conclusions reflect distinctive features and the level of public sentiment during the Perestroika in the process of changes in social mentality and preparing for liberal and democratic reforms of the socialist system in the end of 80 es – beginning of 90 es of the XX century.

Keywords: New Economic Policy (*NEP*); Perestroika.

Примечания (Endnotes)

¹ Интеллигенция в социальных процессах современного общества / Отв. ред. В.А. Мансуров, Л.А. Семенова. – М.: РАН. Ин-т социол., 1992. – С. 55.

² *Горинов М. М.* Советская история 1920–1930-х годов: от мифов к реальности / М.М. Горинов // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 239.

³ *Горинов М. М.* НЭП: поиски путей развития / М.М. Горинов. – М.: Знание, 1990. – С. 4.

⁴ Коммунист. – 1986. – № 4. – С. 28.

⁵ См.: *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля. – С. 2.

⁶ *Данилов В. П.* 20-е годы: нэп и борьба альтернатив / Советский Союз в 20-е годы. Круглый стол / В.П. Данилов // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 4.

⁷ *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля; *Черниченко А.* Кнут и пряник / А. Черниченко // Дружба народов. – 1989. – № 5. – С. 204.

⁸ См.: *Берхин И. Б.* О продналоге. Некоторые вопросы истории и историографии / И.Б. Берхин // Вопросы истории КПСС. – 1986. – № 10. – С. 107–110; *Deutscher J.* The Prophet Armd. Trotsky: 1879–1921 / J. Deutscher. – Oxford University Press, 1987. – P. 496–498; *Данилов В. П.* НЭП и его судьба / В.П. Данилов // Историки спорят. Тринадцать бесед: Сб. ст. – М.: Политиздат, 1988. – С. 124–125; *Павлюченко С.* С чего начинался НЭП / С. Павлюченко // Неделя. – 1989. – № 15. – С. 8; *Наумов В.* НЭП: Суть. Опыт. Уроки / В. Наумов, Л. Курин // Урок дает история: Сб. ст. – М.: Политиздат, 1989. – С. 99; *Дмитренко В. П.* «Военный коммунизм», НЭП // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 4.

⁹ *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля; *Афанасьев Ю.* Перестройка и историческое знание / Ю. Афанасьев // Литературная Россия. – 1988. – 17 июня; *Кузнецов П.* Вопросы историку / П. Кузнецов // Правда. – 1988. – 25 июня; *Шмелев Г.* Не смей командовать! / Г. Шмелев // Октябрь. – 1988. –

№ 2. – С. 3–27.; *Абалкин Л.* Опираясь на уроки прошлого / Л. Абалкин // Коммунист. – 1987. – № 16. – С. 9–18.

¹⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 182.

¹¹ *Лацис О. Р.* Выйти из квадрата: Заметки экономиста / О.Р. Лацис. – М.: Политиздат, 1989. – С. 138.

¹² *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля; *Филимонов В. Я.* Регулирование Советским государством отношений между городом и деревней: торговля, налог, кредит (1921–1925 гг.) / В.Я. Филимонов // Вопросы истории. – 1985. – № 12. – С. 34–51.; *Маневич В. В.* Ленин о финансовой и кредитно-денежной политике Советской власти / В. Маневич // Вопросы экономики. – 1985. – № 4. – С. 51.; Он же. Кредитно-финансовая система нэпа и кредитная реформа 1930 г. / В. Маневич // Вопросы экономики. – 1988. – № 7. – С. 62–72; *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений / В.П. Дмитренко. – М.: Наука, 1986. – С. 252; *Белова В.* Ленинский курс на использование товарно-денежных отношений в строительстве социализма / В. Белова // Экономические науки. – 1987. – № 4. – С. 20–27; *Черниченко А.* Кнут и пряник / А. Черниченко // Дружба народов. – 1989. – № 5. – С. 200–235; *Сироткин В.* От гражданской войны к гражданскому миру / В. Сироткин // Иного не дано: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1988. – С. 370–392; Он же. Уроки НЭПа / В. Сироткин // Известия. – 1989. – 10 марта.

¹³ *Свищев М. А.* Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе / М.А. Свищев // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 7–10.

¹⁴ *Селюнин В.* Истоки / В. Селюнин // Новый мир. – 1988. – № 5. – С. 171.

¹⁵ *Лацис О.* Проблема темпов в социалистическом строительстве / О. Лацис // Коммунист. – 1987. – № 18. – С. 18.

¹⁶ *Лисичкин Г.* Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? / Г. Лисичкин // Новый мир. – 1988. – № 11. – С. 164.

¹⁷ *Борисов Ю. С.* Эти трудные 20–30-е годы / Ю.С. Борисов // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди: Сб. ст. – М.: Политиздат, 1989. – С. 121–157; Там же: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты. – С. 157–173; Там же: *Лельчук В. С.* Курс на индустриализацию и его осуществление. – С. 173–228; Он же. Выбор путей и методов строительства социализма / В.С. Лельчук // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 13–21; *Наумов В.* НЭП: Суть. Опыт. Уроки / В. Наумов, Л. Курин // Урок дает история. – М.: Политиздат, 1989. – С. 102–104.

¹⁸ *Маневич В.* Проблемы теории кредита и денежного обращения в литературе конца 20-х – начала 30-х гг. / В. Маневич // Экономические науки. – 1985. – № 11. – С. 77; Он же. В.И. Ленин о финансовой и кредитно-денежной политике Советской власти / В. Маневич // Вопросы экономики. – 1985. – № 4. – С. 51; Он же. Ликвидация нэпа и дальнейшая эволюция кредитно-финансовой системы / В. Маневич // Экономика и организация производственного предприятия. – 1988. – № 10. – С. 142–156; Он же. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основы концепции) / В. Маневич // Вопросы экономики. – 1989. – № 10. – С. 46–75; Обсуждение доклада В.Е. Маневича // Вопросы экономики. – 1989. – № 10. – С. 57; *Евдокимов В.* Экономическая концепция Г.Я. Сокольников / В. Евдокимов // Вопросы экономики. – 1989. – № 11. – С. 76; *Мау В.* Бюрократизм и плановое хозяйство: исследование первого послереволюционного десятилетия / В. Мау // Вопросы экономики. – 1989. – № 12. – С. 75; *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений / В.П. Дмитренко. – М., 1986. – 252 с.; *Сироткин В.* Уроки нэпа / В. Сироткин // Известия. – 1989. – 10–11 марта; *Голанд Ю.* Что предшествовало «великому перелому» 1929 г. / Ю. Голанд // Политическое обозрение. – 1989. – № 8. – С. 74–79; Экономика и политика в уроках «великого перелома». Круглый стол // Коммунист. – 1989. – № 5. – С. 96–105; *Пишиева Л.*

Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению / Л. Пияшева // Дружба народов. – 1988. – № 7. – С. 179.

¹⁹ *Струмилин С. Г.* Цели нэпа / С.Г. Струмилин, В.А. Базаров // Экономика и организация промышленного производства. – 1989. – № 5. – С. 23–26.

²⁰ Юность. – 1987. – № 4. – С. 6–11.

²¹ Неделя. – 1989. – № 22. – С. 5–9.

²² *Сироткин В.* Уроки НЭПа / В. Сироткин // Известия. – 1989. – 10 марта.

²³ *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля.

²⁴ *Воскресенский Л.* На пути к социалистическому рынку / Л. Воскресенский // Московские новости. – 1986. – № 48. – С. 12.

²⁵ Отечественная история в современной публицистике. Встреча за «круглым столом» // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 177.

²⁶ *Дмитренко В. П.* Сущность нэпа, диалектика его развития / В.П. Дмитренко // Историко-спорят. Тринадцать бесед: Сб. ст. – М.: Политиздат, 1988. – С. 147–148.

²⁷ *Гефтер М. Я.* Сталин умер вчера... / М.Я. Гефтер // Рабочий класс и современный мир. – 1988. – № 1. – С. 115.

²⁸ *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1989. – 16 апреля; *Шмелев Г. И.* Не смей командовать / Г.И. Шмелев // Октябрь. – 1988. – № 2. – С. 3–27; *Ципко А.* Возможности и резервы кооперации / А. Ципко // СОЦИС. – 1986. – № 2. – С. 47–59; *Данилов В.* Октябрь и аграрная политика партии / В. Данилов // Коммунист. – 1987. – № 16. – С. 28–38; *Файн Л. Е.* Развитие кооперативной формы социалистической собственности в СССР / Л.Е. Файн // Вопросы истории. – 1987. – № 5. – С. 3–21; Он же. Глубоко осмыслить ленинскую концепцию кооперации / Л.Е. Файн // Советский Союз в 20-е годы. Круглый стол // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 41–44; *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1989. – № 2. – С. 3–19; *Липицкий В.* Кооперация: ленинский замысел и воплощение / В. Липицкий // Коммунист. – 1988. – № 16. – С. 15–22; *Бордюгов Г.* Время трудных вопросов. (История 20–30-х годов и современная общественная мысль) / Г. Бордюгов, В. Козлов // Урок дает история: Сб. ст. – М.: Политиздат, 1989. – С. 232–268.

²⁹ *Файн Л. Е.* Глубоко осмыслить ленинскую концепцию кооперации / Л.Е. Файн // Советский Союз в 20-е годы. Круглый стол // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 42.

³⁰ Там же.

³¹ См.: *Липицкий В.* Кооперация: ленинский замысел и воплощение / В. Липицкий // Коммунист. – 1988. – № 16. – С. 15–22; *Тихонов В. А.* Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» / В.А. Тихонов // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 20.

³² См.: «Круглый стол»: Советский Союз в 20–30-е годы // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 3–59; № 12. – С. 3–31; Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 3–63; «Не смей командовать!» // Знание — сила. – 1989. – № 3. – С. 1–9.

³³ *Фигуровская Н.* Не смей командовать. Семинар в отделе научного коммунизма ИНИОН АН СССР / Н. Фигуровская // Знание — сила. – 1989. – № 3. – С. 4; *Данилов В.* Октябрь и аграрная политика партии / В. Данилов // Коммунист. – 1987. – С. 37; Он же. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» / В. Данилов // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 16, 23, 61.

³⁴ *Данилов В. П.* Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» / В.П. Данилов // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 16.

³⁵ Там же.

³⁶ *Бурлацкий Ф.* Ленин и стратегия крутого перелома / Ф. Бурлацкий // Литературная газета. – 1986. – 16 апреля.

³⁷ *Бокарев Ю. П.* Социалистическая промышленность и мелкое хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М.: Наука, 1989. – 310 с.; *Горинов М. М.* НЭП: поиски модели развития / М.М. Горинов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.; *Горинов М. М.* Ленинская концепция нэпа: становление и развитие / М.М. Горинов, С.В. Цакунов // Вопросы истории. – 1990. – № 11. – С. 20–39; *Голанд Ю. М.* Кризисы, разрушившие нэп / Ю.М. Голанд. – М.: МНИИПУ, 1991. – 94 с.; *Бордюгов Г. А.* История и конъюктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.; *Мау В. А.* Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма / В.А. Мау. – М.: Дело, 1993. – 256 с.

³⁸ *Лапина С. Н.* Государственная собственность и рынок: опыт нэпа / С.Н. Лапина, Н.Д. Лелюхина, Е.С. Федоровская // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С. 73–74.

³⁹ Там же. *Неретина Л. А.* Реорганизация государственной промышленности в 1921–1925 гг.: принципы и тенденции развития. *Исаев И. А.* НЭп: рыночная перспектива. – С. 75–87.

⁴⁰ Там же. *Бокарев Ю. П.* Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка. – С. 113–120.

⁴¹ Там же. *Рогалина Н. Л.* Новая экономическая политика и крестьянство. – С. 139–150; *Ильиных В. А.* Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.). – С. 164–175; *Носова Н. П.* НЭп: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) – С. 150–164; *Кабанов В. В.* Пути и бездорожья аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. – 1993. – № 5. – С. 53–57.

⁴² *Файн Л. Е.* Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. – 1994. – № 9. – С. 35–48.

⁴³ *Дмитренко В. П.* Четыре измерения нэпа / В.П. Дмитренко // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С. 174.

⁴⁴ Там же. *Горинов М. М.* Альтернатива Г.Я. Сокольникова. – С. 120.

⁴⁵ Там же. *Носова Н. П.* НЭп: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования). – С. 162.

⁴⁶ *Дэвис Р.* Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы / Р. Дэвис // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Политиздат, 1994. – С. 311–319.

⁴⁷ См.: *Горинов М. М.* История России. – Ч. III. XX век: выбор модели общественного развития / М.М. Горинов, А.А. Данилов, В.П. Дмитренко. – М.: Просвещение, 1994. – С. 66–87.

⁴⁸ *Фицпатрик Ш.* «Круглый стол» советских и американских историков / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 101–102.

Е.В. Лобанова

Советско-французские дипломатические отношения в 20-е годы XX в. и проблемы нового кредитования России

Статья посвящена проблеме нового кредитования Советской России иностранными державами, в частности, Францией. Большое внимание уделено автором анализу деятельности советского дипломата Христиана Раковского. В качестве источников автор использовала материалы французской и советской прессы, а также некоторые документы внешней политики СССР 20-х гг.

Ключевые слова: советско-французские дипломатические отношения; кредитование России; Христиан Раковский; внешняя политика.

После революционных событий и образования нового государства в России Европа оказалась перед выбором: признать Россию и восстановить нарушенные финансовые отношения в Европе или держать ее в изоляции. Очень скоро стало ясно, что последнее неблагоприятным образом скажется на экономике не только Европы, но и Америки. Чтобы вновь включить Россию в экономические отношения, необходимо было предоставить ей кредиты на восстановление разрушенной экономики. Однако за царской Россией оставался значительный долг, только согласие на его выплату открывало возможности для нового кредитования. Основным кредитором царской России была Франция. Первый крупный заем во Франции под продажу облигаций мелким покупателям был сделан еще при Александре III в 1888 г. и составил 8 млрд. золотых франков. В 90-е гг. последовало еще несколько займов. Крупный 5% заем на сумму почти $2\frac{1}{4}$ млрд. франков, использованный, в основном, на борьбу с революцией и ликвидацию последствий русско-японской войны, был взят у Франции в 1906 г. Французская сторона высказывала некоторые опасения по поводу роста имперского долга, но лидерство политических интересов не давало возможности для отказа. Преимущественно интересами франко-русского союза был продиктован и 4% заем 1909 г., договор по которому был заключен в период опасного обострения обстановки в Европе, приведшего к Первой мировой войне. Предоставление кредитов не могло быть объяснено только соображениями финансовой выгоды, налицо были ярко выраженные политические мотивы. Хотя значительная доля средств пошла на железнодорожное строительство, большая часть внешних имперских займов была израсходована на войны и вооружения.

В погашении имперского довоенного долга Франции были заинтересованы, в основном, частные французские граждане — держатели облигаций государственных и гарантированных правительством займов. Несмотря на то, что декретом от 28 января (10 февраля) 1918 г. аннулировались все иностранные займы, советское правительство не один раз заявляло о готовности обсудить претензии «бывших» кредиторов России, и прежде всего мелких держателей облигаций русских займов. Согласие Совнаркома «признать за собой обязательства... по государственным займам, заключенным до 1914 года, содержалось в ноте Народно-Комиссариата по иностранным делам от 27 октября 1921 года»¹.

Послевоенный экономический кризис 1920–1921 гг. особенно убедительно продемонстрировал необходимость возвращения России в качестве крупного покупателя иностранной продукции и поставщика сырья². Русская экономическая жизнь была ослаблена войной и революцией, покупательская способность России на внешних рынках была почти уничтожена, от чего страдала промышленность этих стран. Большие запасы сырья и продовольствия, которыми обладала Россия, стали недоступны промышленным странам Запада. Вопрос осложнился еще и тем обстоятельством, что коммунистический строй в корне разрушил экономическую систему, построенную на правах частной собственности, отвергнув те основания, на которых покоилась система международного кредитования и торговых отношений между капиталистическими странами. Россия оказалась в изоляции от остального мира. И все же вывод становился очевидным: быстрое восстановление России — важное условие восстановления промышленности Западной Европы³. На самом деле вопрос стоял еще шире. Способность Франции платить по ее обязательствам Англии и Соединенным Штатам зависела от способности России платить свои долги Франции. Экономическое оздоровление России становилось элементом будущего развития американской внешней торговли не только с Россией, но и с другими европейскими странами, торговля которых оживилась бы с восстановлением России. В связи с этим, всеми было признано, что России должны быть предоставлены новые займы⁴. Однако предоставлению кредитов должно было предшествовать признание Россией всех долговых обязательств и возвращение собственникам национализированного имущества.

Фактически Генуэзская и Гагская конференции стали попытками снова интегрировать Россию в систему европейских торговых отношений. Однако политические амбиции сторон оказались сильнее соображений экономической целесообразности. Россия не могла поступиться теми принципами, на которых воздвигался новый общественный строй, отрицающий частную собственность: о возврате национализированной собственности не могло быть и речи. В соответствии с принципами рабоче-крестьянского государства, исключение делалось для мелких держателей облигаций русских займов, перед которыми открывалась перспектива возмещения убытков. Французским капиталистам вместо возврата собственности предлагалось под контролем новой власти получить доступ на русский рынок, участвовать в эксплуатации природных богатств России, получать

прибыли от концессий, промышленных доходов. Непременным условием таких обязательств должно было стать предоставление новых кредитов.

Непримиримое отношение к России было тесно связано с приходом во Франции к власти лидеров правого «Национального блока», представлявшего интересы финансовой верхушки крупного промышленного капитала, владельцев национализированных на территории России предприятий, крупных держателей облигаций старых русских займов. Среди них были известные банки «Сосьете Женераль», «Юнион Паризьен», «Банк де Пари э де Пеи Ба», финансово-промышленная группа Шнейдер-Крезе и другие. Министр иностранных дел Луи Барту заявил в Генуе: «Как можно ожидать, чтобы кто-либо вложил новый капитал в Россию, не будучи уверен в судьбе капитала, вложенного ранее». Препятствия, воздвигнутые между двумя принципиально разными общественными системами, казались непреодолимыми. «Известия» отмечали: «Речь шла о том, чтобы согласовать интересы двух государств, обладающих различными социальными организациями: государств социалистического и капиталистического...»⁵. Для Франции изоляция России оброчивалась потерей русского рынка. Россия также оставалась в проигрыше, не получив политического признания и новых кредитов, она была неспособна платить по счетам. Круг замыкался. Обе стороны осознавали неизбежность экономического сближения. 31 октября 1922 г. министр торговли Франции предложил назначить директора торгового офиса по делам России постоянным представителем всех французских торговых палат в Москве⁶. 20 октября 1922 г. был создан франко-русский офис, целью которого было получение взаимной торговой информации. В Париже возникло «общество франко-русских предприятий» с капиталом в 1 млн. франков. В марте 1923 г. на Лионской ярмарке был открыт советский павильон. Учитывая реальные выгоды для французской экономики, правительство «Национального блока», возглавляемого Пуанкаре, в начале 1923 г. решило не препятствовать Советскому Государственному Банку иметь счета во французских кредитных учреждениях и не мешать торговым сделкам между Советской Россией и Францией. Понимая реальную выгоду, торгово-промышленные круги предпринимали решительные шаги к политическому сближению, опасаясь конкуренции со стороны других европейских держав. «Если мы не изберем этот путь [нормализации советско-французских отношений], — предостерегала «L'Information», газета деловых кругов, — то наши огромные интересы в России будут стремительно поглощены другими иностранцами, совершенно не теряющими времени»⁷.

Политическая обстановка изменилась к лучшему после поражения в мае 1924 г. «Национального блока» и победы «Левого блока», возглавляемого Эдуардом Эррио, лидером партии радикал-социалистов. После признания СССР Французской Республикой де-юре, было решено начать переговоры по спорным вопросам. Весной и летом 1925 г. в Париже работали финансовые эксперты обоих государств. Пока речь шла об установлении остатков бывших

имперских довоенных займов, сохранившихся у французских граждан. Французские эксперты установили цифру в $10\frac{1}{2}$ млрд. франков, советские считали 9 млрд. франков предельной цифрой. Л.Б. Красин предложил председателю комиссии по долгам Дальбьезу уплатить миллиард золотых рублей, то есть 25% общей суммы царских долгов⁸. Согласие платить связывалось с получением кредитов. Однако соглашение не состоялось, так как трудно было прийти к определенному соглашению по такому важному «активу» Франции, как бывший имперский долг, не зная размеров французских обязательств в Америке и Великобритании (предстояли переговоры). «В этом пункте и в этот исторический момент связь всех элементов международной задолженности сказалась во всей своей объективной силе и очевидности»⁹.

В ноябре – декабре 1925 г. в Париж прибыл Г.В. Чичерин. Была установлена процедура будущих переговоров, призванных рассмотреть состояние политических отношений, проблему новых кредитов и долгов, возможность заключения торгового договора¹⁰. Своим визитом Г.В. Чичерин подчеркивал важность назначения новым послом и руководителем переговоров Христиана Раковского, на которого в Москве возлагали большие надежды. Новый посол долго жил во Франции, имел там друзей, с легкостью говорил на нескольких языках, давал интервью и выступал со статьями в таких известных изданиях, как журнал «L'Europe nouvelle», в газетах «Пари-Суар», «Эвр», «Пти паризьен». Ему было явно свойственно более тонкое понимание ситуации, чем его предшественнику Л.Б. Красину. «Проблема франко-русского сближения — это проблема психологии, — писал Х. Раковский, — мне кажется, психологию Франции я знаю, теперь посмотрим, удастся ли мне добиться, чтобы поняли психологию нашей страны, которую здесь совершенно не знают»¹¹. Раковский вел тонкую дипломатическую игру, оказывая давление одновременно на французских политических руководителей, а также на финансистов и промышленников. Как только ход переговоров замедлялся, Раковский, используя свои журналистские связи, удачно создавал впечатление, что некоторые банковские объединения готовы предоставить России кредиты. С самого начала переговоров Раковский твердо обозначил советскую линию поведения, заявив, что «ключом к вопросу о долгах Советское правительство считает финансовую помощь и долгосрочные кредиты»¹².

Вопрос о предоставлении кредитов широко обсуждался и другими западными державами, таким как Великобритания и США, должником которых была Франция. С одной стороны, действовало неофициальное соглашение между крупнейшими западными банками об отказе Советской России в каких бы то ни было кредитах. С другой, — реально существовал торговый обмен, зачастую на кредитной основе, и выгода от возобновившейся возможности использования русского рынка рождала мнение иного рода. Так, английская газета «Таймс» в августе 1925 г. утверждала, что ущерб от потери русского рынка значителен для британской промышленности, виной тому — противодействие расширению кредитов на сделки с Россией со стороны правительства в союзе с промышленниками

и банками¹³. Парижская газета «Paris-Soir» также опубликовала статью, в которой подчеркивалась необходимость предоставления кредитов советским торговым организациям. Тогда при правильной постановке дела продукция французской промышленности смогла бы успешно конкурировать с товарами, изготовленными в Англии, Америке, Швейцарии¹⁴. Однако в реальной ситуации решение кредитного вопроса оставалось весьма сложным. Финансовая нестабильность, острая политическая борьба, долги Франции другим державам создавали объективные трудности для нового кредитования России. Шансы на успех предстоящей конференции оценивались французской стороной очень сдержанно, так как кредитная проблема прочно увязывалась с долговой. Москва же более оптимистично смотрела на переговоры. Раковский считал, что личные отношения, поддерживаемые им с кругами, близкими к французскому правительству, помогут успешно завершить конференцию. «Базой для предстоящих переговоров, — писал он, — должен явиться не спорный вопрос, каким является вопрос о долгах, а бесспорные общие интересы, одинаково ощущаемые обеими сторонами»¹⁵.

Франко-советская конференция начала свою работу 25 февраля 1926 г. Переговоры продвигались вперед медленно, хотя их позитивный характер вселял надежду на успех. Несомненно, значительную роль в этом играли как личные контакты Раковского с представителями французской стороны и его дипломатический талант, так и объективное желание «левого блока» — главы французского правительства Аристида Бриана, сенатора де Монзи, министра финансов Жозефа Кайо — прийти, наконец, к соглашению. К июню 1926 г. проект финансового соглашения Советской России и Франции выглядел следующим образом. Царские довоенные долги должны были выплачиваться в течение 62 лет ежегодными взносами по 40 млн. золотых франков, но при трех условиях. Первым было снижение общей суммы долгов на 25%, что соответствовало уменьшению российской территории после войны. Вторым условием являлось предоставление частичного моратория с тем, чтобы выплаты начались с конца третьего года. Третьим — и главным — условием было решение проблемы кредитов. Министр финансов Кайо считал, что о последнем возможно будет договориться, если Советское правительство предоставит в качестве гарантий свою нефть¹⁶. Получив более дешевую, по сравнению с американской, российскую нефть, Франция могла бы освободиться от диктата английских и американских нефтяных компаний. В проекте финансового соглашения предполагалось в течение трех лет (то есть до 1929 г.) предоставить СССР кредиты на сумму 225 млн. американских долларов, из которых 75 млн. — чистой валютой, а 150 млн. — под заказы на размещение во Франции оборудования для строящихся в Советской России металлургических, электротехнических, химических, бумажных, текстильных, горных и пищевых предприятий¹⁷. Для России такое финансовое соглашение имело огромную ценность. В случае успеха оно могло привлечь к заключению подобных соглашений другие западные страны. Кроме того, соглашение с Францией решало проблемы поставок иностранного оборудования для индустриализации страны.

Однако конкретного ответа на кредитные предложения французы не давали. Это вызывало недовольство Советского правительства, возложившего ответственность за промедление решения вопроса на Христиана Раковского. На самом деле советской и французской сторонам в первый раз за многие годы удалось найти компромиссы и по проблемам кредита, и по вопросам царского долга. 16 июля 1926 г. газета «Волонте» выразила надежду, что соглашение будет достигнуто, подчеркивая «разумную настойчивость такого сильного участника переговоров, как Раковский»¹⁸.

Политическая ситуация складывалась благоприятно. 17 июля правительство Бриана – Кайо было смещено, к власти пришел новый кабинет Эдуарда Эррио, министром финансов был назначен де Монзи, с которым Раковский имел прекрасный контакт. Новый министр готов был ратифицировать проект урегулирования финансовых проблем. Однако соглашение ждала новая неудача. 21 июля 1926 г. к власти вернулся Р.Пуанкаре, выражавший интересы «Национального единения» — Союза правых буржуазных партий. Он совмещал две роли: премьер-министра и министра финансов. Пуанкаре сразу взял под контроль переговоры, заняв по сравнению с «левыми» более жесткую позицию. Политическая ситуация, осложнившаяся политическим разрывом между Лондоном и Москвой, вынуждала советскую сторону идти на уступки. СССР пришлось урегулировать проблему царских долгов, обещая выплатить Франции шестьдесят два годовых взноса в размере 60 млн. золотых франков каждый (Советский меморандум от 25 марта 1927 г.). Французская сторона согласилась рекомендовать правительству предоставить России заем. Весной 1927 г. называлась цифра в 225 млн. долларов. Одновременно было заявлено, что рассмотрение проблемы кредитов возможно только после решения долговой проблемы. Так как ситуация не менялась, в апреле 1927 г. Раковский предпринял попытку дойти до мелких держателей ценных бумаг «через голову» французского правительства, опубликовав результаты переговоров в газетах «Эвр», «Пти паризьен», «Юманите»¹⁹. Этим он хотел показать, что зло исходит не от Москвы, а от Парижа. Но его шаги не дали желаемых результатов. В конце июля 1927 г. де Монзи вынужден был официально сообщить Раковскому о позиции Пуанкаре, который возобновлял обсуждение вопроса о национализированном в России французском имуществе и проблему военных долгов. В вопросе о новом кредитовании Пуанкаре вернулся к бескомпромиссной отрицательной позиции.

В Москве также шла острейшая политическая борьба, касавшаяся программы действий Советского правительства и методов, используемых для достижения целей. Образовались два непримиримых лагеря Сталина и Троцкого.левой оппозиции была близка идея строить социализм через НЭП при широких связях с Западом. Для научно обоснованной, опирающейся на хозрасчет индустриализации был необходим крупный, в данном случае, французский заем. Основной же идеей Сталина было удержаться у власти, создав атмосферу «осажденной крепости», изоляции СССР от Запада²⁰. «Ему (Сталину)

меньше всего нужны были кредиты, — писал Троцкий Раковскому, — ему надо было любой ценой, даже путем предательства государственных интересов, дискредитировать «троцкизм» и «троцкистов».

Последний решительный шаг был сделан Раковским 21 сентября 1927 г. Он сократил сумму кредитов, так необходимых в этот момент Советской России, с 225 млн. до 120 млн. долларов, соглашаясь при этом на погашение долга в виде 61 годового взноса по 60 млн. золотых франков. Гарантией становилось обязательство депонировать в одном из банков Франции в качестве предварительного взноса 30 млн. золотых франков, которые могут выплачиваться держателям сразу после ратификации соглашения о долгах и кредитах²¹. Чувствуя возможный успех переговоров троцкиста Раковского, Сталин переворачивает ситуацию «с ног на голову». В «Известиях» публикуются секретные материалы переговоров за 1924–1927 гг., которые, фактически, дезавуируют полпреда. Они сопровождаются комментариями о том, что троцкист № 2 Раковский продает французским империалистам первое в мире пролетарское государство²². Таким образом, создается прекрасная база в России для срыва переговоров. Во Франции, в свою очередь, созревает скандал между партнерами по переговорам. Противники советско-французского урегулирования объявляют правительство Франции «двуличным», «продавшимся большевикам». Обстановка во Франции обостряется еще одним обстоятельством. 22 сентября в журнале «Эроп Нувель» при содействии Раковского также публикуются материалы переговоров²³. Выражая готовность депонировать 30 млн. франков и соглашаясь на сокращенный вдвое кредит, советская сторона делает попытку воздействовать на мелких держателей «через голову» французского правительства, давая им понять, что долговая проблема вполне разрешима с советской стороны. Такой метод воздействия на держателей ценных бумаг, естественно, не понравился Пуанкаре. Кроме того, его возмущала параллельная революционная деятельность Раковского, подписавшего декларацию троцкистской оппозиции. В ней содержались призывы к «каждому честному пролетарию капиталистических стран бороться за поражение своего правительства», каждому иностранному солдату предлагалось переходить на сторону Красной Армии²⁴. Такие призывы к восстанию вкупе с обращением к мелким держателям русских ценных бумаг расценивались Пуанкаре как прямое вмешательство во внутреннюю политическую жизнь страны. И такие призывы были подписаны послом!

Кампания по высылке Раковского из Парижа разворачивалась все сильнее во второй половине сентября – начале октября 1927 г. Несколько французским газетам было заплачено за то, чтобы они добивались изгнания советского посла из Франции²⁵. Кампания против «слишком предприимчивого посла» умело подогревалась и англосаксонскими нефтяными магнатами, опасавшимися постоянных предложений советской стороны гарантом выплат считать русскую нефть. Правые французские газеты, в основном, возмущались его «коммунистической пропагандой», «антифранцузской деятельностью», «призывами к дезертирству»²⁶. Левая пресса протестовала.

Конечно, вопрос высылки Раковского был лишь частью большой проблемы сохранения или разрыва дипломатических отношений с СССР. Кредиты и долги играли здесь одну из основных ролей в ориентации тех или иных сил. За разрыв дипломатических отношений выступали, прежде всего, французские монополии, тесно связанные с англо-американскими нефтяными трестами. В числе основных можно назвать крупного французского финансиста Франсуа Марсаля, имевшего тесные деловые контакты с сэром Генри Детердингом, президентом компании «Ройал Датч Шелл». Их не привлекала перспектива появления на арене франко-советских торговых отношений дешевой русской нефти. Поддерживая в прессе кампанию за высылку Раковского, они тем самым способствовали срыву соглашения о новых кредитах. За разрыв франко-советских отношений выступали такие крупные газеты, как «Журналь де Деба», «Ордр». Эти газеты контролировало крупнейшее объединение французской металлургии «Комите де Форж». К тому же лагерю примыкали «Юньон дезэнтере экономик» (Союз французских промышленников) и его печатный орган газета «Авенир», миллионер-парфюмер Коти и его газета «Фигаро», «Католическая лига» и ее газета «Эко де Пари». В то же время 1,5 млн. держателей облигаций русских займов не были заинтересованы ни в разрыве отношений с СССР, ни в прекращении переговоров о долгах, особенно в обстановке, когда советская сторона пошла на значительные уступки, и информация о переговорах стала достоянием гласности²⁷. Редакции французских газет получали многочисленные письма от держателей русских ценных бумаг, требующих принятия советских условий. Однако спасти ситуацию оказалось невозможно. Раковский был выслан, а соглашение о новых кредитах было сорвано.

Почему же проблема так и не была решена? В истории советской дипломатии вина традиционно возлагалась на западных партнеров. Отчасти с этим можно согласиться, так как правый блок «Национального единения» Пуанкаре занял значительно более жесткую позицию, чем «левый картель» Эдуарда Эррио. Всплыли прежние вопросы о военных долгах и национализированном большевиками имуществе, что сразу переводило переговоры с практических позиций на рельсы давних теоретических разногласий. И хотя правый кабинет Пуанкаре после разрыва дипломатических отношений между Англией и СССР заявил о своей самостоятельной «русской политике», продолжать переговоры стало значительно труднее.

С другой стороны, Советский Союз, несмотря на официальные заявления о скорейшем завершении переговоров, по сути дела не стремился к этому. Скорее наоборот. Преследуя свою основную цель — окончательный захват власти — Сталину не нужен был крупный французский заем, так как научно обоснованная индустриализация выдвигала на первый план образованных интеллигентов. Последние, будучи в авангарде, представляли реальную угрозу его власти, опирающейся на изоляцию от Запада и страх перед образом врага. Срыв переговоров для Сталина был важен и с «теоретической» точки зрения. Он подчеркивал несостоятельность «левой оппозиции», к которой принадле-

жал и Раковский, в ее желании сотрудничать с капиталистическим Западом. Действительно, левая оппозиция стремилась реализовать ленинскую «стратегию движения к социализму» через НЭП, имея тесные взаимовыгодные финансово-экономические связи с Западом²⁸. Руководствуясь этой основной идеей, Раковский вел переговоры, старательно связывая воедино царские долги и новые кредиты для Советской России. Казалось, благодаря его таланту дипломата и широким личным контактам, компромисс был почти достигнут, лишь перечисленные внешние факторы помешали этому соглашению.

На самом деле роль играли еще и глубокие психологические причины. Для Раковского переговоры не были лишь дипломатическим актом, в обстановке острейшего внутрипартийного конфликта они становились для него частью борьбы за идею. Он почти не скрывал своей идеологической позиции активного революционера, практически игнорируя несовместимость такой роли с дипломатической деятельностью. Увлеченный революционными идеями, он твердо стоял на своих позициях классовой борьбы, неизбежности мировой революции, невозможности сосуществования двух форм общества — капиталистической и пролетарско-революционной. Такое противоречие в сознании самого Раковского и левых оппозиционеров определяло линию их поведения и мешало строить четкую программу. С одной стороны, они собирались строить новое общество, поднимать экономику, взяв новые кредиты, закупив технологии, привлекая иностранных инвесторов в Россию. Исключительное значение при этом придавалось иностранным концессиям, с помощью которых предполагалось индустриализовать Россию. С другой стороны, в надежде на успех своего революционного влияния в капиталистических странах, они заведомо разрушали тот мир, с которым собирались сотрудничать и на который возлагали надежды.

Противоречия существовали и в головах французских политиков, готовых идти на компромисс и ориентированных на сотрудничество. С одной стороны, переговоры давали надежду на погашение долгов, развитие экономического сотрудничества, широкие возможности в освоении русского рынка. С другой — возникал вопрос, не слишком ли это высокая плата за то, чтобы развивать экономику государства, сама идея которого могла изнутри уничтожить твою собственную страну? Даже лояльно настроенных французских политиков возмущали призывы к революционным выступлениям. Оценивая ситуацию, они опасались непредвиденных последствий распространения коммунистической идеи, следовательно, в глубине души отступали, неуверенные в необходимости соглашения.

E.V. Lobanova

Soviet-French Diplomatic Relations in the Twenties and the Problems of the New Crediting for Russia

The article deals with the problem of granting new credits to the Soviet Russia by the Western states, in particular, by France. Great attention is devoted to the analysis of the activity of the soviet diplomat Christian Rakovsky. As the sources

the author used were the materials of French and Soviet press and some documents of the USSR foreign policy in the twenties.

Keywords: Soviet-French diplomatic relations; crediting for Russia; Christian Rakovsky; foreign policy.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Документы внешней политики СССР. – Т. IV. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 164.
- ² Боголепов Н. И. Европа во власти кризиса 1920–1922 гг. / Н.И. Боголепов. – Пб, «Право», 1922. – С. 23.
- ³ Пасвольский Л. Русские долги и восстановление России / Л. Пасвольский, Г. Моультон. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1925. – С. 11–12.
- ⁴ Там же. – С. 15, 12.
- ⁵ Известия. – 1924. – 12 августа.
- ⁶ Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений / Ю.В. Борисов. – М.: Международные отношения, 1984. – С. 20, 22, 23.
- ⁷ L'Information. – 1923. – 10 октября.
- ⁸ Конт Ф. Революция и дипломатия. Документальная повесть о Христиане Раковском / Ф. Конт. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 207.
- ⁹ Любимов Н. Н. СССР и Франция. Франко-русская финансовая проблема в связи с международной задолженностью. – Л.: «Прибой», 1926. – С. 13.
- ¹⁰ La visite de M. Thichérine a Paris // L'Europe nouvelle. – 1925. – 5 декабря. – P. 1626–1627; также см.: Le Journal. – 1925. – 14 декабря. – 1925; Le Temps. – 1926. – 19 февраля; Известия. – 1926. – 2 февраля.
- ¹¹ L'Europe nouvelle. – 1925. – 5 декабря. – P. 1627–1629.
- ¹² Известия. – 1926. – 2 февраля.
- ¹³ The Times. – 1925. – 27 августа.
- ¹⁴ Paris-Soir. – 1925. – 27 сентября.
- ¹⁵ Известия. – 1926. – 26 февраля.
- ¹⁶ Франсис Конт. Указ. соч. – С. 210.
- ¹⁷ Борисов Ю. В. Указ. соч. – С. 38–39.
- ¹⁸ La Volonte. – 1926. – 16 июля.
- ¹⁹ Конт Ф. Указ. соч. – С. 224.
- ²⁰ Сироткин В. Самый европеизированный из большевиков / В. Сироткин, Х.Г. Раковский // Дипломатический ежегодник 1989 года. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 408.
- ²¹ Документы внешней политики СССР. – Т. III. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 151–154.
- ²² Известия». – 1927. – 22 сентября.
- ²³ L'Europe Nouvelle. – 1927. – 22 сентября.
- ²⁴ Цит. по: Конт Ф. Указ. соч. – С. 219, 223.
- ²⁵ Конт Ф. Указ. соч. – С. 225.
- ²⁶ Le Journal des débats. – 1927. – 4 октября; 1927. – 6 октября.
- ²⁷ Известия. – 1927. – 9 октября, 20 октября, 2 ноября.
- ²⁸ Сироткин В. Указ. соч. С. 404, 409.

Ф.А. Михайловский

Магистратские компоненты власти Августа в зарубежной историографии XIX–XX вв.

В статье рассматривается проблема конституционной базы Августа. Автор начинает с концепции Т. Моммзена и показывает, что в историографии XIX–XX веков имелись как её сторонники, так и оппоненты. Несомненно, власть Августа проистекала из разных источников, но его конституционную базу составляли только империй и трибунская власть. Специальное внимание уделено поэтому различным интерпретациям этих магистратских компонентов власти Августа (исследованиям М. Гранта, М. Хэммонда, Дж. Чилвера, Э.Е. Сэлмона, А.Х.М. Джонса и др.).

Ключевые слова: Август; принципат; трибунская власть; империй.

Принципату Августа посвящено необозримое количество исследований. Нет недостатка и в историографических обзорах¹, выполненных под тем или иным углом зрения². Настоящий обзор ограничивается целью: охарактеризовать взгляды ряда зарубежных исследователей по вопросу о значении государственно-правового аспекта принципата Августа в целом и магистратских источников власти первого римского принцепса в частности.

В научной литературе проблема правовой основы власти Августа впервые была поставлена Т. Моммзеном в его фундаментальном труде по римскому государственному праву³. Исследуя три элемента римской конституции — магистратуры, гражданство и сенат — Т. Моммзен особое внимание уделил магистратской власти. Он подчеркивал преемственность империя царей, республиканских магистратов и императора. Тем самым императорская власть трактовалась Т. Моммзеном не как монархическая по характеру, а как чрезвычайная магистратура. В качестве ее основополагающих компонентов ученый выделил магистратские по происхождению: проконсульский империй и трибунскую власть⁴.

Империй принцепса не был новой и особой формой, а имел своим прототипом империй проконсулов и пропреторов времени республики, который, однако, стал неограниченным во временном и территориальном отношениях⁵. Империй

наделял императора важнейшими полномочиями, но не обеспечивал его правовой статус, поскольку принятие консулата было явлением спорадическим. Правовой статус определялся трибунской властью, принимавшейся отдельно от должности. Август впервые получил ее в 36 г. до н.э., что было подтверждено в 23 г. до н.э. Трибунская власть предоставлялась на основании закона (*lex de imperio*), который включал в себя также дополнительные к трибунской власти и проконсульскому императору полномочия. Кроме того, императоры наделялись отдельными прерогативами консульской и цензорской власти, но не собственно магистратурами. В целом созданный Августом принципат, согласно оценке Т. Моммзена, не был ни монархией, ни республикой, но юридически представлял собой «диархию» (двоевластием) императора и сената⁶.

Теорию Т. Моммзена о преемственности империя царей, республиканских магистратов и принцепсов, а также его общую оценку принципата Августа как «диархии» разделяли большинство исследователей конца XIX – начала XX веков. И все же характер полномочий принцепса ряд ученых трактовали иначе. Так, П. Виллемс особо подчеркивал, что империй Августа не был идентичен империи республиканских промагистратов, а его трибунская власть — власти народных трибунов. Империй и трибунская власть, по мнению исследователя, предоставлялись сенатом, причем «закон об империи» (*lex de imperio*) был выражением первого элемента власти принцепса. В целом, принимая теорию «диархии» сената и императора, П. Виллемс указывал, что разделение власти было только де-юре, а де-факто император имел больше полномочий⁷. О. Карлова считал, что базой императорской власти было не сочетание проконсульского империя и трибунской власти, а общая *lex de imperio*, подразумевавшая более обширную, почти монархическую власть. Империй Августа не имел аналогов, кроме того, императору отдельно присуждался *jus proconsulare*, который давал право контроля над сенатскими провинциями⁸.

Признание магистратских источников императорской власти влияло на общую оценку принципата как системы, взятой в целом, но не было определяющим. Так В. Гардтхаузен в трехтомном труде «Август и его время», охватывающем период от гражданских войн до смерти Августа и написанном в жанре биографического исследования, рассматривал принципат как монархическую систему. Ученый считал наиболее точной аналогией с тиранией в античном понимании и указывал, что в отличие от полноценной монархии, в принципате не был решен вопрос о наследовании власти. Тем не менее, его оценка власти Августа близка к точке зрения ученых юридической школы Т. Моммзена. Основой власти принцепса В. Гардтхаузен считал империй, но был не согласен с определением его как проконсульского. И все же он был солидарен с Т. Моммзеном в том, что гражданская власть императора более всего указывает на свой магистратский характер, ибо она представляла собой кумуляцию старых республиканских должностей⁹. В то же время Эд. Мейер не только поддержал концепцию диархии, но заявил, что в принципате власть

принадлежала, главным образом, сенату, а принцепс выступал всего лишь его охранителем и защитником. В его трактовке монархия существовала при Цезаре, а при Августе была восстановлена республика, хотя старый республиканский строй себя изжил¹⁰. Может быть, наиболее яркий оппонент Т. Моммзена в оценке личности и роли Цезаря, итальянский ученый Г. Ферреро также трактовал принципат как республику¹¹. В целом необходимо отметить, что возражения исследователей вызывала, главным образом, моммзеновская теория диархии, а не его концепция императорской власти. Так, авторы «Кембриджской древней истории» не считали принципат диархией, но не видели в Августе и монарха, признавая магистратский характер его власти¹².

В 30-е гг. XX века появились работы, авторы которых акцентировали значение экстралегальных основ императорской власти. Примером может служить исследование А. фон Премерштейна¹³. Ученый считал, что в основе особого положения Октавиана в государстве была клятва, принесенная ему населением Италии и западных провинций в 32 г. до н.э. перед началом войны с Антонием и Клеопатрой. В дальнейшем клятва была принесена населением восточных провинций, а при последующих принцепсах она стала обязательной процедурой в начале каждого нового правления. Принцепс тем самым выступал в роли патрона по отношению ко всем гражданам империи, что символизировал титул «Отец отечества», принятый Августом во 2 г. до н.э. Правовым выражением обширного патроната были особые полномочия, полученные за четверть века до этого¹⁴. От сената Август получил особый авторитет (*auctoritas*), и это понятие имело правовое значение, фактически являлось одним из государственно-правовых полномочий императора. Однако А. Премерштейн не отрицал того, что юридическую основу власти все же составляли *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*. Он просто стремился выявить дополнительные основания господствующего положения правителя.

В «Римской революции» Р. Сайма, посвященной главным образом изучению социально-политической базы принципата, роли различных слоев и политических группировок правящей римской аристократии и муниципальной знати, исследование правовых основ императорской власти не имеет большого значения¹⁵. Автор считал схематизмом выдвигание на передний план юридических основ власти. По его мнению, важнее всех полномочий была *auctoritas*. Однако Р. Сайм не придавал этому понятию, правового значения. Юридически принципат, согласно взгляду ученого, начинается все же с реформы власти 23 г. до н.э., когда Август получил *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*.

Значительный вклад в изучение принципата внес М. Грант, впервые широко использовавший и изучивший монетные серии для решения конституционных проблем¹⁶. Он обоснованно выступил против недооценки легальной базы императорской власти А. Премерштейном и не признал в качестве таковой отношений патроната — клиентелы. Но его собственная интерпретация власти принцепса тоже принадлежит к числу тех, в которых акцентируются внеправовые источни-

ки императорской власти. М. Грант доказывал, что Август постепенно выходил за пределы своего империя и правил в силу авторитета (*auctoritas*).

В целом в 30–40 гг. возобладал взгляд на принципат как на уникальную государственно-политическую форму, которую невозможно четко определить в современных терминах. Его своеобразие состоит в том, что это был монархический институт, введенный в институты республиканские. Правовая форма принципата объявлялась специфическим римским явлением, выходящим за пределы смысла, понятного современному историку. Подобно Р. Сайму, о невозможности четкой дефиниции принципата как системы заявляли Т. Райс Холмс и П. де Франчиши¹⁷.

Нельзя, однако, сказать, чтобы в историографии принципата было время, когда бы конституционный аспект вовсе игнорировался. В те же 30-е гг. появилось фундаментальное историко-правовое исследование американского ученого М. Хэммонда, выдержавшее в дальнейшем несколько изданий¹⁸. Автор фактически в полном объеме поддержал теорию диархии Т. Моммзена и его оценку юридических основ императорской власти. Он акцентировал правовой элемент и считал, что теоретически власть скорее принадлежала сенату, который представлял римский народ, а принцепс был чрезвычайным магистратом.

В 50–60-е гг. вновь возобладал правовой подход, когда вышли в свет работы Дж. Чилвера, Э.Т. Сэлмона, А.Х.М. Джонса¹⁹. Дж. Чилвер в итоге своего обзора исследований по конституционным проблемам принципата констатировал, что вопросы, связанные с положением Августа в государстве, остаются дискуссионными. А.Х.М. Джонс указывал, что тенденция рассматривать конституционное положение как малозначимое, имела положительное значение для изучения экстралегальных источников власти (*auctoritas* и *clientes*), но они не выявили необходимости игнорировать конституционные основы власти, которые были ориентированы на широкие слои населения. Э.Т. Сэлмон также указал, что единства взглядов на форму и характер господства Августа в государстве нет, но экстралегальные основы власти правителя не означают, что он отказался от солидной юридической базы. Кроме того, Э.Т. Сэлмон расценил как важное достижение исследований принципата признание эволюционности, постепенности его развития.

В те же годы Л. Виккерт²⁰ главное внимание уделил термину *princeps* и на большом фактическом материале доказал, что термин просто выражал идею первенства в государстве, но правового значения не имел. Л. Виккерт рассмотрел также правовую основу принципата. Его подход к проблеме можно назвать эклектическим: основа власти — проконсульский империй и трибунская власть, а также *auctoritas*. Но в отличие от М. Гранта исследователь видит в *auctoritas* сочетание правового и неправового элементов. В целом ученый пришел к выводу о невозможности определения принципата современными конституционными понятиями. Такой подход к принципату, называемый «синтетическим» или «эклектическим»²¹, стал в целом характерен

для зарубежной историографии. Об этом свидетельствует выход огромного, включающего более тридцати томов, сводного труда «Взлет и падение Римского мира»²², в котором исследователи стремились учитывать разные стороны созданного Августом принципата.

В 80–90-е гг. наибольшим вниманием пользовался идеологический и культурологический аспект (работы Э. Уоллес-Эдрилла, П. Занкера и др.)²³. Но исследование социально-психологических условий становления империи, культуры и идеологии века Августа показывает сложное переплетение республиканских традиций и монархических тенденций, так что едва ли не во всех аспектах принципата присутствует старый вопрос: республика, монархия или диархия? В зарубежной историографии преобладает все же оценка принципата Августа как монархической системы. Так, например, крупнейший исследователь эпохи империи Ф. Миллар в ряде работ развивал концепцию изначальной монархической природы принципата²⁴. В статье, посвященной второму триумvirату, он, в частности, доказывал, что республиканского при триумvirате было больше, чем в «восстановленной республике» Августа.

При этом государственно-правовой аспект, пожалуй, утратил доминирующую роль, какую он имел в течение нескольких десятилетий после выхода трудов Т. Моммзена. Так, из девятнадцати статей в сборнике «Между республикой и империей» ни одна не посвящена специально государственно-правовому аспекту принципата, хотя авторы, конечно, в той или иной степени его учитывают (особенно В. Эдер)²⁵. Тем не менее, со времени Т. Моммзена большинство исследователей в качестве государственно-правовой базы правления Августа рассматривали магистратские компоненты власти: империй и трибунскую власть или, по крайней мере, отводили им значительную роль.

Вместе с тем среди авторов, акцентировавших магистратские источники власти Августа, имеются разногласия относительно их генезиса, качества, компетенции и значения. Разве что вопрос о генезисе трибунских полномочий Октавиана-Августа с формально-юридической точки зрения можно считать решенным: полную трибунскую власть Август принял только в 23 г. до н.э. после того, как предварительно был наделен отдельными ее прерогативами²⁶. При этом компетенция трибунской власти принцепса остается дискуссионной. По мнению А.Х.М. Джонса, к имевшимся у Августа трибунским прерогативам в 23 г. до н.э. добавились право интерцессии, права совета с сенатом и обращения к народу²⁷. М. Хэммонд указывает также право на первоочередной созыв сената, право налагать наказания и право наделять юрисдикцией²⁸. Э.Т. Сэлмон считает, что право на первоочередной созыв сената, а также дополнительное право приходить в сенат в любое время, скорее, консульскими прерогативами, не имеющими отношения к трибунской власти²⁹. Право совета с сенатом он рассматривает как трибунское, но считает, что трибунская власть не включала права в любое время и по любому случаю созывать сенат. Не связанным с трибунской властью, в отличие от большинства исследователей, считает данное право Л. Виккерт³⁰.

Вопрос о сущности империя Августа в 27 и 23 гг. до н.э. представляется менее дискуссионным. Исследователи отказались от конструкции Т. Моммзена, по которой империй Августа уже с 27 г. до н.э. представлял собой сочетание высшего империя над всеми провинциями и проконсульского над императорскими, признав, что основным элементом власти Августа в 27–23 гг. до н.э. выступал империй консула, который сочетался с проконсульским империем, распространявшимся на провинции, ставшие императорскими³¹. После реформы 23 г. до н.э. проконсульский империй был трансформирован в двух отношениях: стал «высшим» по отношению к империи всех проконсулов и неслагаемым при пересечении померия³².

Признание действительности империя в Риме означает, что Август в 23 г. до н.э. пошел на явное нарушение республиканской конституции, — идея, устраивающая не всех исследователей. Так, например, Э.Т. Сэлмон полагает, что неслагаемость проконсульского империя означала лишь, что Августу не требовалось получать империй всякий раз по приезде в Рим, но в пределах городской черты он империем не обладал³³. Однако эта, так сказать, ущербность империя была, по объяснению Э.Т. Сэлмона, устранена в 19 г. до н.э., когда Август был наделен отдельными прерогативами консульского империя³⁴. Расходясь, таким образом, во взглядах на генезис империя, исследователи соглашаются в том, что империй действовал повсеместно и был «высшим».

Различное понимание компетенции трибунской власти и качества империя приводит к значительной градации оценок этих элементов власти Августа. М. Грант³⁵ высказал мнение, что до 27 г. до н.э. деятельность Октавиана не была законодательно оформлена, а подводилась под какие-либо традиционные права. Так, в 30 г. до н.э. *tutela principis* была связана с трибунским расширенным правом помощи. Все постановления общего порядка, не связанные прямо с военной или административной сферой, принимались благодаря не проконсульскому империи, а *auctoritas*, и проводились при помощи неофициальных советов или письменных указаний³⁶. После упразднения в 27 г. до н.э. так называемого высшего проконсульского империя Август, по мнению М. Гранта, всегда правил благодаря своей *auctoritas*. Однако правовыми документами, оформлявшими его волю, были постановления сената. В 27–23 гг. до н.э. консульские полномочия, а с 23 г. до н.э. исключительно трибунская власть давали Августу благодаря своим прерогативам на созыв сената и на первоочередную консультацию с ним возможность реализовать *auctoritas* в сенате³⁷. В 19–18 гг. до н.э., которые М. Грант считает заключительным этапом в становлении принципата, трибунская власть была использована Августом для проведения через трибунные комиции законодательства о нравах³⁸. Показательно, по мнению М. Гранта, и то, что именно в 18 г. до н.э. Август разделил трибунскую власть с Агриппой³⁹. Таким образом, считая, что *auctoritas* Августа после 23 г. до н.э. основывалась в сенате исключительно на трибунской власти, М. Грант отводил последней очень важную роль в государственно-правовом оформлении принципата⁴⁰.

Иначе определяет значение трибунской власти и империя Э.Т. Сэлмон. Он указывает, что у Августа не могло быть ясного плана на много лет вперед, а потому государственно-правовые формы принципата складывались постепенно, при этом всякий новый «конституционный» шаг вызывался исключительно обстоятельствами момента⁴¹. На первом этапе (27–23 гг. до н.э.) Август имел консульский империй, распространявшийся на императорские провинции⁴². Отказ от консулата в 23 г. до н.э. автор объясняет тем, что Август уже запланировал свой отъезд из Италии и потому нуждался в «конституционной» замене консульской власти для сохранения позиций в Риме, вследствие чего и принял трибунскую власть⁴³. Но уже в 22 г. до н.э. в связи с народными волнениями, вызванными недостатком хлеба и отсутствием имени Августа в списках кандидатов на консульских выборах, обнаружилось, что трибунская власть не компенсировала полностью консульский империй. Август не мог тогда на основании своей трибунской власти ни назначить Агриппу префектом города, ни руководить консульскими выборами. Это вызвало, по мнению Э.Т. Сэлмона, новое изменение в государственно-правовом положении принцепса⁴⁴. В 19 г. до н.э. он получает отдельные прерогативы консульского империя, а также право назначать префектов города и *coercitio iudici publici*⁴⁵. В 8 г. до н.э. вновь потребовались специальные, ранее не предусмотренные полномочия. Проведение в том году ценза на основе империя Э.Т. Сэлмон убедительно объясняет внешними обстоятельствами: на северных границах создалось серьезное положение, умер Друз, и Август чувствовал необходимость своего присутствия там. Ценз этого года был, по мысли Э.Т. Сэлмона, ничем иным, как подсчетом войск. В 5 и 2 гг. до н.э. также исключительно по внезапно возникшим обстоятельствам Август получал консульскую власть. В последнем случае он принял также титул «Отец отечества». И вместе с тем принципат обрел свою окончательную государственно-правовую форму. С этого времени его можно считать и по названию, и по сути монархией⁴⁶. Итак, с точки зрения Э.Т. Сэлмона, трибунская власть играла скорее вспомогательную роль в оформлении принципата. Она была первоначально использована как случайная и в целом неудачная замена консулату, как дополнение проконсульскому империю. В дальнейшем из-за недостаточной компетенции этой власти Август вновь обратился к империю, прерогативы которого были, таким образом, важнейшим основанием господствующего положения принцепса.

За пределами исследования Э.Т. Сэлмона остался вопрос, почему Август не только не отказался от трибунской власти, но официально объявил ее едва ли не главной своей правовой базой. Ответ на него можно найти в работах М. Хэммонда и А.Х.М. Джонса. Оба исследователя также считают, что реальной основой власти Августа был империй, а трибунская власть лишь дополняла его прерогативы. Но в то время как М. Хэммонд признает некоторое значение для Августа трибунских прав в комициях и в сенате, а также права интерцессии, А.Х.М. Джонс считает их несущественными⁴⁷. По мнению А.Х.М. Джонса, Ав-

густ всегда мог положиться на вето верного ему трибуна, а для проведения законодательства использовать кого-либо из консулов. Ценность для Августа трибунской власти, по мнению М. Хэммонда, состояла скорее в ее сентиментальном восприятии народом, чем в ее практической полезности⁴⁸.

Мысль о большом идеологическом значении трибунской власти высказывает также А.Х.М. Джонс. По его мнению, опорой принципата был тот «средний класс», к которому принадлежали Цицерон, Веллей Патеркул, Ливий и Тацит — римские граждане в третьем поколении, «сентиментальные республиканцы», благоговевшие перед республиканским прошлым⁴⁹. Недовольство этого «миддл-класса», а также ближайшего окружения Августа властью, основанной в 27–23 гг. до н.э. на непрерывном занятии консулата, привело к реформе 23 г. до н.э. С этого времени самой несущественностью прерогатив трибунской власти Август маскировал свою подлинную опору — империй. Кроме того, трибунская власть служила символом республиканизма⁵⁰.

Итак, в оценке М. Хэммонда и А.Х.М. Джонса, трибунская власть не играла заметной конструктивной роли в принципате, а имела главным образом символическое значение. Однако, в научной литературе существует также иная оценка идеологического значения трибунской власти. Цви Явец в монографическом исследовании роли городского плебса в политике Цезаря и первых принцепсов полагает, что Август при оформлении власти ориентировался прежде всего на городской плебс, через который влиял на высшие слои римского общества⁵¹. А так как не само по себе единовластие, а лишь правление, опирающееся исключительно на военную силу, не устраивало плебс, империй не мог долго служить Августу государственно-правовой базой. Единственным элементом в римской государственности, который годился для оформления единовластия, была трибунская власть, открытие всего значения которой, по мнению Ц. Явца, принадлежало Цезарю. Республиканский трибуна́т, по оценке исследователя, не был революционен, а служил важным средством защиты высших слоев общества, оставаясь при этом необыкновенно популярным у народных масс. Объясняя эту популярность, Ц. Явец обращает внимание на слова Цицерона о том, что трибунская власть заключала в себе идею равенства плебса с нобилитетом (*Cic. De leg.*, III, 24), а следовательно, после того, как ее принял Август, и с самим принцепсом. Приняв в 23 г. до н.э. полную трибунскую власть, Август превратился в признанного вождя плебса и не допускал с этого времени роста чьей бы то ни было популярности. Принятие трибунской власти в 23 г. до н.э. было вызвано, по мысли исследователя, сложившейся в Риме ситуацией. Ц. Явец высказывает предположение, что суд над Примом и заговор Цепиона и Мурены отражали недовольство части сената существовавшей формой правления, и именно в связи с этими событиями Август отказался от консулата и принял трибунскую власть.

Выбор Августом в 23 г. до н.э. трибунской власти и проконсульского империя, несомненно, был не случаен. В научной литературе указывались и другие

причины этой конституционной реформы. Т. Моммзен видел одну из главных причин этого в неудобстве ежегодности и коллегиальности консулата⁵². Напротив, по мнению П. де Франчиши, ее причиной было нежелание Августа и дальше дискредитировать консулат в глазах республиканцев явным попирательством тех же принципов коллегиальности и ежегодности⁵³.

Указываемые причины не исключают, а дополняют друг друга. И все-таки они не объясняют, почему Август выбрал именно трибунскую власть и проконсульский империй, а потому общая схема рассуждений исследователей состоит в том, чтобы указать не только на недостатки конституционного положения Августа перед реформой 23 г. до н.э., но также на преимущества новых элементов власти. Предлагаемые объяснения в целом ставят акцент на большом идеологическом значении трибунской власти, маскировавшей основной реально-правовой элемент — империй. Такой вывод во многом вызван невысокой оценкой компетенции этой власти. Э.Т. Сэлмон, например, рассматривает получение Августом в 22 г. до н.э. права созывать по своему усмотрению сенат, в 19 г. до н.э. знаков консульской власти, в 8 г. до н.э. специальных полномочий (ценз на основе консульского империя) и в 5 и 2 гг. до н.э. консулата как показатель недостаточности прерогатив трибунской власти.

В заключение необходимо отметить следующее. Формально-юридические исследования составляют одно из направлений в историографии принципата, но направление очень важное. Существующие в науке концепции принципата основаны в значительной мере именно на той или иной оценке его государственно-правовой стороны, в том числе правового оформления власти Августа. Не случайно в историографии стал традиционным вопрос: что же такое принципат — монархия, республика или нечто новое, например, диархия? В настоящее время, правда, большинство исследователей признают «синтетический» характер принципата. В историографии имеется в связи с этим тенденция к абсолютизации уникальности принципата и признанию невозможности его определения в современных юридических понятиях.

Власть принцепса фактически базировалась на контроле над армией и возникшим бюрократическим аппаратом. Но по какому праву принцепс имел этот контроль? Экстралегальные элементы власти — особый авторитет правителя, его титулы «император» и «принцепс», «Отец отечества» — играли исключительно идеологическую роль и не имеют отношения к правовой базе принципата. Август для оформления своего господствующего положения в государстве использовал только два конституционных элемента — *imperium* и *tribunicia potestas*. Только эти элементы власти были постоянными, а не принимаемыми время от времени, как цензура или консулат.

Большинство исследователей считает империй ключевым элементом власти принцепса, хотя есть и те, кто отводит главную роль трибунской власти. Без империя не могло быть контроля над армией, значит и политической стабильности. Из этого не следует, что принципат был завуалированной формой военной дик-

татуры. В сочетании двух элементов власти трибунская не просто маскировала империй, а могла играть самостоятельную роль. Примечательно, что на протяжении борьбы за установление господства в государстве Октавиан обладал только империем, включавшим военное командование, но после победы для правового оформления своего господства он использовал трибунскую власть, как исключительно гражданскую, выдвинув ее на первый план, исчисляя по ней годы правления. В мирное время функция контроля становилась важнее.

Идеологическое значение трибунской власти едва ли было ограничено демократической символикой и ориентировано исключительно на плебс. Римские нобили по-своему ценили трибунскую власть как важный элемент аристократической республики, ограждавший от попыток установления царского самовластья. Кроме того, эта власть, изначально ограниченная чертой померия, принятая фактически единовластным правителем Рима и в то же время первым его гражданином ставила Рим во главе всей державы и несла идею равенства всех его граждан, где бы они ни жили. Наконец, трибунская власть, связанная с представлением о священной и неприкосновенной личности ее носителя, служила особой сакральной санкцией положения принцепса. С другой стороны, империй, а не исключительно трибунская власть, имел свою идеологическую функцию. Он был выражением господства римлян над другими народами. Оба магистратских элемента власти принцепсу было незачем скрывать, поскольку и тот и другой были ориентированы на республику.

И хотя генезис принципата был обусловлен многими факторами, изучение его государственно-правовых основ все-таки не исчерпало своих возможностей.

F.A. Mikhailovsky

Magisterial Components of Augustus' Power: the Western Historiography of the XIX–XX centuries

The article examines the problem of Augustus' constitutional basis. The author begins from Th. Mommsen's conception and shows that there were as its supporters, so its opponents among the scholars in the historiography of the XIX–XX centuries. Surely Augustus' Power derived from various sources, but his constitutional basis included imperium and tribunicia potestas only. So the special attention was paid to different interpretations of these magisterial components of Augustus' Power (the researches of M. Grant, M. Hammond, G.E.F. Chilver, E.T. Salmon, A.H.M. Jones etc.).

Keywords: Augustus; principate; tribunician power; imperium.

Примечания (Endnotes)

¹ См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1949. – С. 311–378; Гаспаров М. Л. Зарубежная литература о принципате Августа / М.Л. Гаспаров // Вестник древней истории. – 1958. – № 2. – С. 221–233; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата /

А.Б. Егоров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 4–15; *Межеричский Я. Ю.* «Республиканская монархия»: Метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я.Ю. Межеричский. – М.; Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. – С. 33–112; *Вержбицкий К. В.* Правовое оформление и реальные основы власти Августа / К.В. Вержбицкий // Проблемы античной истории: Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 261–267.

² Так, например, А.Б. Егоров рассмотрел «только развитие взглядов на принципат как систему, взятую в целом», выделив «четыре основные точки зрения..., развитие которых происходило в хронологическом порядке» (Ук. соч. – С. 4). Я.Ю. Межеричский стремился «обозначить диапазон разброса оценок «восстановленной республики», не упуская версий и идей, которые способствовали бы выработке адекватной характеристики данного феномена» (Ук. соч. – С. 34, примеч. 1).

³ *Mommsen T. Römisches Staatsrecht* / Т. Mommsen. – Bd. II. – Leipzig, 1887.

⁴ *Ibid.* – S. 840, 872.

⁵ *Ibid.* – S. 792.

⁶ *Ibid.* – S. 875. Государственно-правовая концепция Т. Моммзена исследована в диссертации Н.А. Дузкенева. Автор указывает, что Моммзен не дал точного определения понятию диархии и считает, что теория диархии, «скорее, служила характеристикой не формы государственного устройства, а трактовкой системы государственного управления» – *Дузкенева Н. А.* Правовая характеристика принципата Теодором Моммзеном: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Дузкенева. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. – С. 20–21.

⁷ *Willems P. Le droit public Romain* / P. Willems. – Paris, 1883. Пер.: *Виллемс П.* Римское государственное право / П. Виллемс. – Киев, 1888–1892.

⁸ *Karlowa O. Romische Rechtsgeschichte* / O. Karlowa. – Bd. I. – Berlin, 1895. – S. 494.

⁹ *Gardthausen V. Augustus und seine Zeit* / V. Gardthausen. – Bd. 2. – Т. 1–3. – Berlin, 1891–1904.

¹⁰ *Meyer Ed. Kaiser Augustus* / Ed. Meyer // *Kleine Schriften.* – Halle, 1910. – S. 41–492.

¹¹ *Ферреро Г.* Величие и падение Рима / Г. Ферреро. – Т. II, – СПб.: Наука, 2008.

¹² *The Cambridge ancient history.* – Vol. X. The Augustan empire 43 B.C. – A.D. 69 / Ed. by S.A. Cook, F.F. Adcock, M.P. Charlesworth. – Cambridge, 1934. – P. 587–590.

¹³ *Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats* / A. von. Premmerstein. – Berlin, 1937. – S. 63 ff.

¹⁴ Об этом сообщает Дион Кассий (53, 12, 1).

¹⁵ *Syme R. The Roman revolution* / R. Syme. – Oxford, 1939.

¹⁶ *Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of aes coinage in the Roman empire 49 b.c. – a.d. 14* / M. Grant. – Cambridge, 1946.

¹⁷ *Holmes T. Rice. The architect of the Roman empire* / T. Holmes. – Vol. 1–2. – N.-Y., 1928–1931; *Francisci P. Genesi e struttura del principato Augusteo* / P. Francisci // *Atti della reale academia d'Italia, memorie della classe di scienze mor. e stor.* – Ser. VII, v. II, fasc. I, – Roma, 1941.

¹⁸ *Hammond M. The Augustan principate in theory and practice during the Iulio-Claudian period* / M. Hammond. – Cambridge, 1933; N.-Y., 1968.

¹⁹ *Chilver G. E. F. Augustus and the roman constitution. 1939–1950* / G.E.F. Chilver // *Historia.* – 1950. – Bd. 1, H. 3; *Salmon E. T. The evolution of Augustus' principate* / E.T. Salmon // *Historia* – 1956. – Bd. 5, H. 4; *Jones A. H. M. Studies in roman government and law* / A.H.M. Jones. – N.-Y., 1968.

²⁰ *Wickert L. Princeps (civitatis) / L. Wickert L. – RE, 1954. – Bd. XXII. – Sp. 2295–2296.*

²¹ *Егоров А. Б. Ук. соч. – С. 15; Межеруцкий Я. Ю. Ук. соч. – С. 61 сл.*

²² *Aufstieg und Niedergang der romischen Welt. 1972. – Berlin; New York, Teil I–II, Bd. 1–32.*

²³ *Wallace-Hadrill A. Civilis princeps: between citizen and king / A. Wallace-Hadrill // The Journal of Roman Studies. – 1982. – Vol. 72; Zanker P. The power of images in the age of Augustus / P. Zanker. – Ann Arbor, 1988.*

²⁴ *Millar F. The emperor, the senate and the provinces / F. Millar // The Journal of Roman Studies. – 1966. – Vol. 56; id. Triumvirate and principate / F. Millar // The Journal of Roman Studies. – 1973. – Vol. 63; id. State and subject: the impact of monarchy / F. Millar // Caesar Augustus: seven aspects. – Oxford, 1984; id. The emperor in the roman world, 31 B.C. – A.D. 337 / F. Millar. – London, 1977.*

²⁵ *Eder W. Augustus and the power of tradition: The Augustan principate as binding link between republic and empire / W. Eder // Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate. – Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1990.*

²⁶ *См. содержательный историографический обзор в работе: Francisci P. de. Genesi e struttura del principato Augusteo / P. de. Francisci. – Roma, 1941. – P. 12–14.*

²⁷ *Jones A. H. M. Studies in roman government and law / A.H.M. Jones. – New-York, 1968. – P. 10 ff.*

²⁸ *Hammond M. The Augustan principate in theory and practice during the Iulian-Claudian period / M. Hammond. – New-York, 1968. – P. 82–83.*

²⁹ *Salmon E. T. The evolution of Augustus' principate / E.T. Salmon // Historia. – 1956. – Bd., 5. – H. 4. – P. 469.*

³⁰ *Wickert L. Neue Forschungen zur Romische Prinzipatus / L. Wickert // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt. – Bd. II. T. 1. – New-York; Berlin, 1974. – S. 73.*

³¹ *Jones A. H. M. Op. cit. – P. 5; Brunt P. A. Lex de imperio Vespasiani / P.A. Brunt // The Journal of Roman Studies. – 1977. – Vol. 67. – P. 96.*

³² *Jones A. H. M. Op. cit. – P. 8; Chilver G. E. F. Augustus and the roman constitution. 1939–1950 / G.E.F. Chilver // Historia. – 1950. – Bd. 1. – H. 3. – P. 19.*

³³ *Salmon E. T. Op. cit. – P. 470–471.*

³⁴ *Ibid. – P. 472.*

³⁵ *Свое понимание сущности власти Августа М. Грант впервые изложил в указанной выше работе (см. : примеч. 16), а наиболее полно — в специальной статье, на которую в дальнейшем делаются ссылки: Grant M. The Augustan constitution / M. Grant // Greece and Rome. – 1949. – V. 17.*

³⁶ *Ibid. – P. 106–108.*

³⁷ *Ibid. – P. 108.*

³⁸ *Ibid. – P. 110, n. 4.*

³⁹ *Ibid. – P. 111.*

⁴⁰ *Точка зрения М. Гранта встретила критическое отношение исследователей. — Last H. M. Imperium majus / H.M. Last // The Journal of Roman Studies. – 1947. – Vol. 37. – P. 157 ff.; Chilver G. E. F. Op. cit. – P. 434; Crook J. Some remarks on the Augustan constitution / J. Crook // Classical review. – 1953. – Vol. 3. – P. 41 ff. Как отметил Н.А. Машкин, наиболее существенным ее недостатком является игнорирование данных Диона Кассия о наделении Августа в 23 г. до н.э. проконсульским империем, а в 19 г. до н.э. консульской властью. — Машкин Н. А. Ук. соч. – С. 369–370.*

⁴¹ *Salmon E. T. Op. cit. – P. 458–459.*

- ⁴² Ibid. – P. 467.
- ⁴³ Ibid. – P. 469.
- ⁴⁴ Ibid. – P. 471.
- ⁴⁵ Ibid. – P. 473, n. 106.
- ⁴⁶ Ibid. – P. 478.
- ⁴⁷ *Hammond M.* Op. cit. – P. 82–83; *Jones A. H. M.* Op. cit. – P. 10–11.
- ⁴⁸ *Hammond M.* Op. cit. – P. 80.
- ⁴⁹ *Jones A. H. M.* Op. cit. – P. 3.
- ⁵⁰ *Jones A. H. M.* Op. cit. – P. 11.
- ⁵¹ *Yavetz Z.* Plebs and princeps / *Z. Yavetz.* – Oxford, 1969. – P. 88–94.
- ⁵² *Mommsen T.* Romische Staatsrecht / *T. Mommsen.* – Bd. 2. – Berlin, 1888. – S. 871.
- ⁵³ *Francisci P. De.* Op. cit. – P. 54.

Г.А. Ртищева

К проблеме определения своеобразия общества норманнской Сицилии

Автор выделяет основные направления, представленные в западно-европейской историографии норманнской Сицилии конца XX – начала XXI веков. К наиболее значительным для европейской историографии сюжетам автор относит: изучение «культурного разрыва» в истории Сицилии, исследование природы норманнской монархии, изучение проблемы участия различных этнических и конфессиональных групп в управлении, а также исследование отношения между социальным статусом, этническим происхождением и вероисповеданием народа, который населял норманнскую Сицилию.

Ключевые слова: норманнская Сицилия; зарубежная историография; этно-конфессиональные группы.

На фоне коллизий, сотрясавших историческую науку конца XX – начала XXI веков, исторические штудии исследователей норманнской Сицилии выглядят камерными и традиционными, но именно в это время специалисты по истории острова сумели поставить и решить ряд новых проблем, существенных для понимания этого уникального поликонфессионального и полиэтнического общества, просуществовавшего в относительном равновесии почти полтора столетия. При этом фундаментальными вопросами, к которым обращались практически все исследователи, независимо от того, какую проблему истории острова они рассматривали, оставались вопросы о своеобразии власти норманнов, о соотношении социального статуса с этническим происхождением и вероисповеданием людей, населявших норманнскую Сицилию.

Одним из центральных вопросов, определяющим позиции историков, влияющим на интерпретацию всех сторон сицилийской истории, выступает признание или отрицание резкого культурного разрыва в жизни сицилийского общества после прихода на остров норманнов. Над этой проблемой работали: Р. Грегорио¹, С. Трамонтана², И. Пери³, В. Алессандро⁴.

Норманнская Сицилия, по мнению Р. Грегорио, представляет собой пример общества, пережившего резкий разрыв с предыдущей моделью власти, с прежней общественной стратификацией и с характерными для более раннего времени способами эксплуатации. В его работах приводятся многочисленные примеры различий судеб западноевропейской и сицилийской цивилизаций, которые, по мнению автора, должны подтвердить невозможность их синтеза. В частности отмечается, что общественная иерархия и управление, принесенные норманнами, «складывались в каролингское и посткаролингское

время, соответственно в них отсутствовали те формы социальной жизни и власти, появление которых обусловлено наличием городов»⁵. Подчеркивается, что Сицилия до норманнского завоевания находилась под влиянием таких факторов, которых не было в истории христианской Европы. К ним относят: сохранение традиций публичной власти, долгую зависимость от Византии, непрерывный и значительный поток мусульманской миграции, арабизацию местного населения и развитие городской жизни⁶. Нельзя не согласиться, что все это приводило к возникновению сложных социальных иерархий и к созданию структур управления, подобных которым не знала Западная Европа.

Ряд исследователей склонен абсолютизировать этот «разлом» сицилийской истории. В частности, Р. Грегорио отстаивает идею «импорта феодализма», полагая, что зрелая и осознанная норманнами модель Запада была принудительно перенесена ими на остров, а предыдущие структуры при этом были уничтожены. Тем самым история Сицилии как бы начинается «с чистого листа». Норманны принесли на остров сложившееся в христианской Европе представление о разделении общества на молящихся, воюющих и работающих на земле, «педантично разработанное на Западе, и сумели внедрить его в жизнь сицилийского общества»⁷.

Однако наиболее распространена и принята большинством исследователей позиция, сформулированная в работах М. Галлина⁸, С. Трамонтана⁹, М. Каравале¹⁰, И. Пери¹¹. Она сводится к тому, что внедрение новых форм организации и управления было растянуто во времени, по сути не носило характера слома и не было линейным. Внедрение новых форм происходило внутри живого и вполне жизнеспособного общества¹². Приход норманнов лишь положил начало процессу присоединения этой территории к западнохристианскому миру, который завершается только в XIII в. Более того, долгое существование на Сицилии иной цивилизации обуславливает ее своеобразие до сегодняшнего дня¹³. Норманнское завоевание вызвало к жизни «необыкновенное разнообразие форм управления, как территориями, так и людьми разного статуса и национальности и, отнюдь не копировали одни лишь известные норманнам формы»¹⁴.

Следующая важная проблема в историографии норманнской Сицилии, по которой мнения современных исследователей значительно разошлись, — это специфика сицилийской монархии, и ее место в европейском средневековом мире.

Благодаря исследованиям Дж. Табакко стало ясно, что уже с самого начала норманнское завоевание Сицилии отличалось от норманнского завоевания Южной Италии. В Южной Италии внедрение норманнов происходило по инициативе и благодаря усилиям отдельных групп. В результате формировались «самостоятельные ядра» на византийских и лангобардских территориях. Лишь со временем выделяются «гегемоны» этого движения — семья Альтавилла (Отвилей). Завоевание Сицилии, напротив, началось как предприятие двух представителей рода Альтавилла, а вскоре граф Рожер остался единственным вдохновителем и орга-

низатором походов. Поэтому обладание новыми землями для норманнских рыцарей легитимизировал граф Рожер, оформляя их новые приобретения как предоставление даров. По мнению Дж. Табакко, именно то, что все новые владельцы земель изначально были вассалами Рожера, позволило эволюционировать власти графа в сторону монархии¹⁵. При этом абсолютно возобладавшей в современной историографии можно считать точку зрения, согласно которой модель монархии, созданная при норманнах и продолжавшая укрепляться при Фридрихе II Гогенштауфене, представляла собой один из вариантов организации общественных отношений и власти в эпоху развитого средневековья. С точки зрения Дж. Табакко, норманнская монархия — это феодальная монархия, а отнюдь «не экзотический эпизод периферийного процесса».

Иное понимание сущности норманнской монархии предлагает М. Каравалле. С точки зрения этого исследователя, такую монархию можно интерпретировать, как антифеодальную¹⁶. Так, М. Каравалле предлагает сознательно игнорировать конкретные, зафиксированные в источниках официальные организации власти, основанные на вассальном подчинении, и сосредоточиться на казусах реального осуществления власти на местах. В этом случае оказываются чрезвычайно значимыми традиционные для разных этноконфессиональных групп нормы и способы осуществления власти¹⁷.

Проблемы участия во власти различных этноконфессиональных групп и соотношения социального статуса с этническим происхождением и вероисповеданием людей, населявших норманнскую Сицилию, всегда были и останутся актуальными, так как именно здесь наиболее зримо проявляется специфика норманнской Сицилии. Можно сказать, что работы историков конца XX века Е. Куоццо¹⁸, М. Каравалле¹⁹, М. Фарделла²⁰ резко изменили наши представления о существовавших в тот период на острове связях статуса с этноконфессиональной принадлежностью.

Довольно долго общепринятым считалось, что норманнские вилланы были в основном арабами или греками, и в своем абсолютном большинстве — мусульманами. В настоящее время мы можем определенно говорить о существовании вилланов — христиан, и даже о вилланах романского происхождения (хотя иммиграция последних до сих пор остается малоизученной). В то же время известно, что «в элиту» королевства норманнов входили греки восточного исповедания и мусульмане. При этом конфессиональная принадлежность и самоидентификация всех слоев общества в норманнскую эпоху были необыкновенно подвижны. В настоящее время историки вообще склонны говорить о нестабильности конфессиональных групп и общественных иерархий Сицилии²¹.

Проблема участия во власти различных этнических групп привлекала историков всегда²². Но если историки XIX – первой половины XX веков такие случаи просто фиксировали, то теперь исследователи обращают внимание на судьбу этих людей, рассматривают вопрос о том, чем приходилось им жертвовать, чтобы занять высокое положение в обществе; что они приобрета-

ли, и как долго были востребованы²³. На сегодняшний день можно говорить о том, что судьбы мелких норманнских сеньоров и местных землевладельцев, выполнявших при норманнах управленческие функции, оказались во многом схожими. Эпизоды восходящей социальной мобильности в обеих группах уже с середины XII века были чрезвычайно редкими. Более того, к началу XIII века отмечаются случаи, когда бывший мелкий сеньор несет обязанности серва²⁴. В то же время, средний феодальный слой растет за счет прибытия «латинских элементов», в частности из Ломбардии.

В историографии норманнской Сицилии есть специфические, можно сказать «вечные» проблемы, которые существуют с самого начала научных штудий по норманнской Сицилии. Немалая часть этих проблем порождена спецификой и недостаточной информативностью наших источников.

Нельзя сказать, что последние исследования помогли ввести в оборот новые документы. Скорее, в новых работах можно наблюдать более жесткий и критичный отбор источников. Так, довольно долго исследователи использовали документы норманнской Южной Италии, чтобы восполнить информационные лакуны сицилийской истории, но после убедительных исследований Е. Куоццо²⁵ пришлось отказаться от некоторых из них. В частности, Е. Куоццо убедительно продемонстрировал, что «Каталог баронов» может быть использован только для анализа социальных структур континентальной Италии и практически неприменим для Сицилии.

Еще одним постоянным предметом дискуссий в историографии норманнской Сицилии, порожденным недостатком источников, выступает вопрос о том, имелись ли на Сицилии арьервассальные светские феодальные владения²⁶. Действительно, среди дарений норманнского периода заметно абсолютное преобладание частных и королевских актов дарения церквям над дарениями светским лицам. Некоторый свет на эту проблему проливают исследования Э. Фарделла²⁷. Исследуя материалы XI–XVI веков, он приходит к выводу, что слой мелких сеньоров, начиная с норманнской эпохи, постоянно размывался. Их владения становились достоянием церкви и крупных сеньоров, состоявших в родстве с правящей династией. Во время частых смут, происходивших на Сицилии, эти владения переходили из рук в руки без документального оформления, чем и можно объяснить редкость светских актов дарений.

Э. Фарделла полагает, что хотя дарения мелким сеньорам встречаются чрезвычайно редко, это еще не значит, что у крупных сеньоров не было собственных вассалов. Мы обнаруживаем их при дворе господина, в его суде, когда они в качестве свидетелей подписывают документы, составленные от имени сюзерена²⁸. Благодаря усилиям другого историка норманнской Сицилии П. Коррадо, стало очевидным, что наделение земель на острове не было стихийным. Напротив, оно носило организованный характер. Изъятие земли сопровождалось подробной описью земельного владения и крестьян, которая велась на греческом или арабском языках. Последнее, по-видимому, зависело от того, какое население преобладало в этом районе²⁹.

В целом общество норманнской Сицилии в исследованиях конца XX – начала XXI веков предстает как чрезвычайно динамичная и жизнеспособная структура, сознательно выстроенная и представлявшая собой, несмотря на все своеобразие, специфический вариант европейского средневекового общества.

G.A. Rtishcheva

On defining peculiarity of Norman Sicily society

Author defines the main tendencies, represented in West European historiography of Norman Sicily of the end of XX – beginning of XXI century. Author refers: studying of «cultural gap» in the history of Sicily, investigation of nature of Norman monarchy, studying the problem of different ethnic and confessional groups' participation in management, as well as investigation of attitude between social status and ethnic origin and denomination of people, who inhabited Norman Sicily, — to the most significant for European historiography lines.

Keywords: Norman Sicily; West European historiography; ethnic and confessional groups.

Примечания (Endnotes)

¹ *Gregorio R.* Considerazioni sopra la storia di Sicilia dai tempi normanni sino ai presenti, a cura di A. Saitta / R. Gregorio. – Vol. 3. – Palermo, 1972; Vol. I, lib. I, capp. II, V; lib. II, cap. IV, VI, VII.

² *Tramontana S.* La monarchia normanna e sveva / S. Tramontana // Il Mezzogiorno dai Bizantini a Federico II (Storia d'Italia diretta da G. Galasso, vol. III). – Torino, 1983.

³ *Peri I.* Uomini, città e campagne in Sicilia (XI–XIII sec.) / I. Peri. – Bari; Roma, 1978.

⁴ *D'Alessandro V.* Storiografia e politica nell'Italia normanna / V. D'Alessandro. – Napoli, 1978.

⁵ *Gregorio R.* Op. cit. – Vol. I, lib. I, cap. II, V; lib. II, cap. IV, VI, VII.

⁶ Ibid. – Cap. II, V, lib. II.

⁷ Ibid. – P. 74.

⁸ *Gallina M.* L'Italia mediterranea e gli incontri di civiltà / M. Gallina, C. Villa. – Roma; Bari, 2001.

⁹ *Tramontana S.* Op. cit.

¹⁰ *Caravale M.* Il regno normanno di Sicilia / M. Caravale. – Milano; Bari; Roma, 1978.

¹¹ *Peri I.* Op. cit. – P. 160–164.

¹² Ibid. – P. 97.

¹³ *Gallina M., Villa C.* Op. cit. – P. 95–165.

¹⁴ Ibid. – P. 168.

¹⁵ *Tabacco G.* Il sistema delle fedeltà e delle signorie nell'area mediterranea / G. Tabacco // Studi medievali. – S. III, 20 (1979). – P. 409–415.

¹⁶ *Caravale M.* La feudalità nella Sicilia normanna / M. Caravale // Atti del Congresso internazionale di studi sulla Sicilia Normanna (Palermo, 4-8 dic. 1972). – Palermo, 1973. – P. 63.

¹⁷ Ibid. – P. 21–50.

¹⁸ *Cuozzo E.* L'unificazione normanna e il regno normanno svevo / E. Cuozzo // Storia del Mezzogiorno, a cura di G. Galasso e R. Romeo. – Vol. II. – Napoli, 1989. – P. 9–243.

¹⁹ *Caravale M.* Il regno normanno...

²⁰ *Fardella M.* La struttura amministrativa del regno normanno / M. Fardella // Congresso internazionale di studi sulla Sicilia normanna. – Palermo, 1973. – P. 213–224.

²¹ *Corrao P.* Gerarchie sociali e di potere nella Sicilia normanna (XI–XII secolo). Questioni storiografiche e interpretative / P. Corrao // Senores, siervos y vasallos en la Alta Edad Media (XXVIII Semana de Estudios Medievales, Estella, 16–20 julio, 2001). – Pamplona, 2002. – P. 459–481.

²² *D'Alessandro V.* Il regno normanno, Idea e realta, in La cristianita dei secoli XI e XII in Occidente: coscienza e strutture di una societa / V. D'Alessandro. – Milano, 1983. – P. 102–122; *Matthew D.* I normanni in Italia / D. Matthew. – Bari-Roma, 1997. – P. 99–101; *Tramontana S.* Citta, ceti urbani e connessione fra possesso fondiario e potere nella monarchia di Ruggero II, in Societa, potere e popolo nell'eta di Ruggero II. Atti delle terze giornate normanno-sveve / S. Tramontana. – Bari, 1977. – 23–25 maggio; Bari, 1979. – P. 157–172.

²³ *Bresc H.* Feodalite coloniale en terre d'Islam. La Sicile (1070–1240) / H. Bresc // Structures feudales et feodalisme. – P. 631–645; Lo stesso autore. La feudalizzazione in Sicilia dal vassallaggio al potere baronale, in Storia della Sicilia, dir. Da R. Romeo. – Napoli, 1980. – P. 501–544.

²⁴ Ibid. – P. 532.

²⁵ *Cuozzo E.* «Quei maledetti Normanni». Cavalieri e organizzazione militare nel Mezzogiorno normanno / E. Cuozzo. – Napoli, 1989; *Cuozzo E.* Catalogus baronum. Commentario / E. Cuozzo. – Roma, 1984. – P. 95.

²⁶ *Bresc H.* Feodalite... – P. 639–640; La feudalizzazione in Sicilia... – P. 544.

²⁷ *Fardella E.* I feudi comitali di Sicilia dai Normanni agli Aragonesi / E. Fardella. – Milano, 1974.

²⁸ Ibid. – P. 31; *D'Alessandro V.* Il nobile, in Condizione umana e ruoli sociali nel Mezzogiorno normanno-svevo / V. D'Alessandro // Atti delle none Giornate Normanno-Sveve. – Bari, 17–20 ottobre 1989. – Bari, 1992. – P. 419.

²⁹ *Corrao P.* Op. cit. – P. 469–470.

Е.И. Хаванов

Место встречи — Берлин

На основе документов, исторических трудов и других материалов автор описывает в публицистическом жанре историю основания Коммунистического интернационала молодежи. Это произошло в Берлине 90 лет тому назад. Специальное внимание уделено Лазарю Шацкину, который был делегирован в Берлин Советской Россией.

Ключевые слова: молодежные движения; Коммунистический интернационал молодежи; Лазарь Шацкин.

90 лет назад на нелегальном конгрессе в Берлине был основан Коммунистический Интернационал Молодёжи. Как это было?

В нынешнем году, объявленном Президентом России Годом молодёжи, особенно остро встал вопрос подрастающего поколения, со всеми его проблемами и заботами. Это не только проблемы молодежи, но и проблемы будущего нашей страны, народа, цивилизации. Исторический календарь года подготовил немало «сюрпризов» в форме «круглых» и не очень «круглых» дат. Одна из них — 90-летие Коммунистического Интернационала Молодёжи.

Говорят, коммунистическая проблематика сегодня выходит, или уже вышла из моды. Не спорю: основания для такого утверждения есть. Тем более, когда речь идёт о тех, кто нашёл себя, кто неплохо устроился в постсоветском мире. Ну, а о тех, кто родился и вырос в ельцинскую и постельцинскую эпоху, и говорить нечего: многое из того, чем жили их отцы, им просто неизвестно. В.В. Путин ещё при Ельцине заявлял на информационном сайте правительства России: «Почти три четверти уходящего столетия Россия жила под знаком реализации коммунистической доктрины. Было бы ошибкой не видеть, а тем более отрицать несомненные достижения того времени»¹.

Нельзя быть нигилистами. Нельзя, поддаваясь одномоментным, стадным инстинктам, отказываться от того, что складывалось десятилетиями, от накопленного исторического опыта. А именно так было в ещё недавние, как теперь мы выражаемся, «бандитские 90-е»², годы «ельцинской воровской эпохи»³, когда страна по всем экономическим и социальным параметрам была отброшена далеко назад.

Так произошло и с молодёжной политикой, работой среди подрастающего поколения. То, что сложилось чуть ли не за целый век, было не просто отброшено, а буквально вырвано с корнем, выкорчевано политически и организационно. Был 40-миллионный комсомол — союз, хорошо или не очень, но руководивший всем молодым поколением страны, сплачивавший его на базе существующего общественно-политического строя, защиты государства и его союзников и друзей во всём мире. А остались десятки групп и группок, разделённых идеологическими барьерами, о которых как о молодёжном движении и говорить неприлично.

Сегодня очевидно, что 20 лет назад, во время перестройки, охватившей страну, во многом перестарались. В том числе и по проблемам молодёжи. Ныне даже от В.В. Жириновского можно услышать ностальгические фразы об организации типа бывшего комсомола. Да и кадры, вышедшие из рядов союза, подтверждают его репутацию. Это показал и юбилей: вскоре после указа Президента о проведении Года молодёжи в стране отмечалось 90-летие создания ВЛКСМ. И хотя в его адрес были и колкие замечания (в связи с именами таких его сынов, как Ходорковский, Прохоров⁴), юбилей в целом отмечен вполне достойно. Мораль, которая вытекает из сказанного: опыт организации молодёжи нужен — несмотря ни на какие перемены, его нельзя игнорировать. Ни с точки зрения политической, ни тем более, организационной. Политический опыт важно знать, независимо от того, какая идеология в данный момент доминирует. Ведь в любом случае это наш, отечественный опыт. Ну, а организационный опыт вообще не имеет границ. И практически всё, что предлагал В.И. Ленин, другие левые лидеры, вполне приемлемо, так или иначе, к молодёжному движению вообще, как таковому, независимо от классовой его принадлежности.

Надо полагать, что в Год молодёжи названные аспекты попадут в орбиту внимания общественности. Найдут продолжение и, в частности, в такой сфере, как международная деятельность комсомола. Тем более, что её можно воспринимать как продолжение комсомольского юбилея: 90 лет назад, в 1919 году, при активном участии РКСМ, на нелегальном конгрессе в Берлине, был основан КИМ — Коммунистический Интернационал Молодёжи. О нём мы и расскажем.

Итак 1919-й. Стрелки политических барометров, резко скакнувшие в октябре 1917-го влево, оставались на отметках «буря». И над многими странами действительно бушевали ураганные ветры революций. Да, временами казалось, что они уже достигли максимальных значений и теперь пойдут на убыль. Обитатели дворцов, с которых ураган посрывает крыши, постепенно приходили в себя. И даже смелели, ругая разбушевавшуюся стихию, угрожая, пытаясь её укротить. Революции продолжались. Рабочий класс, основной носитель ураганной силы, по-прежнему наступал. Но какого упорства это стоило! В красной России, эпицентре всех потрясений, едва удавалось отбить один поход контрреволюции, как начинался второй. Потом третий...

Или взять самый центр Европы — Германию. После январского поражения в Берлине, стоившего жизни популярных вождей пролетариата — Карла Либкнехта и Розы Люксембург, — возникла молодая советская республика в Бремене. После её поражения — советская республика в Мюнхене. Бои в Руре и других районах. Наступление, победы, поражения и снова бои. Чем упорнее становилась борьба, тем острее вставал вопрос об организации. Былые непримиримые враги — империалистические заправилы, ввергнувшие народы в кровопролитную войну, теперь стали союзниками, создали единый лагерь контрреволюции. Должен был соответствующим образом сорганизоваться и революционный пролетариат. Возникали коммунистические партии. В начале марта образовался Коммунистический Интернационал.

Одна из примет года — множество молодых лиц. Возбуждённые, одержимые революционной романтикой, смелые, они были повсюду. Ураганные ветры вывели их на улицы, поставили на баррикады, двинули на поля сражений. Но молодые были не только среди тех, кто шёл под красными знамёнами. В шинелях старого, царских времён покроя, в которые одевали солдат в колчаковской, деникинской армиях, тоже была молодёжь. Как и среди английских, американских солдат, высадившихся в портах советской республики, среди матросов французских кораблей, бросивших якоря в её водах. А среди тех «штатских» громил, которые с видом ура-патриотов избивали на улицах европейских городов рабочие демонстрации? Всё это наглядно и убедительно показывало: молодёжь — сила, и от того, на чьей она стороне, зависит многое. Истина в общем-то не новая. Испокон веков коронованные отцы отечеств и титулованные особы старались подогнать юнцов под старые ранжиры, воспитать из них послушных, дисциплинированных исполнителей воли старших по существующей иерархии. Но особенно настойчиво боролись за молодёжь противники всех и всяких иерархий — революционеры.

Предвидя бурные классовые битвы и активную роль в них молодёжи, В.И. Ленин на заре столетия разрабатывает программу классового, революционного воспитания пролетарского юношества. Первый и самый главный её пункт — в призыве к партийным организациям: «шире и смелее, смелее и шире, ещё раз шире и ещё раз смелее вербовать молодёжь, не боясь её»⁵.

Другой выдающийся революционер К. Либкнехт не уставал напоминать своим товарищам: «Кому принадлежит молодёжь, тому принадлежит будущее», «Кому принадлежит молодёжь, тому принадлежит армия». В 1907 году в Штутгарте, вместе с молодыми делегатами проходившего там конгресса II Интернационала, Либкнехт основал Интернационал молодёжи. Международное объединение социалистических юношеских организаций, как он официально назывался, решительно выступило против милитаризма и войны. Эта позиция подтверждалась и в последующем. Правда, когда началась мировая война, эти постановления в большинстве стран не были выполнены. Как и социал-демократические партии, многие юношеские союзы поддались социал-патриотическому ажиотажу. И сам

Интернационал молодёжи оказался как бы между двух стульев. Его секретарь — австрийский социал-демократ Р. Даннеберг примкнул к соглашателям. Интернациональные связи юных пошли на убыль.

И всё-таки Интернационал выжил. Швейцария, где было много эмигрантов из многих стран, где находилось немало российских большевиков во главе с Лениным, стала средоточием интернациональных контактов⁶. В мае 1915 года представители молодёжных организаций провели в Берне встречу, где вновь подтвердили свою приверженность интернационализму и антимилитаризму. Избрали международный секретариат во главе с В. Мюнценбергом, сторонником возникшей вскоре «Циммервальдской левой». Это было возрождением интермола. И 1919 год в этом отношении стал определяющим.

Первые дни весны. В Москве открывается I-й Учредительный конгресс Коминтерна. Секретарь интермола Мюнценберг должен был участвовать в нём, продемонстрировав причастность к Коммунистическому Интернационалу революционного пролетарского юношества. В Москву, однако, он не смог приехать — незадолго до этого его арестовала германская полиция.

Тем временем в советской столице, выполняя решение I съезда Российского комсомола, выступившего с инициативой создания нового, Коммунистического Интернационала Молодёжи, ЦК РКСМ организует совещание представителей союзов молодёжи. Начинает работу комиссия по подготовке международного конгресса, выработке проекта его документов. В составе комиссии — Шацкий (от РКСМ), недавно прибывший из Германии Курелла (Циглер), литовец Грейфенбергерис (Виктор), финн Райло и народный комиссар Венгерской советской республики - Самюэли⁷.

О созыве конгресса думали и в цюрихском секретариате интермола. Там дела шли труднее. Швейцарские власти препятствовали его работе. Мюнценберга ещё в ноябре 1917 года арестовали, интернировали и как немецкого подданного выслали в Германию. Попытка провести в Базеле летом 1919 года очередную международную конференцию не удалась.

Наконец, усилия инициаторов созыва конгресса, сконцентрировавшихся в Москве и Цюрихе, объединились. Местом созыва форума был назван Будапешт, столица революционной Венгрии. Увы, критическое положение республики заставило перенести конгресс в более спокойную Вену. Но и сюда к назначенному дню 25 августа прибыли представители лишь шести стран. Провели совещание. Определили новое место проведения конгресса — Берлин, приблизительный срок, порядок дня, состав участников. Избрали Временный комитет для дальнейшей его подготовки.

Почему же такой трудной оказалась, на первый взгляд, столь ординарная задача — собраться вместе представителям молодёжи из разных стран? Конечно же, из-за сложности обстановки. Думается, что её в значительной мере охарактеризует одиссея Лазаря Шацкого, делегированного на конгресс в качестве представителя молодёжи революционной России.

Сначала — о самом Шацкине. Дитя революции, он уже в 15 лет, в мае 1917 года вступил в ряды большевистской партии. Был секретарём Московского комитета Союза молодёжи, созданного при МК РКП(б). В 16 лет участвовал в гражданской войне, сражался на Южном фронте. С момента создания РКСМ — один из его ведущих деятелей. Имел непосредственный контакт с Лениным. Выходец из образованной семьи, он, несмотря на юный возраст, обладал широкой эрудицией и культурой. Знал проблемы зарубежной молодёжи, хорошо разбирался в теоретических вопросах молодёжного движения. Свободно говорил по-немецки. Теперь, в 1919 году, семнадцатилетнему юноше даётся ответственнейшее поручение Российского комсомола — быть его полномочным представителем во всех делах, связанных с созданием КИМа⁸.

В конце июля Шацкин отправился на конгресс. Перед этим — встреча с Лениным, который собственноручно написал ему удостоверение, призывая органы советской власти оказывать предьявителю сего всяческое содействие и помощь. Однако эта «охранная грамота» действовала лишь там, где существовала советская власть. А потом дорогой документ пришлось уничтожить: предстоял переход через несколько фронтов и границ, через Украину, где были не только красные, но и белые, и зелёные, и бог знает какие. Через Румынию. Чаще всего приходилось играть роль военнопленного австрийца, пробирающегося домой. Увы, это не гарантировало от задержаний, от сидения в разных кутузках и сараях. Так что пришлось уничтожить и кусок Китайского шелка на нижнем краю пиджака с впечатанным текстом — делегатский мандат. Прошёл не одну сотню километров пешком, в том числе по крутым контрабандистским, кабаньим тропам.

На случай, если Шацкину не удастся попасть на конгресс, туда же другим, северным путём — через Прибалтику, Польшу и Германию — отправился заместитель делегата, которым назначили Альфреда Куреллу. С этой целью он, немец, приехавший к Ленину с поручением от компартии Германии, был принят в комсомол и избран в бюро ЦК РКСМ. Выработанные в Москве проекты программы и устава КИМа были отправлены третьим путём. На всякий случай, если программа и устав не будут доставлены, Шацкин и Курелла выучили их наизусть. Около месяца пробирались они к установленному месту сбора. Задача усложнялась тем, что ко времени окончания их опаснейших путешествий советская республика в Венгрии пала. В Будапеште свирепствовала контрреволюция, появляться там было уже нельзя. Курелла узнал об этом только в Берлине. Там же ему сообщили, что ехать надо в Вену.

А Шацкин? Когда его заместитель прибыл в новый пункт назначения, самого делегата не было, и никто о нём ничего не знал. Но так или иначе РКСМ был представлен, составленные по его инициативе проекты документов (выученные — письменные так и не пришли, бесследно исчезнув) приобщались к другим проектам. Но в первый день совещания стало известно и о Шацкине. «Меня, — вспоминал впоследствии Курелла, — попросили зайти в редакцию коммунистической ежедневной газеты «Роте фане»: там меня кто-то спрашивал. Я долго разглядывал совершенно оборванного, грязного,

обросшего густой бородой молодого человека, который стоял передо мной, прежде чем узнал в нём Лазаря Шацкина. Ему действительно пришлось тяжело: он был трижды арестован, а ещё раньше начисто ограблен. И если он каждый раз вновь оказывался на свободе и мог продвигаться дальше, то это только благодаря своей находчивости и энергии»⁹.

И вот, наконец, он среди друзей, хотя и незнакомых, но, несомненно, единомышленников, товарищей, братьев. Полчаса — и уже нет бороды, нет лохмотьев. Вместе с ребятами на обед, а затем на очередное заседание идёт ещё один юноша в венском костюме, манишке и галстукке. Далёкая дорога, правда, давала о себе знать. Друзья были увлечены дискуссией, когда Шацкин, не выдержав испытания — теперь уже мягким креслом, — крепко заснул.

Совещание продолжалось два дня. Было много споров, поводов для которых было предостаточно. Кто, например, будет представлять на конгрессе юных пролетариев Австрии? Молодые социалисты, духовным наставником которых является Даннеберг, или только что созданный Коммунистический союз молодёжи во главе с Рихардом Шюллером?¹⁰

Хотя Вену тогда называли красной (в её муниципалитете преобладали социалисты) и хотя сам Даннеберг — фигура, близкая к австрийским правительственным кругам (социалисты тогда входили и в правительство) обещал посланцам молодёжи из других стран личную безопасность, приключения Шацкина продолжались и здесь. Больше того — их невольными «героями» стали и другие участники международной встречи. Проснувшись однажды поутру, Шацкин и Курелла увидели в своём гостиничном номере полицейского шпика в штатском. Он спокойно изучал их бумаги, ожидая пробуждения жильцов, чтобы объявить им об их аресте. Ничего не подозревая, поочерёдно входили в комнату Мюнценберг, ещё один немец по фамилии Бартель, поляк Орский. Всех их непрошенный пришелец включал в группу арестованных. Потом — полицейский участок и общая камера в тюрьме. Возможность обсуждать вопросы предстоящего конгресса, конечно же, оставалась, но настроение было уже не то. Тем более, что их почти не кормили. Наконец, через несколько дней выслали за границу в Германию. И здесь молодых интернационалистов ждали почти детективные приключения. На улицах Берлина — броневики и пулемёты с носкитами (так берлинцы окрестили солдат из частей «кровавой собаки» Носке — социал-демократического министра внутренних дел, подавлявшего выступления рабочих), патрули, офицеры с моноклями, проститутки, полицейские шпики, безработные пролетарии. Компартия и Союз свободной социалистической молодёжи запрещены, то есть уже только принадлежность, даже только косвенное отношение к ним сурово караются.

У Временного комитета по созыву международного конгресса дел невпроворот. Поддерживать контакты с зарубежными организациями обеспечить переход направляющихся делегатов через границу, проезд по территории Германии, жильё, места заседаний, окончательно решить вопросы порядка дня, подготовить проекты документов и многое другое. И всё это — при соблюде-

нии полной конспирации. Германские товарищи взвалили основную тяжесть забот на свои плечи, но не оставались в стороне и другие. Скандинавы, например, взялись обеспечить делегатов питанием — с ним тогда в Германии было очень тяжело.

Подготовка конгресса продвигалась с трудом. Собравшихся в Берлине делегатов перевезли в относительно тихий Веймар. Там, казалось, можно будет поработать спокойнее. Однако уже встречавшие на вокзале юноши и девушки с условленными букетами цветов вели себя недостаточно осторожно, вселив беспокойство и насторожённость в души организаторов. Потом стало известно о предстоящей забастовке железнодорожников. Не отрежет ли она делегатов от Берлина, от всего мира? Тем более, что здесь были представлены лишь восемь стран. Портили настроение и первые признаки надвигающейся зимы, которая обещала быть необычайно ранней и холодной. Словом, переночевав в нетопленных и голодных квартирах, Временный комитет и все делегаты решили вернуться в Берлин.

И опять затяжка, на несколько недель. Но зато выиграли кое-что существенное. Число представленных стран дошло до четырнадцати. Время, проведённое в ожиданиях, конечно, не было потерянным. Самое главное — узнали друг друга, сдружились. Сутуловатый, среднего роста мужчина с симпатичным лицом — это Мюнценберг, признанный лидер молодых интернационалистов. Несмотря на свои тридцать лет, выглядит очень молодо. Он, пожалуй, больше остальных чувствует свою ответственность за судьбу интернационала, старается говорить со всеми. Рядом с ним почти мальчиком смотрится Шацкин: невысокий рост, пухлые губы. Но в глазах — интеллект, в голосе твердость. Мал ростом и венгерский делегат Янош Лекаи. Но это — молодёжный лидер национального масштаба, да помимо того, интересный поэт. А вот смуглый и черноволосый Шюллер, вожак австрийских комсомольцев, энергичный, задиристый и даже агрессивный, особенно когда спорит. В общей сложности их 20 человек, непохожих по внешности и характерам, наклонностям и вкусам. А все вместе они олицетворяют рождающийся Коммунистический Интернационал Молодёжи.

Берлин, 20 ноября. «Сегодня открывается съезд, — вспоминал Шацкин. — Встаю рано. Прыгаю на всём ходу с трамвая, вскакиваю на другой, потом в третий. Исчезаю в подземной электрической дороге, чтобы избавиться от шпигов, если они есть. Какая ответственность! Неосторожный шаг — и весь съезд провалится. Подхожу к пивной, где должно состояться первое заседание конгресса. На улице гуляют зелёные — политическая полиция. Это наводит на неприятные размышления. Два человека стоят в воротах, шагах в двадцати от пивной, по другой стороне улицы. С разъярённым видом вхожу в трактир, стараясь произнести «добрый день» с настоящим берлинским акцентом. Хозяин — наш. Он кивает на дверь в соседнюю комнату. Трактирные гости, сидящие за проклятым немецким пивом, не обращают на меня внимания».

Так требовала конспирация. Пивные в городе — чуть ли не на каждом шагу. И почти в каждой, вместе с основным залом, куда заходят по одному — по два, за ним есть и маленькие зальчики, которые хозяин сдаёт как бы оптом — для коллективных выпивок, а то и собраний разного рода обществ — ферейнов, которых здесь тогда было великое множество. Под такой ферейн — любителей голубеводства и маскировались делегаты конгресса. Конечно, и в таком качестве не хотели привлекать к себе внимание. Если в первый день собирались в районе Ноёкёльн, в трактире неприметной гостинички по Цитенштра-се, 29, то в каждый последующий день — в другом месте, в другом районе.

Организаторы предусмотрели и службу наблюдения, охраны. Те двое в воротах, которых видел Шацкин, идя на первое заседание, были своими. Свои же сидели в большом зале с неизменными кружками, наблюдая за обстановкой, подавая условные знаки, если что-то покажется подозрительным. Свои патрули, поодаль от «зелёных», ходили по улице.

Были, впрочем, и нарушения конспирации, к счастью — без последствий. К примеру, в первый день конгресса, когда товарищ из Швеции доставил в заветную комнату обещанный провиант. Чего только не было в его багаже! Хлеб, бисквиты, мясо, масло, шоколад, папиросы и даже сигары — сам вид этих сокровищ вызвал восторг. Непроизвольно вырвалось громкое: «Ура! Да здравствует Шведский союз молодёжи!» Из-за конспирации не все достаточно скоро отыскивали место сбора. Собрались к трём часам пополудни. Расселись вокруг стола. Тусклый свет электрических лампочек не снижал торжественности момента. Да, совершалось событие мирового значения.

Без аплодисментов, вполголоса и совсем простые слова произносил Мюнценберг, но как гулко и чеканно — словно шаги часового или удары часов — отдавались они в сердцах двух десятков парней, за которыми, по самым скромным подсчётам, стояли 200 тысяч молодых людей, а то и многие миллионы. Мюнценберг говорил, что ни один конгресс интермола, включая и тот, либкнехтовский, не был столь представительным. И то, что в снятую ребятами комнату трактира, в крохотную точку планеты, казалось, затерявшуюся среди людского океана, кишашего пьяной солдатнёй, шпиками и прочими, им подобными, сумел пробраться и сидит за общим столом представитель Исполкома Коминтерна, воспринималось как признание. Как награда за смелость и мужество и аванс за будущие подвиги во имя Революции.

Конгресс объявляется открытым. Звучат приветствия. На конгрессе присутствует почётный гость. Это итальянский юноша Франческо Мизиано. Он уже признанный революционер-интернационалист. У себя на родине боролся против войны. Будучи солдатом, дезертировал из армии, отправился в Советскую Россию. Путь его лежал через Германию. А здесь — это был январь 1919 года — как раз пошли друг на друга революция и контрреволюция. Остаться в стороне бывший солдат, конечно, не мог, винтовка нашлась и для него. Бой на баррикаде у редакции рабочей газеты... Отряд пролетариев мужественно сражался, но враг оказался сильнее. Буржуазный суд приговорил

Франческо к 10 годам заключения, но просидел он в тюрьме менее года. Его освобождения требовали германские рабочие. А дома, в Италии, его тем временем избрали депутатом парламента. Тяжёлая тюремная дверь открылась. И вот теперь, перед отъездом на родину, Франческо Мизиано приветствует делегатов международного конгресса молодёжи. Своё вынужденное бездействие за решёткой он расценивает как «отдых» и теперь горит желанием взяться за настоящую работу.

Шацкин передаёт слова привета от своих товарищей из страны Октября. Это очень волнует делегатов. Они словно на боевой переключке в одном строю с российскими большевиками, с бойцами Красной армии. Шацкин также зачитывает письмо участника германской и российской революций, члена ЦК большевистской партии Карла Радека. Как представитель РКП(б) он принимал участие в учредительном съезде Компартии Германии. Вместе с коммунистами руководил борьбой рабочих и вместе с другими руководителями КПГ был брошен за решётку. Оттуда и поступали его письма, вдохновлявшие борцов. «Не нам, поколению, заслужившему свои шпоры в дни мира, суждено довести борьбу до конца, до окончательной победы, — говорилось в его письме. — Это сделаете вы, юноши, восставшие в огне мировой войны и мировой революции. Вы будете творцами новой жизни. Поэтому вы должны уже теперь сознавать всю ответственность тех великих задач, которые вас ожидают. Старшее поколение носит в своём мозгу глубокие следы мирной эпохи рабочего движения: нерешительность, мягкость. Вы, рождённые в громе пушек, вы, рождённые в революционной обстановке, вы окажетесь достойными требований эпохи. Эти требования: Холодная рассудительность. Железная суровость. Величайшая отвага и самопожертвование».

Было зачитано приветствие ЦК Компартии Венгрии. В нём выражалось сожаление, что конгресс не удалось провести в Будапеште. Что была сорвана работа по построению нового мира в этой стране. Руководители КПВ призывали революционную молодёжь учиться на венгерском примере. Главный урок, говорили они, состоял в недопустимой уступчивости, в склонности к компромиссам в момент, когда всякая уступка смерти подобна. Это и погубило революцию. Конгресс выразил свою горячую солидарность с героической борьбой революционной России. Вместе с Мюнценбергом делегат российской молодёжи Шацкин был избран председателем конгресса, а Курелла — одним из секретарей. Выступлением Шацкина началась работа по первому пункту порядка дня — положение молодёжи в отдельных странах.

Конгресс проходил неделю. Места заседаний, как уже сказано, постоянно менялись. После нескольких трактиров с их кисловатым запахом ребят ожидал сюрприз: ателье берлинской художницы. На заседание шли как на урок этюда — с кистями и прочими принадлежностями. Дискуссии о политике и борьбе молодёжи проходили среди картин и гипсовых фигур. Понятно, что и здесь нельзя было забывать об осторожности. Ораторы приглушали голоса, а то и вовсе замолкали, если за стеной раздавались шаги.

А в общем конгресс прошёл спокойно и организованно¹¹. Намеченный порядок дня выполнили полностью. По всем вопросам, требовавшим обсуждения, проводились прения. Основные речи стенографировали, вёлся подробный протокол, который позднее был опубликован. И в то же время полицейские службы ни разу не засекали ребят, ни разу не вторглись в их рабочие аудитории. Не было ни одного ареста или задержания.

Проведение конгресса в Берлине стало заметным рубежом в становлении революционного юношеского движения новой эпохи. Его участники обсудили самые главные вопросы, волновавшие в то переломное время многих их товарищей и ровесников: Что есть современный мир? Что в нём происходит? Каковы роль и место юных пролетариев в этой наивысшей точке противоборства, принявшего всемирный характер? Конгресс решительно встал на сторону мировой революции, олицетворением которой были Советская Россия и Коммунистический Интернационал.

Делегаты приняли обращение «К русскому пролетариату», воздавая дань его мужеству и героизму. Родившийся в Берлине КИМ присоединился к Коминтерну, стал его секцией. Были приняты Программа и Устав, ориентировавшие молодёжь на самую решительную и последовательную борьбу против старого общества, за утверждение жизни на самых справедливых и благородных принципах.

...Пройдёт несколько лет, десятилетий, и на страницах книг о том забываемом времени, воздающих должное основателям КИМа, появятся и суровые, критические строки. Историки, выросшие в период культа Сталина или принявшие «инъекции» сталинизма в более поздние годы, усмотрят криминал в том, что конгресс принял решение о присоединении к Коминтерну не сразу, а после дискуссии. Что в этой дискуссии были не только «за», но и «против», отдельные делегаты сначала выразили сомнение: а не ограничит ли это самостоятельность молодёжи и не получится ли так, как в старых реформистских партиях? И хотя в конце концов за присоединение проголосовали все, суровые критики простить не могут: мол, всё-таки некоторое время колебались...

Постфактум достанется и Шацкину: не сумел-де до конца провести на конгрессе проекты документов, которые были составлены в Москве, при непосредственном участии Ленина. А недогляд Шацкина заключался якобы в том, что в Программу попала, просочилась формула: сотрудничество с компартиями — вместо того, чтобы сказать о полном и безоговорочном подчинении им. Судить об этом сегодня непросто: проекты ведь так и не были найдены. Но о том, что это была «ошибка», не могли догадаться ни сам Шацкин, ни руководители Коминтерна, ни даже Ленин.

Но больше всего достанется — Мюнценбергу, Шацкину и всем — за принятый на конгрессе «Манифест к молодёжи мира». Призыв к борьбе верен безусловно. Но там есть такие слова: «Как и до сих пор, на всех этапах классовой борьбы пролетариата, мы должны стоять во главе масс, указывать им путь»¹². Эти

слова будто и есть доказательство злого умысла собравшихся в Берлине двадцати парней, их авангардизма — стремления оттолкнуть коммунистические партии от руководства рабочим движением и захватить его в собственные руки. Но, дорогие критики, компартий-то в то время во многих странах практически ещё не было, они ещё только возникали. И если бы где-то союз молодёжи смог бы сделать для рабочего класса больше, чем партия, — дай бог! Такие примеры были, и Коминтерн потом, в 1921 году на своём III конгрессе это признает и оценит. И никогда ни Ленин, ни Коминтерн не увидят в молодёжных союзах соперников партий. Партия — практически любая, любой идеологической ориентации — завоевывает молодёжь прежде всего и главным образом своей политикой. Только когда партийная политика перестаёт быть привлекательной для молодёжи и партия не знает, как её сделать таковой, вот тогда появляются основания бояться молодёжи. В 1919 году таких оснований не было. КИМ был создан, присоединился к Коминтерну, призвал молодёжь к борьбе под его знамёнами. Одержимые революцией, готовые отдать для неё всё, вплоть до самой жизни, делегаты Берлинского конгресса никаких других мыслей в головах не держали, никаких других целей перед собой не ставили.

Потом, когда делегаты вернутся в свои страны и будет объявлено о проведении конгресса и его результатах, журнал «Коммунистический Интернационал» сообщит, что «этот факт имеет громадное значение... Он завершает долгий период борьбы революционных организаций молодёжи всех стран против войны и социал-патриотизма, за пролетарскую диктатуру и коммунизм.» Как только достоверные сведения о конгрессе дойдут до Москвы, газета «Правда» напишет: «Коммунистический Интернационал Молодежи, к созданию которого стремились сознательные юные пролетарии всех стран, стал из мечты фактом. Да здравствует Коммунистический Интернационал Молодёжи! Да здравствует гвардия коммунистической революции!» Пленум ЦК Российского комсомола в специальной резолюции отметит, что он «с восторгом приветствует образование Коммунистического Интернационала Молодёжи и присоединяется ко всем решениям Берлинского конгресса... РКСМ, считающий себя одним из отрядов международной армии пролетарской молодёжи, клянётся быть верным членом КИМ».

Но всё это будет несколько позже. А пока ещё Берлин, последний день конгресса. Последний, седьмой по счёту трактир. Принципиальные вопросы решены, обсуждаются организационные: о Дне Либкнехта, о Международном юношеском дне, о международном журнале. На лицах ребят — усталость. Но вместе с тем и удовлетворение от выполненного долга. Мюнценберг произносит прощальную речь. Негромко, но уверенно и дружно, на многих языках звучат слова боевого призыва: «Вставай, проклятьем клеймённый...» Конгресс закрывается. «Снова по одному выходим на улицу, — вспоминал Шацкий. — Слякоть, дождь, темно. Снова в путь, в дорогу. Снова границы, обстрелы, бегство. Но съезд состоялся. Дело сделано». 1919-й продолжал свой путь по планете.

Ye.I. Khavanov

Meeting point — Berlin

On the basis of documents, historical works and other materials the author describes in journalistic genre the history of foundation of the Communist International of Youth. It took place in Berlin 90 years ago. Special attention is paid to Lazar Shatskin, who was delegated by Soviet Russia.

Ключевые слова: youth movements; Communist International of Youth; Lazar Shatskin.

Примечания (Endnotes)

¹ Путин В. Россия на рубеже тысячелетия / В. Путин // Российская газета. – 1999. – 31 декабря.

² См.: Известия. – 2007. – 9 августа.

³ См.: Завтра. – 2007. – № 37, сентябрь.

⁴ См.: Кампус. Журнал молодых москвичей. – 2008. – № 5 (10). – Октябрь; Литературная газета. – 2008. – 29 октября.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 9. – С. 247.

⁶ См.: Привалов В. В. Образование Коммунистического Интернационала Молодёжи / В.В. Привалов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 41–61; Зиновьев А. П. Боевой отряд интернационалистов. Из истории международной деятельности ВЛКСМ (1918–1945 гг.) / А.П. Зиновьев. – М.: Молодая гвардия, 1977. – С. 12–13.

⁷ См.: Славный путь Ленинского комсомола. – М.: Молодая гвардия, 1974. – Т. I. – С. 208–210.

⁸ См.: Галаган А., Зиновьев А. Мужество / А. Галаган, А. Зиновьев // Возвращённые имена. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 306–307.

⁹ Kurella A. von Lenin geleitet / A. von Kurella // Deutschlands Junge Garde. – Bd. 1. – Berlin: Neues Leben, 1959. – S. 174–175; Дружба всего дороже. – М.; Берлин: Молодая гвардия, 1967. – С. 25.

¹⁰ Kurella A. Op.cit. – P. 177.

¹¹ Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. 1904–1945. – Berlin: Neues Leben, 1973. – S. 257–259.

¹² Коминтерн, КИМ и молодёжное движение (1919–1943): Сборник документов. – Т. 1. – М.: Изд-во политической литературы, 1977. – С. 46.

Г.А. Ртищева

Человек «большого времени». Размышления о судьбе и творчестве профессора И.Н. Осиновского

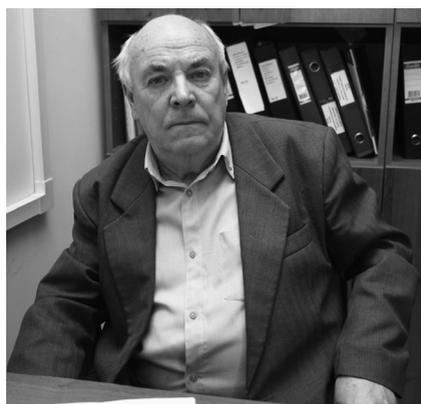
Статья посвящена жизни и творчеству специалиста в области истории Англии XVI века и истории общественной мысли в Европе периода Ренессанса. Автор стремится рассматривать судьбу и творчество ученого в тесной связи с судьбой отечественной науки и историей страны. Согласно мнению автора, И.Н. Осиновский — ведущий специалист в изучении творчества Т. Мора в контексте ренессансного гуманизма.

Ключевые слова: И.Н. Осиновский; Т.Мор.

Игорь Николаевич Осиновский — человек интеллигентный, чрезвычайно мягкий, терпимый, добрый — родился¹ и рос во времена, не слишком способствовавшие формированию этих черт и свойств характера. Но характер, как известно, формируют не столько события, сколько отношение к ним тех, кого мы любим, кому доверяем.

Семья его жила в Москве, на Тверской, в Лоскутной гостинице. Окна выходили на Обжорку, где собирались грязные, голодные, ободранные беспризорники, которые по вечерам пели «Позабыт, позаброшен...», и первые жизненные воспоминания Игоря Николаевича — связаны с чувством жалости и сострадания к ним — «очень хотелось привести их к себе домой...».

Отец Игоря Николаевича, Николай Иванович учился в институте и работал в секретариате Кагановича, иногда ему приходилось дежурить в кабинете Сталина. Но сразу после получения диплома инженера-дорожника, он попросил, чтобы его отправили на самую далекую стройку. Его послали на Колыму.

С ним уехала и мать Игоря Николаевича,² поэтому воспитывали внука дед с бабушкой.

Про своего деда Игорь Николаевич рассказывает, что он родился в деревне, был очень смелым человеком, воевал в Китае, потом участвовал в русско-японской войне. Во время Первой мировой стал полным георгиевским кавалером и заслужил награду — орден от короля Румынии. За подвиги и службу получил личное дворянство. Во время Гражданской войны он командовал ротой в Красной армии.

Вскоре после отъезда родителей дед перевез семью в Вышний Волочек. Игорь Николаевич рассказывает, что жил там до 1941 года «в бывшей барской усадьбе с садом, прудом и конюшней в которой еще хранились шашка и кивер 1812 года, а сарайчик был завален дореволюционными книгами издательства «Нива». Завсегдатаями дома были так называемые «недобитки» (бывшие дворяне и интеллигенция городка), в доме звучала настоящая русская речь. По-видимому, очень многие интересы и предпочтения Игоря Николаевича сформировались в это раннеотроческое время. В Вышнем Волочке Игорь Николаевич начал много читать. Там же он получил и первые «ошеломляющие впечатления от музыки», любовь к которой сопровождает его по сей день. «Мне было примерно шесть-семь лет. По радио (это была та самая «черная тарелка») передавали запись оперы Вебера «Волшебный стрелок». До сих пор помню невероятные ощущения от фрагмента, когда отливают волшебные пули».

Гуманитарные интересы Игоря Николаевича определились очень рано. Любимыми занятиями были литература и история. О своих учителях, будь то вузовские профессора, или школьные преподаватели Игорь Николаевич рассказывает с неизменным уважением и благодарностью. О своих учителях 1930–1940 годов он говорит: «Методика преподавания, на мой взгляд, была замечательная, — учитель и в младших, и в старших классах очень много читал вслух», и если эта похвала в начале XXI века может показаться парадоксальной, то лишь на первый взгляд. Чтение вслух — самая искренняя интерпретация, прямая передача от сердца к сердцу имплицитных мыслей и чувств. Это — самое непосредственное выражение собственных предпочтений и неприятий, своего взгляда на мир, того взгляда, который, гораздо меньше обусловлен внешними «правильными», сиюминутными интерпретациями на злобу дня. Эта методика могла обеспечить в то время, гораздо большую связь времен, способствовать рождению человека «долгого времени». А между тем аресты близких, война, переезды, эвакуация, дискурс официальной культуры продолжали рвать связи людей и времен.

В 1945 году вернулись из эвакуации в Москву. Игорь Николаевич вспоминает: «Нас с дедом и бабушкой поселили в общежитии на Красной Пресне. Это был большой зал с койками. Люди, человек 40, жили за занавесками. Где-то была общая кухня, и там стоял куб с горячей водой».

Игорь Николаевич учился в десятом классе. Пора было выбирать профессию. Несмотря на отсутствие какого-либо интереса к точным наукам, в 1946 году Игорь Николаевич поступил на подготовительные курсы в авиационно-техноло-

гический институт — там выдавали рабочие карточки — 600 граммов хлеба. «Жизнь была на курсах более свободная, чем в школе и мы с приятелем стали ходить в театры, в консерваторию. Мы не просто пересмотрели весь репертуар Большого, Малого, Художественного театров, мы ходили каждый день, поражались разностью интерпретаций. Летом 1946 года мы решили, что станем актерами и, хотя уже были приняты в авиационно-технологический институт, подали заявление во все театральные училища и попытались в один день сдать экзамены во все театральные вузы. Но и в те времена конкурс на место был большой — мы провалились. После курсов я был зачислен в Авиационно-технологический институт. Учеба не давалась, что дальше делать было неясно».

Жизнь Игоря Николаевича круто изменил студент истфака Борис Николаевич Бурятов. Он вернулся с фронта и учился в МГПИ им. В.И. Ленина³ на историческом факультете и часто рассказывал об истфаке, о том, кто там преподает, об экспедициях. Игорь Николаевич отправился поступать на истфак МГПИ.

Об атмосфере и ощущениях того времени Игорь Николаевич рассказывает: «Закончилась война, мы были молоды, ничего не боялись, во всем была какая-то легкость. В 1947 году мои однокурсники собирались на квартире нашего комсорга Леры Герлин и слушали музыку. Это было здорово! Когда слушали оперу Мусоргского «Борис Годунов», я предложил, чтобы усилить впечатление от сцены с призраком выключить свет. Прошло немного времени, меня останавливает парторг и говорит: «Ты, как честный комсомолец, должен рассказать, правда ли, что вы собираетесь, выключаете свет, включаете музыку, а Лера морит себя голодом, чтобы вызвать галлюцинации?». Это было нелепо, но в 1948 году, на втором курсе, Леру арестовали. Ей и нам повезло, ее подруга перед арестом уничтожила все записочки, которыми обменивалась наша группа любителей музыки и, которые можно было истолковать, как свидетельства существования некой организации. Я, наивно, писал ей в Бутырку, посылал репродукции картин любимого ею Врубеля, но она ничего, конечно, не получила».

Именно тогда, на первых курсах института определился интерес Игоря Николаевича к тем периодам истории, которые были наименее политизированны в Советском Союзе. В МГПИ в то время работали замечательные преподаватели. Профессор В.Н. Дьяков читал древность; западноевропейскую литературу вел специалист по немецкой литературе средних веков, эпохи Возрождения и XVIII в. Б.И. Пуришев; спецкурс по истории Москвы читал создатель Музея истории Москвы — П.В. Сытин; историю России XIX века преподавал бывший кадет К.В. Сивков; средневековую историю читал профессор В.Ф. Семенов.

Заниматься средневековой историей Игорь Николаевич стал во многом именно благодаря А.А. Кирилловой. Она была ученицей Н.П. Грацианского, в 40-е годы вела практические занятия и спецкурсы по истории средневековья, студенческий научный кружок, водила студентов в музеи, возила в Ригу. О ней Игорь Николаевич вспоминает, как о добром друге и требовательном учителе: «Это был яркий человек. Она любила студентов, только «любимчикам» у нее было трудно — к нам Александра Андреевна была особенно требовательна: на-

грузку давала самую большую, а научные штудии разбирала особенно строго. Александра Андреевна была очень красива, но рано поседела, ее назвали «Седовласая Мирандолина». Она была смелым, мужественным человеком и не вписывалась в общую атмосферу конца сталинских времен. С подачи парторга факультета С.А. Стегаря в 1949 году ее не избрали по конкурсу, хотя она была единственной, кто подал документы. Её бы уволили, но в Министерстве заметили подлог: бюллетеней, якобы поданных против, оказалось больше, чем членов совета. Когда Александра Андреевна сама стала заведовать кафедрой она не раз приходила на помощь талантливым, неординарным людям. Заниматься историей средних веков я стал во многом именно благодаря Александре Андреевне. У нее писал работы о Макиавелли, о Гвиччардини и посещал кружок».

После окончания института Игорь Николаевич Осиновский был принят в аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина. Он стал первым аспирантом А.А. Кирилловой. В 1954 году Игорь Николаевич защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук «Социально-политические взгляды Томаса Мора».

Еще в студенческие времена Игорь Николаевич начал собирать свою уникальную библиотеку, в аспирантуре возможностей для этого увлечения стало больше — каждый аспирант получал на книги 100 рублей — по тем временам немалую сумму. Для любого историка старые книги обладают особым свойством — они позволяют не только через текст проникать в прошлое, но почти материально ощущать его, через прикосновение рукой и взглядом. У Игоря Николаевича коллекционирование превратилось в страсть. Как-то он рассказывал: «Бывает, с момента начала поиска книги до ее обретения проходит 10–20 лет. И сейчас большего удовольствия, чем пройтись по букинистам от Сретенки до Арбата не знаю».

В 1954 году Игорь Николаевич пытался устроиться на работу в издательство «Просвещение», но беспартийного не взяли. Не удалось поступить на службу и в Исторический музей. Игорь Николаевич уезжает в Челябинск. Там шесть лет он преподает в Челябинском государственном педагогическом институте и живет в общежитии. Скромность в житейских привычках, сосредоточенность на работе помогли ему работать в условиях спартанского быта. За партой, стоявшей в комнате, готовил лекции, писал статьи. Успешно делавшие карьеру коллеги удивлялись: «Ну, что Вы этой мутью средневековой занимаетесь?». Но он, как и многие, кто пришел в медиэвистику в то время, не желал заниматься теми областями истории, которые испытывали на себе особенно жесткие идеологические ограничения. Игорь Николаевич говорит: «Конечно, можно было взять более конъюнктурную тему, но я любил эту, как тогда говорили, «муть». Думаю, не смог бы заниматься тем, что требует сверять свой курс по передовице. Не смог бы и преподавать то, что самому не лезет в горло». Думается, что ученый всегда был согласен с главным героем своих изысканий Томасом Мором, который полагал, что счастье заключается в духовной свободе и доступе к знаниям⁴.

Вернулся Игорь Николаевич в Москву в 1962 году. Здесь удалось устроиться в Исторический музей, в отдел древнерусского искусства для работы в Церкви

Троицы в Никитниках. Затем перешел работать в Институт Всеобщей истории Академии наук. Здесь научные интересы Игоря Николаевича сосредоточились в области истории Англии XVI века, общественной мысли Европы эпохи Возрождения, Реформации и Нового времени. За время работы в Институте Всеобщей истории были опубликованы четыре монографии, а также серия статей о Томасе Море, Эразме Роттердамском и Томасе Карлейле.

Как уже отмечалось, особое внимание Игоря Николаевича всегда привлекал английский мыслитель, политик и ученый Томас Мор. Феномен Мора никогда не утрачивал своей актуальности, и по сей день, далеко не исчерпан и не объяснен⁵.

Бесспорной заслугой Игоря Николаевича стало то, что в его работах Томас Мор предстает перед читателем во всей своей исторической достоверности, значительности и человеческой привлекательности. Уже в первой большой работе, посвященной Т. Мору⁶, Игорь Николаевич Осиновский вступает в полемику с упрощенно-модернизаторскими представлениями о Море, отрывающими его от конкретной исторической обстановки того времени. Особенно не повезло «Утопии» Т. Мора, которую чаще, чем другие работы, рассматривали в отрыве от всей совокупности литературного наследия автора, вырывая из контекста духовной жизни Европы конца XVI века. Подобным подходам Игорь Николаевич противопоставляет собственное тщательное исследование социально-политических, культурных и идеологических условий появления «Утопии». А.Х. Горфункель писал в рецензии на эту работу, что автору «удалось продемонстрировать, что «Утопия» не противостоит культуре начала XVI века, но органически связана с главным движением в духовной жизни эпохи, с гуманизмом»⁷.

Именно этот подход позволил автору интересной историографической работы «Перестройка и Томас Мор в СССР» определить Игоря Николаевича как ведущего представителя направления исследования Т. Мора в контексте ренессансного гуманизма⁸.

В книге «Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация»⁹ Игорь Николаевич раскрывает сущность религиозно-этических идеалов Мора. Предлагаемое в «Утопии» истинное и справедливое общественное устройство должно, по мысли гуманиста, вести к восстановлению истинной человеческой природы, отрешенной от себялюбия «Никакая страсть не поразила худшими бедами человеческую жизнь, — пишет Мор, — чем эта тайная привязанность к самому себе, к собственной выгоде...»¹⁰. Цель описанного в книге общества утопийцев состоит не только в удовлетворении материальных потребностей граждан, но прежде всего в создании условий для свободного развития человеческой личности. Саму трагедию гибели Томаса Мора на эшафоте ученый рассматривает как крушение гуманистической культуры, павшей жертвой социальных и национальных конфликтов XVI века.

Огромной заслугой Игоря Николаевича Осиновского стало обращение к исследованию диалектики взаимодействия в сознании и творчестве Мора идейного материала трех эпох: античности, средневековья и Возрождения.

Он продемонстрировал, что античная традиция, особенно наследие Платона и Аристотеля, стала для Мора школой рационализма и свободомыслия; что для Мора, как юриста и государственного деятеля особое значение имели нормы римского права; что реалии греко-римской цивилизации послужили в преобразованном виде строительным материалом для Утопии. В то же время в работах Игоря Николаевича Т. Мор рассматривается как христианский мыслитель. При этом христианство Мора, как и многих других представителей гуманизма, это, прежде всего, система норм нравственности и ответственности человека, в основе которых лежат представления о свободе и достоинстве людей. Именно такое христианство допускало спасение всех добродетельно живущих людей, независимо от конфессиональных различий.

Своим подходом к изучению творчества Мора и других мыслителей Возрождения Игорь Николаевич Осинковский утверждал множественность факторов, определяющих социальные и нравственные позиции человека. В этом он противостоял господству «науки» партийной номенклатуры, навешиванию ярлыков. Противники подобных подходов пытались обвинять Игоря Николаевича в буржуазном либерализме.

Макс Вебер писал: «В каждом труде, достойном внимания, отражается личность автора»¹¹. В работах Игоря Николаевича о Т. Море, Э. Роттердамском ощущается близость очень существенных жизненных позиций автора и этих мыслителей прошлого. В 1970-е годы Игорь Николаевич был избран парторгом Сектора истории средних веков Института всеобщей истории Академии Наук СССР. В это время большой коллектив медиевистов, сотрудников нескольких академических институтов, готовил многотомную коллективную монографию по истории средневекового крестьянства. Школа исследования аграрных отношений в нашей стране еще с дореволюционных времен занимала заметное место в мировой медиевистике, и это издание должно было стать одним из самых значимых трудов. Инициатором этой работы и редактором первого тома был академик С.Д. Сказкин. Над изданием работал большой коллектив, в том числе такие выдающиеся историки как А.О. Неусыхин, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный. Их научные изыскания не укладывались в прокрустово ложе схематической советской истории. Эрудиция, широта взглядов, научная смелость делали этих людей чужими для приверженцев официальной науки. Министр просвещения А.И. Данилов решил, по выражению Ю. Л. Бессмертного, «пустить издание под откос»¹². На обсуждении он произнес разгромную речь, в которой обвинил ряд авторов в ревизии марксистской концепции и в попытке игнорирования истории классовой борьбы. Затем последовали многочисленные выступления, осуждавшие методологические позиции этих авторов. Академика С.Д. Сказкина, который был безусловным авторитетом для научного сообщества и мог бы выступить в защиту издания, уже не было в живых¹³.

Игорь Николаевич рассказывает: «Было очевидно, что все уже решено, и вдруг, председательствовавший на обсуждении академик Л.В. Черепнин предложил высказаться мне. Меня пытались предостеречь, но я не мог не выступить». Думаю,

Игорь Николаевич понимал, что от того присоединится ли он к хулителям издания, зависят успешная карьера, публикации в престижных изданиях, возможность преподавания, но нравственный императив, сформированный жизнью, людьми, которых он любил и, возможно, пример главного протагониста его штудий, оказались сильнее. Выступал он достаточно долго, опровергая основные претензии, высказанные предыдущими ораторами к авторам. Зная о том, что С.Д. Сказкин перед смертью прочел работу и очень хотел ее публикации, Игорь Николаевич, до последних дней бывший с Сергеем Даниловичем, рассказал, что тот был о работе чрезвычайно высокого мнения и желал ее публикации. После его выступления А.Я. Гуревич сказал: «Генералы остались без армии». Действительно, в обсуждении наступил перелом. Впрочем, «История крестьянства» еще долго ждала издания¹⁴. Для Игоря Николаевича последствия не замедлили сказаться: ему не разрешили преподавать в МГПИ им. В.И. Ленина. Начальник отдела кадров министерства лично изъяла его документы из отдела кадров института, а А.А. Кирилловой, которая поехала в министерство, было передано, что Данилов знает, что она приехала защищать И.Н. Осиновского и, поэтому ее не примет. Игорю Николаевичу так и не разрешили преподавать, пока Данилов оставался министром.

Степень доктора исторических наук Игорю Николаевичу была присуждена только в 1982 году за монографию «Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация», а звание профессора в 1990 году.

Под руководством Игоря Николаевича подготовлено шесть кандидатов наук. Его аспиранты работают в вузах Нижнего Новгорода и в Институте всеобщей истории РАН.

В Московском городском педагогическом университете Игорь Николаевич Осиновский работает с 1998 года. Он читает курсы истории средних веков и историографии всеобщей истории. Его уважают и любят коллеги и студенты.

Обширные знания, тонкое чувство языка, выработанная годами собственных научных изысканий тщательность и точность в работе позволили ему стать одним из лучших редакторов научных изданий. При его участии, в издательстве «Наука» в сериях «Утописты и реформаторы» и «Литературные памятники» вышли такие издания как Т. Скидмор «Права человека на собственность», «Эгалитаристские памфлеты в Англии XVIII в. Эдмунд Берк, Роберт Уоллес» и др. Одной из самых значительных публикаций, подводящей итог многолетним исследованиям автора по истории английского гуманизма, стал сборник сочинений Томаса Мора, опубликованный в 1998 году в серии «Литературные памятники». В него вошли: «Утопия», «История Ричарда», и полный корпус латинской поэзии Т. Мора. Их текст Игорь Николаевич снабдил обширными научными комментариями и большой вступительной статьей «Томас Мор и его время».

Игорь Николаевич Осиновский, конечно, человек своего времени, но эпоха сталинизма, время господства «науки» партийной номенклатуры, либерализация коммунистического режима, впрочем, как перестройка и постперестроечное время, не привели к существенным изменениям проблематики его исследований и интерпретаций, не заставили поменять позиций, исследова-

тельской парадигмы. Его время гораздо больше этих периодов, это «большое время» человеческой культуры.

G.A. Rtishcheva

**Person of «the Long Time»: Reflections on Fate
and Creativeness of Professor I.N. Osinovsky**

The article is devoted to life and creative activities of a specialist in the field of British history of XVI century and public thought in Europe of Renaissance period. The author tends to consider fate and creativity of the scholar in close connection with the fate of native science and the history of the country. According to author's opinion, I.N. Osinovsky is the leading exponent of research of T. Moore in the context of Renaissance humanism.

Keywords: I.N. Osinovsky; T. Moore.

Примечания (Endnotes)

¹ 3 февраля 1929 г. в Москве.

² Там Николая Ивановича арестовали, затем определили на поселение, но позже арестовали снова. Когда началась война, он попросился в армию, и его отправили в штрафбат. В штрафбате он прошел всю войну. И после войны снова уехал на Север.

³ Ныне Московский педагогический государственный университет — МПГУ.

⁴ *Томас Мор*. Утопия. – С. 126.

⁵ Международная организация «Ассоциация друзей Томаса Мора выпустила более двухсот номеров ежеквартального издания «Moreana». Выходит 16-томное собрание сочинений Мора. На 3 февраля 2009 года только в Поисковой системе Google творчеству Т. Мора посвящено более 61 000 страниц. Этическая концепция Мора оказалась востребованной в наше время не только историками, но, например, молодежным неолетовским движением XXI века // <http://marsexx.narod.ru/utopia/utopia-mor-pred.html>

⁶ *Осиновский И. Н.* Томас Мор / И.Н. Осиновский. – М.: Наука, 1974.

⁷ *Горфункель А. Х.* Рец.: И.Н. Осиновский. Томас Мор. – М.: Наука, 1974 // Вопросы философии. – 1976. – № 4. – С. 181.

⁸ *Hideo Tamura.* Perestroika and Thomas More in the USSR / Tamura Hideo // *Moreana*. – Vol. 29. – June / July 1992. – № 110. – P. 9–18.

⁹ *Осиновский И. Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация / И.Н. Осиновский. – М., 1978.

¹⁰ Там же. – С. 194.

¹¹ *Вебер М.* «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики / М. Вебер // *Культурология. XX век. Антропология*. – М., 1995. – С. 572.

¹² *Бессмертный Ю.* Август 1991 года глазами московского медиевиста. Судьбы медиевистики в советскую эпоху / Ю. Бессмертный // *Nomo Historicus*. – Т. I. – М., 2003. – С. 40–41.

¹³ Он умер в 1974 г.

¹⁴ Первый том монографии «История крестьянства в Европе» вышел в 1985 г.

Библиография работ профессора И.Н. Осинковского

1. Томас Мор и реформация Генриха VIII // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XII–XVII вв. – М., 1960. – С. 79–95.
2. Томас Мор в английской историографии XX в. // Средние века. – 1962. – Вып. 21. – С. 262–274.
3. Введение // Генезис капитализма и промышленности в сельском хозяйстве: Сб. ст. – М.: Наука, 1965. – С. 10–11.
4. Об одной тенденции в трактовке «Утопии» Томаса Мора // Средние века. – 1965. – Вып. 28. – С. 294–300.
5. Томас Мор // Советская историческая энциклопедия: В 16 тт. – Т. 9. – М.: Просвещение, 1966. – С. 677–679.
6. Находка солида Константина IV близ Судака // Советская археология. – 1966. – № 3. – С. 240.
7. Труды академика С.Д. Сказкина за 1960–1966 // Новая и новейшая история. – 1966. – № 2. – С. 176–177.
8. О подготовке коллективного обобщающего труда «Генезис капитализма в странах Европы, Азии, Америки» // Новая и новейшая история. – 1966. – № 2. – С. 176–177.
9. Эразм Роттердамский // Детская энциклопедия. – Т. 8. – М.: Просвещение, 1967. – С. 167.
10. Кальвин и Сервет // Детская энциклопедия. – Т. 8. – М.: Просвещение, 1967. – С. 180.
11. Государственный исторический музей // Детская энциклопедия. – Т. 8. – М.: Просвещение, 1976. – С. 590–593.
12. Средневековые монеты Западной Европы // Детская энциклопедия. – Т. 8. – М.: Просвещение, 1967. – С. 602–604.
13. Генезис капитализма. Всесоюзная научная сессия // Новая и новейшая история. – 1967. – № 1. – С. 183–185.
14. Хроника работы сессии «Генезис капитализма» в 1966–1967 гг. // Возникновение капитализма и промышленности в сельском хозяйстве стран Европы и Америки. – М.: Наука, 1968. – С. 496–484.
15. «Утопия» Томаса Мора и её критики // Вопросы истории. – 1968. – № 7. – С. 67–84.

16. Thomas More in Moscow // *Moreana*. – 1968. – № 19-20. – P. 131–133.
17. Монеты стран зарубежной Азии и Африки XIX вв. // *Народы Азии и Африки*. – 1969. – № 2. – С. 222–229.
18. Thomas More's Utopia in Russia // *Moreana*. – 1969. – № 22. – P. 33–38.
19. Об исторической специфике гуманизма и утопического социализма XVI в. // *Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма*. – М.: Наука, 1969. – С. 204–211.
20. Rare Editions of Thomas More's Works in Libraries of USSR // *Moreana*. – 1970. – № 25. – P. 67–74.
21. Рец.: Никифоров «Альбом по истории культуры средних веков». – М.: Просвещение, 1969 // *Преподавание истории в школе*. – 1970. – № 2. – С. 96–98.
22. Поэзия в творчестве Томаса Мора // *Средние века*. – 1971. – Вып. 33. – С. 305–314. (В соавторстве).
23. More and Erasmus Speak Russian // *Moreana*. – 1972. – № 33. – P. 50.
24. Политическая тенденция «Истории Ричарда III» Томаса Мора // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. – М.: Наука, 1971. – С. 407–420.
25. Томас Мор — гуманист и политик // *Новая и Новейшая история*. – 1973. – № 2. – С. 115–127; № 3. – С. 107–121.
26. О некоторых тенденциях в изучении социалистов-утопистов // *Критика современной буржуазной и реформистской историографии*. – М.: Наука, 1974. – С. 50–102. (В соавторстве).
27. «История Ричарда III» Томаса Мора // *Англия XIV–XVI вв. Проблемы генезиса капитализма*. – Вып. 1. – Горький: Изд-во Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского, 1974. – С. 13–17.
28. «История Ричарда III» Томаса Мора // *Англия XIV–XVI вв. Проблемы генезиса капитализма*. – Вып. 2. – Горький: Изд-во Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского, 1974. – С. 61–64.
29. В.Ф. Семёнов (1896–1973) // *Средние века*. – 1973. – Вып. 37. – С. 336–337.
30. Жизнь и творчество Томаса Мора. – М.: «Наука», 1973. – С. 149–191.
31. Томас Мор. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
32. Рец.: Е.В. Кузнецов. Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.) // *Средние века*. – 1975. – Вып. 38. – С. 269–299.
33. В.Ф. Семёнов (1896–1973) и его научно-педагогическая деятельность // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века: Сборник трудов*. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. – С. 322–326.
34. Библиография трудов акад. С.Д. Сказкина // *Сказкин С.Д. Избранные труды по истории*. – М.: Наука, 1973. – С. 427–443.
35. Научно-педагогическая деятельность профессора В.Ф. Семёнова и библиография его трудов // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века: Сборник трудов*. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. – С. 3–16.

36. Об изучении наследия Томаса Мора в современной буржуазной историографии // История социалистических учений. – М., 1977. – С. 142–165.
37. Томас Мор и его «Утопия» // Детская энциклопедия. – Т. 8. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1967. – С. 171.
38. Эразм Роттердамский // Детская энциклопедия. – Т. 8. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1967. – С. 168–169.
39. Томас Мор в истории ренессансного гуманизма (на японском языке): Перевод проф. Хидео Тамуры. – Токийский университет, 1978. – С. 400.
40. На пиру у Клио. Обзор серии «Памятники исторической мысли» // В мире книг. – 1979 – № 10. – С. 53–55.
41. Рец.: Л.М. Брагина. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV вв. // Новая и новейшая история. – 1980. – № 1. – С. 196–199.
42. O niektorých tendenciach v interpretácii ucenia utopických socialistov. – Praga: Pravda, 1977. – 98 p.
43. Tomas More in Dostoevski's The Idiot // Moreana. – 1980. – № 67–68. – С. 16.
44. Томас Мор (на японском языке). – Токио, 1981. – 244 с.
45. 500-летний юбилей Томаса Мора и зарубежная историография // Социальные движения и борьба идей. – М.: «Наука», 1981. – С. 186–207.
46. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. – М.: Наука, 1978. – С. 237.
47. Томас Мор и его «Утопия» // Томас Мор. «Утопия». – М.: Наука, 1978. – С. 5–81.
48. Томас Мор и его буржуазные критики // Новая и новейшая история. – 1978. – № 3. – С. 55–69.
49. Томас Мор в истории ренессансного гуманизма // Культура эпохи Возрождения и реформация. – Л., 1981. – С. 218–226.
50. Программа по историографии всемирной истории (для студентов исторического факультета). – М.: МГПУ, 2004. – 20 с.
51. Томас Карлейль и утопический социализм (к постановке проблемы) // История социалистических учений: Сборник статей. – М.: Наука, 1985. – С. 118–141.
52. Томас Мор и его «Утопия» // Томас Мор «Утопия». – М.: Наука, 1978. – С. 5–81.
53. Томас Мор. – М.: Мысль, 1985. – С. 147.
54. «Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в. // История социалистических учений. – М., 1985. – С. 163–189.
55. Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор»). Лондон, 1982) // История социалистических учений. – М., 1987. – С. 235–251.
56. Идеал совершенного человека у Томаса Мора (к 510-й годовщине со дня рождения автора «Утопии») // Научный коммунизм. – 1988. – № 2. – С. 104–111.

57. Эразм Роттердамский и Мартин Дорп // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. – М.: Наука, 1988. – С. 175–187.
58. «Энхиридион» Эразма и некоторые особенности его интерпретации в тюдоровской Англии // Эразм Роттердамский и его время. – М.: Наука, 1989. – С. 185–196.
59. Томас Мор в истории ренессансного гуманизма. – Токио, 1990. – 250 с.
60. Золотой солид Константина IV, найденный в Судаке // Вестник нумизмата. – Калининград, 1991. – № 3. – С. 17–19.
61. Эразм Роттердамский, Эдуард Ли и Томас Мор // Культура Возрождения и средние века. – М.: Наука, 1993. – С. 82–92.
62. Этика труда у Томаса Карлейя // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. – М.: РАН ИВИ, 1993. – С. 168–179.
63. Реформация в Западной и Северной Европе. Англия // История Европы с древнейших времён до наших дней: В 8-ми тт. – Т. 3. – М.: Наука, 1993. – С. 286–289.
64. Культура Англии // История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8-ми тт. – Т. 3. – М.: Наука, 1993. – С. 508–528.
65. More. Transl. from Russian by George Vaughan Hart. – Dublin: The Saint Thomas More Society of Ireland, 1993. – 108 p.
66. К изучению этических взглядов Томаса Мора // The Journal of Economics. – Vol. XXVIV. – 5–6 February. 1994. – Tokyo, Japan. – P. 29–56.
67. «Есть один талант — стремление понимать» // Юрий Айхенвальд. Стихи и поэмы разных лет. – М.: Мемориал, 1994. – С. 221–222.
68. Рец.: Средневековая Европа глазами современников и историков // Вопросы истории. – 1995. – № 11–12. – С. 164–165.
69. Томас Мор и его время // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. – М.: Наука, 1998. – С. 305–368.
70. Комментарий // Утопия. – М.: Ладомир; Наука, 1998. – С. 393–428.
71. Колет и лолларды // Проблемы английской и валлийской истории. – Арзамас: изд-во АГПИ, 1999. – С. 55–61 (в соавторстве).
72. Рец. А.В. Бобылев. Дореформационный период и Реформация. – Вып. 1–2 // Профессиональный журнал: Библиография. – № 4. – М., 2000. – С. 120–121.
73. И.А. Дворецкая — учёный и педагог // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. К 70-летию доктора исторических наук, профессора И.А. Дворецкой: Сб. ст. – М.: МПГУ, 2000. – С. 5–6.
74. Ренессансный гуманизм и Реформация (некоторые теоретико-методологические аспекты проблемы) // Исследования по зарубежной истории. – Смоленск: Смоленский гос. пед ун-т, 2000. – С. 263–267.
75. Ренессансный антропоморфизм Томаса Мора // Англия и Европа: Проблемы истории и историографии: Межвузовский сборник научных трудов. – Арзамас: АГПИ, 2001. – С. 136–148.

76. «Кинжал христианского воина» Эразма и некоторые особенности реформации в Англии XVI в. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. – Вып. 2. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 7–17.

77. Эразм Роттердамский, Эдуард Ли, Томас Мор и другие // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. – Вып. 2. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 17–26.

78. Эразм в Кембридже. Общественная мысль в контексте истории культуры. – М.: Наука, 2004. – С. 147–184.

79. Историческая антропология и социология Томаса Карлейля // Труды учёных МГПУ. – Вып. III. – М.: МГПУ, 2005. – С. 128–142.

80. Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. – М.: МГПУ, 2006. – 218 с.

81. «Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в. // Актуальные вопросы историографии. – М.: МГПУ, 2007. – С. 3–34.

82. Этика труда у Томаса Карлейля // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 5. – Арзамас: АГПИ, 2008. – С. 70–77.

Рецензии на работы И.Н. Осиновского

1. Турков А. «Человек для всех времён». Томас Мор. – М.: Мысль, 1985 // Известия. – 1985. – 14 февраля. – С. 3.

2. Горфункель А. Х., Черняк И. Х. Рец.: И.Н. Осиновский. Томас Мор. – М.: Наука, 1974 // Вопросы философии. – 1974. – № 4. – С. 182.

3. Горфункель А. Х., Черняк И. Х. Рец.: И.Н. Осиновский. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. – М., 1978 // Новая и новейшая история. – 1979. – № 4. – С. 182.

4. Неманов И. Н. Рец.: И.Н. Осиновский. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. – М., 1978 // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 187.

5. Чиколини Л. С. Рец.: И.Н. Осиновский. Томас Мор. – М., 1978 // Украинский исторический журнал. – 1979. – № 12. – С. 138–139.

6. Челлини К. Многоликий Святой Томас // Независимая газета. – 1998. – 27 августа. – № 158 (1728). Приложение: Книжное обозрение «Ex libris НГ», 12. – С. 4.

В студенческом политклубе «Открытая трибуна»

«**З**ащита Отечества — священный долг поколений» — под таким девизом прошло совместное заседание кафедры всеобщей истории МГПУ, Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и студенческого политклуба исторического факультета МГПУ «Открытая трибуна».

С приветственным словом к собравшимся выступил декан исторического факультета профессор В.В. Кириллов. Он отметил важную роль военно-патриотического воспитания в подготовке будущих учителей истории.

С сообщениями на общую тему «Братство, закалённое в боях» выступили заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ, доктор исторических наук, профессор Е.И. Хаванов, студенты Дина Асриева и Николай Косарев.

Далее — «Боевые эпизоды — через призму десятилетий» — воспоминания гостей. Ими поделились: Д.А. Мякушев — полковник, председатель Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса (в годы войны — офицер связи, адъютант командира корпуса генерала Н.С. Осликовского, участник обороны Москвы); А.С. Степанов — секретарь Совета ветеранов; С.М. Михеев — полковник (в годы войны — в 104-м танковом полку); В.В. Горбунов — доктор исторических наук, капитан (в годы войны — в 25-м гвардейском кавалерийском полку 6-й гвардейской дивизии); А.В. Егоров — полковник (в годы войны — в 104-м танковом полку 5-й гвардейской кавалерийской дивизии); И.Н. Решетиллов — врач-психиатр, лейтенант медицинской службы (в годы войны служил во 32-й кавалерийской дивизии).

Ветераны пожелали студентам и педагогам МГПУ успехов в изучении истории, в пропаганде традиций защиты Отечества.

Кроме ветеранов гостями на заседании были учащиеся московской школы № 611, где создан и многие годы функционирует музей 3-го гвардейского кавкорпуса. Директор школьного музея М.И. Волкова рассказала о военно-патриотической работе в школе, о дружбе с воинами — гвардейцами.

На заседании выступили: ведущий научный сотрудник Академии военных наук, заслуженный работник высшей школы, профессор, доктор исторических наук А.П. Криворучко, научный консультант Морского флота России, доцент, капитан 1 ранга Сергей Александрович Мозговой, участник Великой

Отечественной войны, сотрудник советской военной администрации в Германии, академик Академии проблем истории, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ К.К. Шириня.

В перерыве состоялась презентация книги «Завершение легенды» — сборника материалов о встрече ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса со студентами и преподавателями исторического факультета по случаю 65-летия Победы под Москвой.

Наконец, завершающая часть заседания — художественная. Её назвали «А музы не молчали...». Участники студенческого поэтического клуба Илья Гуляев, Алексей Волков подготовили к встрече свои новые произведения. Из гостей свои стихи читал Алексей Егоров.

В подготовке и проведении заседания приняла участие секция гражданского и патриотического воспитания НИИСО.

Пресс-группа студенческого
политклуба «Открытая трибуна»

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2009, № 1 (3)**

Боева Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент
общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

Карпачев Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор,
заместитель декана исторического факультета по отделению «Связи с обществом» МГПУ.

Лобанова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник института Всеобщей истории РАН.

Михайловский Фёдор Александрович — доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории МГПУ.

Пашенцев Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профес-
сор кафедры всеобщей истории МГПУ.

Перечицкая Светлана Леонидовна — соискатель кафедры отечествен-
ной истории МГПУ.

Пухович Леонид Иосифович — кандидат политических наук, препода-
ватель кафедры философии и права Казахско-Британского технического уни-
верситета.

Ртищева Галина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории МГПУ.

Смирнова Юлия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории МГПУ.

Стецюра Татьяна Дмитриевна — кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского
Государственного Областного Университета (МГОУ).

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории МГПУ.

Хаванов Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей истории МГПУ.

**Authors / MCPU Vestnik,
Series «Historical studies», 2009, № 1 (3)**

Boeva Liubov Aleksandrovna — Candidate of History, assistante professor of MCPU.

boevala@mail.ru

Karpachev Sergei Pavlovich — Doctor of History, professor of MCPU.

Karpachev@mgpu.ru

Lobanova Elena Valerievna — Candidate of History, assistant professor of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Lobanov@mgpu.ru

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor of MCPU

Opus-posth@mail.ru

Pashentsev Yevgeny Nikolaevich — Doctor of History, professor of MCPU.

Pashentsev@mgpu.ru

Perechitskaya Svetlana Leonidovna — expert of the faculty (MCPU).

perechitskaya@mail.ru

Pukhovich Leonid Iosifovich — Candidate of political sciences, assistant professor of Kazakhstan-British Technical University.

Leonidnew-sveta@mail.ru

Rtishcheva Galina Anatolievna — Candidate of History, assistant professor of MCPU.

galina_rtischeva@inbox.ru

Smirnova Julia Valerievna — Candidate of History, assistant professor of MCPU.

Smirnova@mgpu.ru

Stetsiura Tatiana Dmitrievna — Candidate of History, assistant professor of MGOU

S.Tatiana78@mail.ru

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, professor of MCPU

Ushakov@mgpu.ru

Khavanov Yevgeny Ivanovich — Doctor of History, professor of MCPU.

Khavanov@mgpu.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (3), 2009

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор *В.В. Рябов*

Составитель:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Р.Д. Смирнова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 30.05.2009 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.